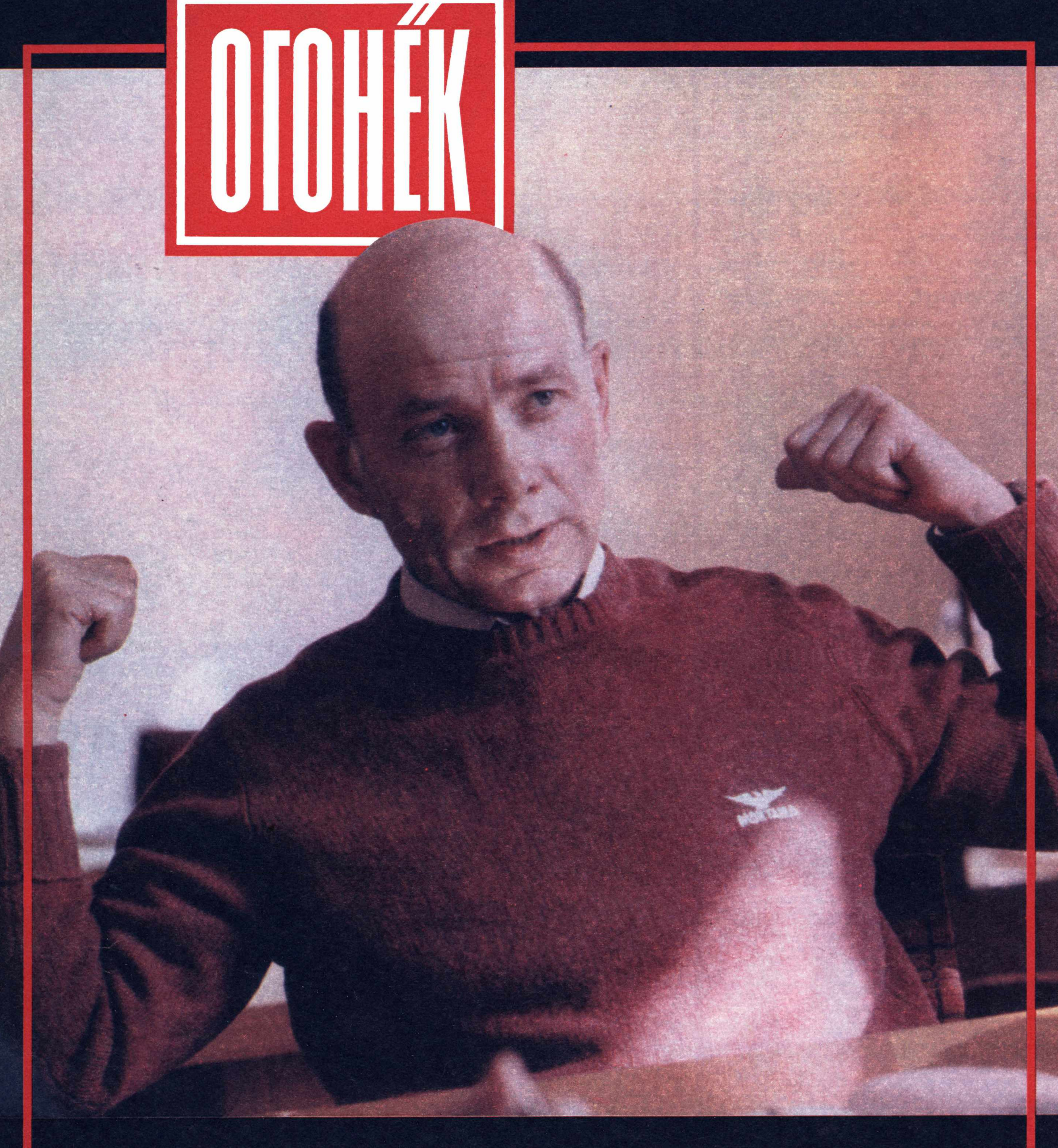
ISSN 0131–0097

МАЙ № 21 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ОГОНЁК

Валентин ФЕДОРОВ:
«Хочу
построить
капитализм!»

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 21 (3331)
18 — 25 мая

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Валентин Федоров.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Оформление А. А. КОВАЛЁВА
при участии О. И. КОЗАК.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 24.04.91. Подписано к печати 14.05.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 430. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КАК НЕ ХВАТАЕТ СЕГОДНЯ

ПРО БУРЖУЕВ, КОТОРЫЕ ПОД ВИДОМ ЧЕСТНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЗАХВАТИЛИ ОСТРОВ САХАЛИН.

Слегка подрумяненный морозцем диск восходящего солнца нехотя переваливается через гребень безымянной сопки, что напротив моего гостиничного окна. В эти часы сахалинское радио передает утренние известия, а затем из динамика неожиданно выплывает очень старая и до боли знакомая мелодия аккордеона... И чудится почему-то запах жареной картошки с коммунальной кухни, где дремлет пыльная герань на подоконнике старого московского дома, и слышен привычный звон трамвая за углом, и словно дымкой окутывает то дорогое моему поколению время, которое называли мы когда-то временем Больших Надежд.

...Увы, надежды не сбылись. Истерзанный, измученный, но не сломленный войной народ был полон великих устремлений и был готов трудиться до седьмого пота, заслуживая лучшей доли. Но «наш рулевой», вечно озабоченный «сплоченностью своих рядов» и «постоянной заботой о благе трудящихся», вел корабль непонятным, непредсказуемым курсом, пока не зарулил в тупиковую гавань, где грустно качаются на воде ржавые, списанные, обреченные на металлолом суда. Неужто дороги дальше нет?

Брожу в плену невеселых ассоциаций по штормовым причалам Корсакова и Холмска, ловлю кожей лица холодные соленые брызги, и, как последняя мучительная надежда, не покидает мысль, что, может быть, именно отсюда, с самой далекой окраины нашей земли, прокатится по России вал возрождения, ибо жизнь на острове, как утверждают местные реформаторы, преобразуется не по привычным навязанным схемам, а по жестким экономическим законам, основанным на историческом опыте и здравом смысле. Не знаю, откровенно говоря, верить или не верить этим отчаянным оптимистам — сколько бесплодных прожектов прошли через толщу нашей жизни... Что, еще один фантастический эксперимент или реальный прорыв в будущее?

НАМ ИЛЬИЧА!

Александр БОЛОТИН

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СВОБОДЕ!

Кто только не открывал для себя Сахалин и Курильские острова! История помнит русского флотоводца Степана Макарова и французского мореплавателя Жана Лаперуза, знаменитого Ивана Крузенштерна и адмирала флота Геннадия Невельского, Антона Чехова и Власа Дорошевича...

Знаменитая мадам Блювштейн, более известная в одесских воровских кругах как «Сонька Золотая Ручка», была доставлена в свое время на Сахалин в трюме арестантского парохода закованная в кандалы. Мало кому известный профессор Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова Валентин Федоров приехал на остров сам, «приехал сам,— как пел Высоцкий,— не по этапу»... Время смещает понятия, и я даже склонен думать, что профессор просто сбежал сюда

с материковой неволи, где хорошо отлаженные диктаторские щупальца центра лишают независимого руководителя элементарной творческой самостоятельности. Логика современного момента упростилась: чем дальше от Кремля, тем более свободы.

Честолюбивый Федоров мнил себя, очевидно, губернатором острова. И надо же случиться чудесам — жизнь пошла ему навстречу в этом скромном пожелании. Все решило, как сейчас принято говорить, волеизъявление народа, которому по душе пришлась предложенная московским профессором необычная программа преобразований на Сахалине. 18 апреля 1990 года в ходе открытого и поименного голосования Валентин Петрович был избран председателем Сахалинского облисполкома. И с этого дня, считай, начал править бал...

А я между тем все-таки думаю: на каких струнах души играл новоиспеченный губернатор, чем смог он прельстить местных аборигенов, которым за все годы советской власти чего только не обещали: и процветающий колхозный строй, и могучую индустриальную поступь развитого социализма, и даже светлый коммунистический рай. А Федоров вышел на трибуну и пообещал местному люду... свободу!

Свобода в профессорской интерпретации базируется на несколько торжественном, но в принципе простом утверждении: «Вся территория Сахалинской области объявляется собственностью проживающего здесь населения». Вам, братцы, и решать, как использовать эту территорию и как к ней вообще относиться. Можно долго смеяться над тем сапожником, который без сапог, но сахалинцам почему-то не до смеха. Им надоело жить без того, что они добывают и производят,— без рыбы и нефти, без газа, древесины и пушнины. Все это грабительски конфискует центр, как правило, игнорируя свои обязательства в отношении поставок с материка непроизводимых здесь фондовых товаров.

Итак, первый шаг к свободе — право распоряжаться своими ресурсами. Об этом приятно помечтать, если свобода была бы свободной: приди и возьми. Но свободу можно добыть только двумя способами — завоевать или выкупить. Миролюбивый губернатор далек от мысли что-то завоевывать. А вот выкупить, причем в рассрочку,— это удачный ход козырной картой. Надо только грамотно обосновать и аргументировать обоюдную выгоду — естественную для сахалинцев и непонятную пока государству. Но на то ты и Голова, облеченный к тому же доверием народа.

Впервые я увидел Валентина Петровича в Южно-Сахалинске, в его державном исполкомовском кабинете на Коммунистическом проспекте. Передо мной сидел хитрющий мужичок, цепкий и жилистый, лишенный сановной важности, скорее простоватый, с глазами деревенского пройдохи, что знает все наперед и удивить которого — напрасное занятие. Изредка хозяин кабинета одергивал пиджачок, завезенный явно из заморских стран, и крайне приятным сибирским говорком словно убаюкивал собеседника. А говорил он вещи настолько нетрадиционные в своем понимании экономического состояния общества, что я грешным делом не раз ловил себя на мысли, как удалось ему не потерять голову в еще недавние крутые времена или в лучшем случае не попасть в пациенты известных психиатрических заведений. Однако кружит свобода голову людям, ох как кружит...

Да и «игроки» федоровской команды, местные островные люди, исповедующие его принципы и взгляды, настолько обнаглели, что с чувством глубочайшего классового презрения впору обозвать их всех буржуями. А как же еще?.. Вот, например, бывший пролетарий Анатолий Иванович Филиппов. В прошлом, как и все, честный труженик из бедной крестьянской семьи. В пятнадцать лет пошел парень работать на шахту, школу вечернюю окончил, два высших образования получил, защитил диссертацию... Это другое дело, что на нищенскую зарплату преподавателя техникума, кандидата наук здоровенному семейному мужику прожить несподручно. Так для заработка летний отпуск есть — благо он у преподавателя на Сахалине целых 60 дней. В течение почти пятнадцати лет молотил кандидат каждое лето на вольных сахалинских просторах, возглавляя рыбопромысловую бригаду. Били рыбаки-временщики все трудовые рекорды, которые и не снились государственным предприятиям. А получил каждый из них за килограмм добытой рыбы 5 копеек, хотя эта продукция буквально через час в магазине по одному рублю 30 копеек продавалась.

Похоже, что с приходом Федорова грабеж кончается. Создана частная компания по рыболовству и туризму «Тунайча» — свой флот, свои холодильники, своя гостиница... Любителям экзотики, в том числе и с валютой в кармане, президент компании, вчерашний бригадир Филиппов, гарантирует услуги на высшем уровне.

Могу нарисовать портрет еще одного буржуя — владелец частного ресторанчика «Восточная кухня», кореец по национальности Эдуард Квон. Это ж надо, какая порочная психология у парня: мало того, что после школы ни дня не сидел на шее у родителей, так уже в двадцать два года поставил перед собой цель заиметь личный автомобиль. И заимел... выращивая все лето совхозных бычков. Потом с дипломом техникума советской торговли работал поваром, строителем и, наконец, выкупил с потрохами разваливившийся сарай недалеко от Южно-Сахалинского железнодорожного вокзала, обустроил его, отделал мореным деревом, керамикой, пенопластом, тщательно подобрал обслугу, понимающую толк в национальной кухне, теперь отбоя от гурманов нет. Молодой хозяин заключил договор с прибрежными хозяйствами, на летний сезон утвержден график доставки морепродуктов, будут на столе копченая горбуша, корюшка, навага, знаменитый сахалинский морской еж, трепанг, гребешок...

Суровый буржуй Алексей Зимин продал в Южно-Сахалинске дом, машину, оставил теплое кресло начальника на одном из производств и ударился в свободную фермерскую долю. Буржуйские хоромы — бывшая полуразвалившаяся котельная на дальнем отделении совхоза, где пока он с женой и детьми прожил долгую холодную зиму. Когда мы приехали в этот Богом забытый уголок, я грешным делом подумал, что стоящий передо мной бородатый 35-летний мужик проводит эксперимент на выживание. Но что лучше: робинзоновский быт или заплесневелые городские прелести — такого вопроса не стояло. Он хозяин, он на земле... Облисполком выделил фермеру 72 гектара поля, уже есть свое поголовье крупного рогатого скота, свиньи, птица, бараны, овцы... Благодаря кредитам появились в хозяйстве грузовик, два трактора, пресс-подборщик. Да и проект своего дома заказан.

Буржуйская жена тоже с высшим образованием, экономист по профессии. Не побоялась, приехала двенадцать лет назад на Сахалин из Подмосковья. Растут сын и дочь — добрые помощники на фермерском подворье.

— Мечтаю о том времени,— говорит хозяин,— когда смогу отправлять свежие продукты и молоко в детские интернаты и дома престарелых.

— Благородная миссия,— поддерживаю я разговор...

— При чем здесь благородство? — сердится Алексей Зимин.— У людей все в мозгах вывернулось наизнанку. Забыли, что человек изначально живет на земле, чтобы кормить стариков и детей.

Буржуи схожи и родословной. Петр Иванович — отец Федорова вернулся с фронта тяжело раненный. «Я так его и запомнил,— рассказывал как-то председатель,— с повязкой на голове, через все лицо шла, закрывала глаз, нос перебитый и щеку простреленную». Примерно такая же судьба и у Филиппова-старшего. Председатель колхоза до войны, потом артиллерист на Ленинградском фронте, потерял глаз, с перебитыми ногами, вернулся в голодную деревню инвалидом второй группы. У Эдуарда Квона пять братьев. Как только не мыкалась семья, чтобы стать на ноги! Да и Зимин, как мы видим, пока особых радостей от жизни не увидел.

...Знакомлюсь с этими людьми, дышу одним с ними воздухом, и закрадывается чувство хорошей зависти. Поднимается, распрямляет плечи народ, у которого впервые появился шанс быть свободным хозяином на свободной земле. Как важно, что законная власть не на словах, а на деле поддерживает в человеке веру самому распорядиться своей судьбой.

Сейчас в Сахалинской области создан земельный запас, позволяющий до 1995 года разместить более тысячи крестьянских хозяйств. Облисполком отрабатывает систему выделения кредитов, решает вопросы обеспечить эти хозяйства комбикормами, техникой, строительными материалами, молодняком скота и птиц. Вживаются непривычные, нетрадиционные формы производства сельскохозяйственной продукции. Чтобы возродить российскую деревню на основе новых законов республики, планируется выполнить здесь мелиоративные работы на площади свыше трех с половиной тысяч гектаров, проложить более 80 километров дорог, пробурить скважины, устроить почти 100 километров ЛЭП различной мощности.

...Это все для вас, буржуи!

Заместитель Федорова по сельскохозяйственным вопросам Александр Федорович Баринов выступает за многоукладность, считает, что разгонять колхозы и совхозы рано, но тем не менее уверен твердо, что заработают эффективно они только тогда, когда им на пятки наступит кооператор, арендатор, фермер, работник малого предприятия. Вместе с Федоровым был за это неоднократно раскритикован партийной печатью. Ох, как выгодно кому-то сталкивать людей лбами, и чему здесь удивляться: более семидесяти лет в нас ненависть к буржуям культивировали.

Зампреда Баринова шатает от усталости из стороны в сторону, по случаю и без случая бьет он себя кулаком в грудь, обещая накормить сахалинский народ — все 720 тысяч, по его мнению, голодных ртов. Можно над ним смеяться, можно ему аплодировать, но такая искренняя страсть плещется в его глазах, что понимаешь: дорвался до дела свободный человек.

ТРАКТАТЫ РЕФОРМАТОРА № 1

Была у государя Петра Великого хорошая замашка — способных крестьянских сынов в Германию посылать, набираться ума-разума. Золотой медалист из маленького поселка Жатай, что в восемнадцати километрах от Якутска, Валя Федоров вполне соответствовал государевым стандартам. Но до Германии было еще сто потов, а пока юный выпускник школы ринулся с берегов Лены покорять Москву. Сначала окончил Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, потом отработал положенное в Госплане Якутской АССР, было это в начале 60-х годов, и не без страха рискнул поступить в аспирантуру такого грозного московского заведения, как академический Институт мировой экономики и международных отношений.

В стенах этого института, пройдя все ступени, состоялся как научная личность — аспирант, мнс, в 37 лет защитил докторскую, дослужился до заведующего отделом общих проблем империализма и американской экономики в институтском журнале. А здесь подоспел наконец-то его час: в качестве специалиста был командирован на несколько лет в ФРГ.

Шесть лет ходил Федоров по землям Нижняя Саксония и Северный Рейн-Вестфалия, гулял по строгому, добропорядочному Бонну, наведывался в продуваемый балтийскими ветрами Гамбург и в утопающие в роскошном благополучии Штутгарт, Майнц и Висбаден, любовался ратушами, выстроенными в стиле позднего барокко или нидерландского ренессанса, рассматривал старинные дома бюргеров с красивыми эркерами и древние соборы, украшенные великолепной готической архитектурой колоколен, слушал лекции видных западногерманских экономистов, встречался с промышленниками, бизнесменами, государственными чиновниками и постепенно понимал, почему побежденные живут, как люди, а у победителей жизнь напоминает салтыково-щедринскую селянку, «которую в Малоярославском трактире подают. Коли ешь ее с маху, ложка за ложкой,— ничего, словно как и еда; а коли начнешь ворошить да разглядывать — стошнит!». А ведь сколько десятилетий хлебали эту бурду, пока не разворошили, пока не разглядели...

Так называемая западногерманская экономическая школа неолиберализма, детально изученная профессором Федоровым, тем доступнее для понимания простому смертному, что различает всего два способа хозяйствования — свободный и принудительный. При этом надо вспомнить раба, которого можно было убить, но заставить работать лучше нельзя: заинтересованность сильнее принуждения. Последний способ оставил мрачный след в мировой цивилизации — феодальной деспотией, гитлеровским монополизмом, сталинским административным диктатом, коему успешно поклоняются по сей день наши некоторые отечественные идолы. По первому же способу живут все преуспевающие, развитые страны.

— Прошло уже 70 с лишним лет,— просвещал меня Валентин Петрович,— а мы лишь начинаем осознавать, что экономика не приемлет голого приказа, что администрирование вредно для производства и производителя, что частную собственность может заменить только бесхозяйственность. Можно плыть против течения, но противодействовать экономическим законам — занятие безнадежное. А мы в течение всей своей советской истории только и делали, что набрасывали идеологическую петлю на экономическую состязательность.

В голубых сказках о всеобщем коммунистическом братстве нет победителей и побежденных — все равны, все с одинаковым достатком. Удобная, убаюкивающая мораль... Но как все-таки объяснить, почему в обществе свободного предпринимательства живут все хорошо — и сильный, и слабый? В ответ на этот вопрос Федоров рассказывает байку, которую я про себя назвал «теорией трех кожаных пальто». Допустим, предприниматель добился первого успеха, он что, бросился тут же облагодетельствовать весь мир? Дудки... Он купит прежде всего себе кожаное пальто. Дела пошли хорошо, еще один успех... Разделить с другими? Никогда... Он купит кожаное пальто жене. И третий успех не заставит его делиться. Кожаное пальто он подарит любовнице. И только потом вступают в силу законы насыщения общества.

Можно спорить с этой теорией, но в своей сахалинской политике Федоров использует ее практически. Чем больше преуспевающих, богатых частных

или акционерных предпринимательств, тем богаче остров. Ведь по условиям эксперимента все без исключения экономические субъекты, как предприятия, так и отдельные лица, выплачивают территориальную ренту на общие нужды. Таким образом, конечная цель каждого свободного предпринимательства — богатый областной бюджет. Все просто, все понятно...

— Вы что, хотите построить социализм на отдельно взятом острове? — спрашиваю у председателя облисполкома. В ответ слышу:

— Я хочу построить здесь капитализм!

Смотрю я на председателя, который, кстати, из коммунистической партии не вышел, и думаю: каких только большевиков мы не видели на последних партийных съездах — и упертых, и сомневающихся, и грозных, и вкрадчивых, и плачущих, и даже здравомыслящих... Вот только большевика, исповедующего буржуазную, капиталистическую мораль, вижу впервые.

Падение Федорова в бездну инакомыслия началось после приезда его в Москву с загнивающего Запада. Во-первых, в своем очень правильном, партийно мыслящем институте он во всеуслышание заявил, что в СССР нет экономической науки и такая никогда не существовала. Наука — это когда надо что-то исследовать, понять и объяснить, а здесь все ясно было с самого начала. И научных авторитетов в области экономики нет. Есть, конечно, ученые, академики, специалисты... Но их знания, широта кругозора, талант подчинены только одной цели: обосновать и оправдать с научной точки зрения идеологические догмы, выступающие в союзе с государственной властью. Экономика в нашей стране — жертва этого проклятого союза.

Употребление понятия «социализм» в применении к нашему обществу не только стыдно, но и безнравственно. Сознательно или несознательно не понятый революционерами Маркс определял социализм как венец прошлого развития, финал объективного и длительного движения общества по восходящей линии от капитализма. А в России образца 1917 года был низкий уровень производительных сил и недостаточно развитой капитализм. Не случайно Г. В. Плеханов заметил, что «русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма». И возникает страшно крамольный вопрос: революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, была ли так необходима?

— Только не надо все сваливать на Ленина,— защищает Федоров нашего вождя.— Ленин первый осознал и публично признал свою ошибку, сделав в 1921 году резкий поворот к новой экономической политике. Нэп давал нашей стране шанс через несколько лет вернуться на путь естественного экономического развития, по которому пошло большинство цивилизованных государств. Чем успешнее были бы шаги нэпа, тем быстрее бы шла разбольшевизация общества. Нэпа как огня боялся Сталин, почувствовав в нем страшную опасность для власти своей партии и для себя лично. Известно его выражение по этому поводу: «...А когда он (нэп.— **А. Б.**) перестанет служить делу социализма, мы его отбросим к черту. Ленин говорил, что нэп введен всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что нэп введен навсегда».

Грустные мысли приходят в голову после этих бесед. Но хоть, слава Богу, пора самообмана прошла. Реальный взгляд на ситуацию таков, по определению сахалинского реформатора № 1, что мы действительно сейчас стоим на пороге 1922 года. Во всяком случае, в понимании необходимости перемен. И начинать сейчас труднее, чем тогда. Давно нет у крестьян земли, утрачен и генофонд предпринимательства, психология человека развращена бесхозяйственностью...

— И что же будет дальше с нами? — с тревогой задаю вопрос.— Что ожидает центр России, Урал, Сибирь, другие регионы?

— Не знаю,— барабанит пальцем по столу мой собеседник,— все может быть... Чтобы качнуться в другую сторону, маятник должен сначала остановиться. Кажется, остановка началась. А я, если мешать не будут, на примере Сахалина покажу выход из кризиса. Не за пятьсот дней — за несколько лет. Тогда и въеду в Москву на белом коне...

КАК ПОССОРИЛИСЬ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ И МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ

Пишущий эти строки тоже когда-то грезил далекими загадочными островами. Помнится, чуть поболее лет двадцати назад белая «Волга» прямо от трапа самолета доставила меня в Сахалинский областной комитет КПСС, где тогдашний его первый руководитель собрал срочно бюро обкома и произнес в честь меня примерно следующую тираду: «Прошу внимания, товарищи. К нам прибыл корреспондент газеты, которую каждый день читают Леонид Ильич и Алексей Николаевич. Рекомендую сделать соответствующие выводы...» Я опустил глаза и про говорившего подумал: «Ну ты и даешь...»,— хотя подобные ритуалы были очень в духе тех незапамятных времен.

Курильские острова уже тогда произвели впечатление дикой, необузданной, а главное — запущенной земли, к тому же с экстремальными условиями проживания. То ли не везло мне, потому что салага-практикант с кафедры физики моря из МГУ повел меня однажды на Шикотане к мысу Край Света «неизведанным», как он выразился, путем и мы попали в пургу, заблудились, и я, каюсь, уже не надеялся выбраться из этой передряги. В другой раз я сладко спал в сарае у ребят из службы предупреждения цунами, а утром мне шутливо заметили, что «все выскочили, а тебя будить не хотели: проспал, старик, три землетрясения» — и показали кривую на сейсмической ленте.

Видел я убогие деревянные постройки, пьяных бичей в огромных столовых, построенных для сезонных рабочих, бродил по загаженной бухте Южно-Курильска, слышал разговоры о катастрофах, о страшном цунами 5 ноября 1952 года, когда волна высотой 20 метров перебрасывала корабли через острова Шумшу и Парамушир, и как-то становилось не по себе: а чего держаться за эти несчастные острова, отдать их японцам — и дело с концом.

— Так нельзя этого делать,— обстоятельно возражает Федоров, когда я поделился с ним своими впечатлениями,— пока руки не дошли, а лет через десять они мне самому пригодятся. Не будем же мы жить всегда, как сейчас. В историческом срезе России — наши все-таки временные трудности. А их подачки в виде миллиардов долларов растворятся, как капля пресной воды в соленом море наших проблем.

Великие правители великой Страны Советов привыкли вечно говорить от имени народа. Но на апрельских официальных встречах Президента СССР в Японии как-то растворилась мысль: а что же думают по поводу «северных территорий» сами их жители? Можно понять и объяснить дипломатический такт и общепринятые протокольные тонкости, но нельзя не считаться с тем, что в преддверии японской миссии М. С. Горбачева население Сахалина и Курил на проведенном референдуме однозначно высказалось за невозможность передачи островов нашим южным соседям. Непростительной ошибкой, по мнению Федорова, явился тот момент, что в зону переговоров, помимо островов Хабомаи и Шикотан, вошли никогда ранее не упоминавшиеся острова Кунашир и Итуруп. Валентин Петрович «психанул», прервал свое пребывание в составе делегации Советского Союза и досрочно улетел из Токио. Ночью в телефонной трубке раздался его хрипловатый голос: «Можете написать, что я выражаю недоверие Президенту».

Такой он, председатель Сахалинского облисполкома, решительный... Кстати, его концепция в вопросе о Курильских островах объясняется просто: не надо сокрушаться о якобы упущенных шансах в связи с несостоявшимся крупномасштабным сотрудничеством с Японией, нужно прежде всего думать о создании своей рыночной экономики на Дальнем Востоке и его советских островах, хозяева положения мы, и в международной конкуренции мы выбираем наиболее выгодных партнеров. Если японские фирмы не захотят участвовать в такой конкуренции, то это их личное дело. Южнокурильские острова с их водной зоной настолько богаты природными ресурсами, что смена их хозяина резко изменит соотношение национальных экономических потенциалов не в нашу пользу. Япония — мощная держава, но и она в известной мере уязвима. Ее благополучие во многом зависит от условий экспорта и импорта. А с изменением экономической системы наши преимущества неоспоримы. Тем более что страны азиатско-тихоокеанского региона, то есть соседи Японии и Сахалинской области, вряд ли испытывают жгучее желание видеть спорные острова в составе Страны восходящего солнца.

Чехов когда-то мрачно писал своему издателю Суворину: «Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек, вольный и подневольный». Похоже, для моего собеседника, губернатора Сахалина, и Курильские острова — это место неограниченных возможностей, которые обязан использовать человек предприимчивый, раскованный, жадный до большого и полезного дела. Реальная свобода для таких — риск, ответственность, заинтересованность в результатах своего труда.

...Был теплый день ранней весны, воскресенье, и мы с Федоровым поехали на озеро Тунайча, узкой горловиной пролива выходящее в Охотское море. Очень по-домашнему Валентин Петрович рассказывал про свою жизнь, как вытурили его за крамольные мысли из престижного Института мировой экономики и международных отношений, приклеив ярлык интеллектуального диссидента, как загорелся он идеей территориального эксперимента на Сахалине, как бился во все двери ЦК, писал Горбачеву и Рыжкову, и только случай помог ему донести выстраданную программу до сахалинских людей. Потом он читал свои стихи. Написанные в духе старинных романсов, они были наивны и прозрачны: «Нежданный реверанс поры осенней вдруг всколыхнул меня, зажег искру огня, чаруя и маня. Миг этот будет пусть блажен и вечен...» Будучи аристократом, исповедующим спартанский быт, он и одет был во что-то домашнее, теплое, и рыбаки помчали нас на «Буране» по замерзшему озеру, а снежные брызги кружились перед глазами, и еще дул теплый ветер как предвестник счастливых перемен.

Пройдет пара месяцев, и начнется здесь «рыбное помешательство», и главным «сумасшедшим» будет объявлен Валентин Петрович Федоров, потому что именно в предстоящую путину должны быть реализованы его самые смелые предпринимательские планы, и Бог вместе с наукой в помощь, ибо прогноз Сахалинского филиала Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии такой, что нынешним летом к Сахалину и Курилам подойдет огромное количество лососевых рыб — их можно выловить в объемах 80—85 тысяч тонн, что станет своеобразным рекордом за все последние годы. И наконец-то рухнет государственная монополия на промысел, позволявшая безнаказанно губить, воровать, терять при обработке бесценные океанские дары. Сбудется мечта Анатолия Филиппова: на промысловые участки выйдут его компания «Тунайча», другие кооперативы и малые предприятия. И может быть, наконец сахалинские люди увидят сахалинскую рыбу. Решением облисполкома всем рыбодобывающим организациям разрешено открыть собственные магазины и торговые точки.

— Только бы не мешал центр,— как заклинание, повторяет Федоров,— только бы не руководил и не направлял, только бы не вертел перед носом указующим перстом.

...Как не хватает нам сегодня Ильича! Возможно, только Ленин силой своего авторитета смог бы вдолбить коллегам-коммунистам, что великий эксперимент 1917 года обернулся трагическим фарсом по оболваниванию населения шестой части земного шара и Россию могут спасти не навязшие в зубах идеологические установки, а только здравый смысл, свободные руки и общечеловеческий опыт.

ПОСЛЕСЛОВИЕ: ОПТИМИСТИЧЕСКИЙ ЭТЮД

А что, если Федорову все-таки удастся победить систему, выйти из-под ее надзора и опеки и превратить Сахалин в свободную экономическую державу, где люди поймут вкус и ощутят конкретные результаты деловой активности, предпринимательства? Что ж, тогда его действительно придется встречать въезжающим в Москву на белом коне.

Я почему-то отчетливо представляю себе эту картину. С утра на залитую солнцем Красную площадь придут толпы людей с детьми и охапками цветов в руках, поднимутся в воздух бумажные змеи и разноцветные шары, а где-то со стороны Исторического проезда торжественно запоют фанфары. И все двинутся встречать знаменитого сахалинца.

Первыми, как и положено, пойдут по брусчатке Президент и Председатель, затем потянутся остальные. И будет в этой толпе много знакомых лиц... Вот Борис Николаевич ведет, как первоклассницу, за ручку дальневосточницу Евдокию Гаер, а рядом Хасбулатов усталым скрипучим голосом что-то выговаривает Исакову, тут же Светлана Петровна почтительно поддерживает под локоток Раису Максимовну, а Собчак и Глеб Якунин перебрасываются шарами, и даже серьезный Станкевич в кроссовках на босу ногу и с теннисной ракеткой в руках начал улыбаться, Алкснис расстегнул френч с генеральскими погонами, а Гавриил Харитонович послал кому-то в толпу воздушный поцелуй... И все бегут, спешат, торопятся.

Только Иван Кузьмич никуда не торопится и ничему не улыбается... На фоне величественных куполов храма Василия Блаженного он позирует Глазунову.

А там, за людскими толпами, в неглубоком подземелье, в царстве темно-красного гранита, мрамора и пуленепробиваемого стекла, дежурному офицеру КГБ на мгновение покажется, что великий вождь мирового пролетариата устало приоткрыл глаза и чуть слышно произнес: «Он прав, дайте ему дорогу...»

Маятник остановился, маятник качнулся в другую сторону?.. Но для этого надо, чтобы Федоров доехал до Москвы.

И В ПРАВДУ ПРАЗДНИК?

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

■

Эхо фестиваля «Правды» прокатилось по нескольким номерам главного рупора коммунистов. Праздновался 79-летний юбилей газеты, чей тираж всю ее сознательную советскую жизнь был почти равен количеству партийных билетов и кандидатских карточек. Впрочем, мне бы не хотелось быть необъективной — каждый имеет право на свой праздник, а 79 хоть и не круглая дата, но вполне солидная.

Первые и не первые секретари обкомов, знатные передовики производства, иностранные гости и, конечно, сами журналисты старейшей в Союзе газеты — все стали полноправными участниками этого празднества. В дискуссионных центрах шло обсуждение самых актуальных тем народной жизни: национальные проблемы, экология, права человека...

Еще раз скажу: я не против праздников, кто бы их ни устраивал. Можно только порадоваться за правдистов, чьи спонсоры оказались не только любезными и внимательными, но и вполне состоятельными — торжество на ВДНХ с вручением сувениров на добрую память, приглашением рок-групп, парящими в весеннем воздухе аэростатами, видимо, влетело меценатам от партии в копеечку.

И, конечно, я понимаю, почему на этом празднике жизни не нашлось места демократическим изданиям. Но почему оказались в стороне остальные издания, не связанные с коммунистической идеологией? Печать сегодня представляет собой довольно пеструю и неожиданную картину. «Крестьянка» и «Коммерсантъ», «Совершенно секретно» и «Мегаполис-экспресс» — да мало ли интересных изданий выходит сейчас только в одной Москве! Неужели дело идет к тому, что в скором времени каждое издание будет отмечать свой маленький День печати? Все знают, что 5 мая — день выхода в свет первого номера «Правды». Так что этот день пусть остается ее праздником. Но стоит ли называть этот день Днем печати, да еще с большой буквы? Пусть «Правда» и ее союзники забирают этот праздник себе, мне лично не жалко. А для профессионального праздника журналистов, видно, придется выбрать другой день...

Г. КАПТЕРЕВА
Москва

■

Только что я вернулся с ВДНХ, где проходил фестиваль газеты «Правда», посвященный Дню печати. Фестиваль как фестиваль — встречи, концерты, продажа периодических изданий... Мое внимание привлекла площадка, отведенная военным изданиям. Здесь показывают свое лицо журнал «Советский воин», газета «Красная звезда» и так далее. Я ветеран войны, отвоевал солдатом от Сталинграда до Вены. Мне далеко не безразличны армейские проблемы, и я решил поинтересоваться, о чем пишут газеты, призванные отражать жизнь нашей армии.

На боковой стороне автобуса с номером 48-27 — стенд, рассказывающий о журнале «На боевом посту» — ежемесячном общественно-политическом и литературно-художественном журнале внутренних войск.

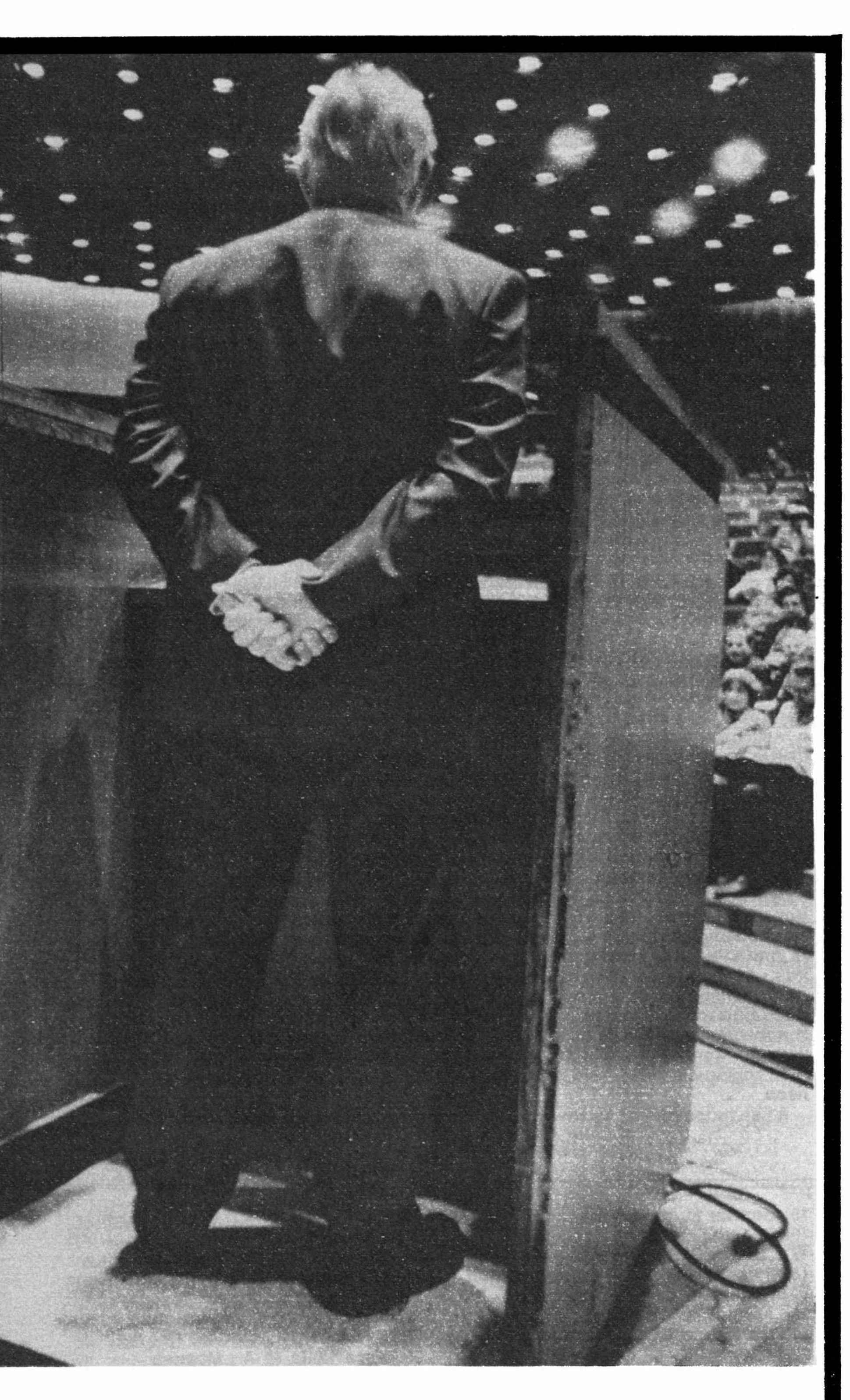
На том же автобусе густо развешаны плакаты, фотографии, печатные материалы, из которых явствует, что:

«Предатель Шеварднадзе заключил тайное соглашение с Бушем о передаче США участка Берингова моря, содержащей колоссальные запасы нефти»;

Горбачев и Ельцин имеют одного хозяина (рисунок шестиконечной звезды);

«Л. Д. Троцкий — это на самом деле Бронштейн, Л. Б. Каменев — Розенфельд, Ю. Ларин — Лурье...».

Тут же, с прилавка, продаются газеты, одну из которых — русская независимая газета «Воскресение» — прилагаю. Выходных данных газета не имеет, но направленность ее очевидна. Достаточно взглянуть на снимок: «70% кувейтской нефти принадлежало сионисту Хаммеру.

Вот причина вмешательства США и СССР в дела Ирака».

Странных соседей себе выбрали военные издания. Полагая, что пропаганда национальной вражды, равно как и оскорбление чести и достоинства Президента страны, уголовно наказуема (в последнем-то мы уж точно имели случай убедиться), я обратился в штаб фестиваля, благо расположен он был в непосредственном соседстве. Вместе с работником информационно-рекламного центра ВДНХ мы выяснили, что указанные материалы вывешены двумя молодыми людьми, один из которых предъявил удостоверение журнала «На боевом посту», но прикрыл рукой фамилию, а другой отказался сообщить о себе что-либо. На вопрос представителя ВДНХ, почему они разместили свои материалы, не имеющие ничего общего с военной тематикой, в месте, отведенном для военно-патриотических изданий, и кто дал им на это разрешение, молодые люди ответили, что их пригласил главный редактор журнала «На боевом посту». Мы обратились к находившемуся поблизости, рядом со стендом журнала «На боевом посту», ответственному секретарю журнала В. Бусыгину. Он объяснил, что этих патриотов не знает, правда, одного из них, бородатого, как-то встречал в редакции. Вроде бы они из какого-то малого предприятия — распространители литературы.

Работник ВДНХ настоял, чтобы подобную литературу убрали. Но все-таки хотелось бы, чтобы картину прояснила редакция журнала «На боевом посту», учредителем которого является МВД СССР, то есть как раз та организация, которая в первую очередь должна следить за соблюдением законов и карать нарушителей.

В. ЛЬВОВ
Москва

Кажется, юбилеи начинаются с пятидесятилетия? В 1971 году Сахаров получил в подарок от сослуживцев сахарную голову и от президента Академии наук письменное поздравление. В последующие годы Академия не позволяла себе даже такого скромного жеста. Но к шестидесятилетию группа диссидентов, скрываясь от неусыпного ока бдительных органов, выпустила в свет юбилейный «Сахаровский сборник» под редакцией Алика Бабенышева. Другие распространили в среде молчаливо сочувствующей интеллигенции Москвы, Ленинграда и еще нескольких городов около десяти тысяч портретов Сахарова. И книга, и фотографии (шел год 1981-й) — это был подвиг. Тогда же в США был подготовлен сборник научных трудов Сахарова под редакцией братьев Чудновских. Тоже непросто, если вспомнить, на какой тоненькой ниточке держалась связь между закрытым для иностранцев городом Горьким и Западным полушарием нашей планеты.

Шестьдесят пятый день рождения Сахарова отмечался в одном из залов конгресса США. Юбиляра приветствовали лауреат Нобелевской премии по физике Арно Пензиас, президент американской хельсинкской группы Роберт Бернстайн, конгрессмен Данте Фасчел. А мне после короткого ответного слова выпала радость задувать свечи на колоссальном торте — чуде кондитерского и изобразительного искусств. Это были подарки Сахарову ко дню рождения. И праздники, которые проходили без него. Он слушал дикторские отчеты о них по «голосам», пробивавшимся в Горький через ненавистную глушилку. Бережно листал общую тетрадь, заполненную пожеланиями друзей, приходивших ко мне на улицу Чкалова в канун очередного дня рождения. Что-то цитировал из нее — часто стихи Корнилова «Вечера на сахаровской кухне». Шутливо негодовал, что Володя неточен: «Кухня не моя, а Руфь Григорьевны!» (моей мамы). Семидесятилетие тоже будет без Андрея Дмитриевича. Оно подошло через полтора года после его ухода от нас. Безвозвратно. Но это тоже будет праздник — праздник тех, кто был рядом в самые трудные годы жизни Сахарова, и праздник многих, ставших его единомышленниками, когда Сахарову было высочайше дозволено вернуться в общество. Да, людей, для которых день рождения Сахарова — праздник, даже если они видели его только на экране своего телевизора, но счастливы, что были его современниками, стало больше. Их стало много, очень много! В этом есть элемент моды и, возможно, несколько спекулятивное стремление приобщиться к прошлому (между прочим — светлому, потому что Сахаров и те, кто был с ним в «года глухие»,— это действительно наше светлое прошлое).

И подарков Сахарову тоже много больше, чем в прежние времена. Публикация «Воспоминаний» в журнале «Знамя» (упреки за авторские неточности — не в счет. Кому с ними невтерпеж, дождитесь книги с комментарием!), журнал «Природа» № 8, публикации в журнале «Звезда», сборники «Андрей Дмитриевич» и «Сахаров — за и против», переиздание «Сахаровского сборника» 1981 года. В них тоже не все точно и не все собрано — это плата за спешку. Выходит также второе издание книги Сахарова «Тревога и надежда», думаю, лучшей из опубликованных пока в нашей стране, к сожалению, малозамеченной. Но видит Бог, а также редактора и издатели (и пусть знают читатели!), я совсем не стремилась к популяризации Сахарова и, как могла, тормозила поток публикаций, о части из них вообще узнавала случайно. И считаю, что торопиться с музеем не надо, в глубине души даже радуюсь, что Моссовет еще не освободил помещение для него и не определил место для памятника. Внутренне ощущаю, что любое «бронзы многопудье» очень уж не соответствует сегодняшней жизни страны. Когда будет памятник, какой и где, это решат Моссовет и «Общественная комиссия по увековечению памяти академика А. Д. Сахарова», по поручению которой я прошу «Огонек» опубликовать список тех, кто перевел деньги на сооружение памятника. Только не надо торопиться, как с названием улицы по случайному выбору, без всякого отношения к жизни и судьбе Сахарова, как будто лишь бы назвать!

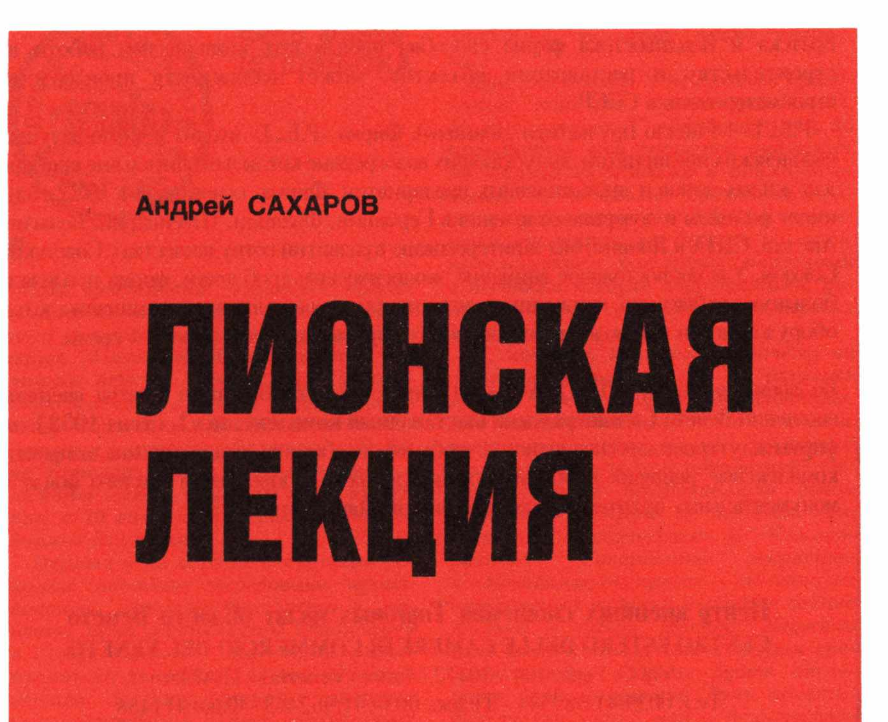
А памятник на кладбище — семейный, поставленный по обычаю,— прошел год и осела земля. Никакие государственные и общественные организации, частные лица, скульпторы и архитекторы отношения к нему не имеют. Просто я взяла белый лист и начертила такой, какой хотела, а мастера-гранильщики на Востряковском кладбище воплотили в камне то, что было на бумаге. Памятник мужу от жены! И пишу об этом только потому, что в газете «Час пик» прочла, что на кладбище будет сооружен памятник на «народные деньги». И народ — люди на кладбище — спрашивают, сколько он стоит, справедливо полагая, что имеют право задавать такой вопрос, если пресса сообщает, что памятник сооружен на их деньги.

Подарки Сахарову. Самый большой — I Международный конгресс памяти Андрея Сахарова «Мир, прогресс, права человека». Как председатель оргкомитета заверяю, что не знала, какое это трудоемкое дело, когда легкомысленно согласилась на столь «высокую» общественную должность. И думаю, так же легкомысленны оказались Юрий Самодуров, Борис Альтшулер, Александр Гольдин и Константин Смирнов, отдавшие подготовке конгресса год жизни. Почти так же напряженно работали члены Оргкомитета в США и Италии. Зато (что греха таить!) другие москвичи — члены Оргкомитета больше числились по нашему «ведомству». Конгресс задуман как попытка повторить коллективно то, что делал Сахаров в одиночку,— независимо, бескомпромиссно и профессионально высказываться по самым острым, больным темам современности. Были выбраны темы, близкие Сахарову — общественному деятелю и ученому: «СССР и страны Восточной Европы на пути от тоталитаризма к правовому государству» и «Глобальные последствия чернобыльской катастрофы и будущее ядерной энергетики». К участию в работе конгресса в качестве координаторов, экспертов и консультантов привлечены известные ученые и общественные деятели из разных стран. Результаты их работы и рекомендации будут представлены на пленарном заседании 25 мая, а также направлены в государственные органы и опубликованы. Казалось бы, все просто. Но... Где проводить конгресс? Сколько дней он будет длиться? Сколько стоит один день? Как сделать, чтобы он был работой, а не разговорным жанром? Личные письма всем будущим членам Почетного комитета. Личные встречи. Председатели партий, парламентов, ученые, главы государств, королевы. Имидж конгресса. Медаль к конгрессу, фотографии для скульптора. Коробочки для медали. Негатив из Норвегии для плаката. Мемориальная доска. Мрамор. Книжный киоск. Буфет. Бумага. Бумага. Бумага для книг, для программы, для пригласительных билетов. Списки участников. Авиабилеты. Визовая поддержка. Гостиница. Питание. Автобусы. Зал для пленарных заседаний. Помещение для семинаров. Программа конгресса. Координаторы. Эксперты. Консультанты. Гости. Радио. Пресса. Телевидение. И добывание денег! И спонсоры! И культурная программа. Спасибо за праздничный концерт — участники его отказываются от гонорара. И за балет «Сотворение мира» — подарок труппы под руководством Касаткиной и Василева.

А в теоротделе Физического института им. Лебедева тоже сбиваются

СПИСОК ЛИЦ, ПРИСЛАВШИХ ПОЖЕРТВОВАНИЯ НА ПАМЯТНИК

1. Маликова В. Т., Москва
2. Хан И. Н., Москва
3. Шаповалов Г., Москва
4. Акимов Ю. А., Москва
5. Тукнаев А. А., Москва
6. Гитарца М. И., Минск
7. Кольцов Ю. В., Ленинград
8. Брайнин А. С., Подольск
9. Балашова Н. П., Ульяновск. обл.
10. Голуб И. Е., Минск
11. Ефремова М. С., Курган
12. Поволоцкий Д. Я., Челябинск
13. Дымшиц Ю. Н., Ленинград
14. Борцов О. Г., Севастополь
15. Вахтин Н. Н., Курган
16. Барам Г. О., Киев
17. Цюнко Э. И., Харьков
18. Ржевский В. А., Калинингр. обл.
19. Капкаева С. М., Астрахань
20. Агнеин А., Пенза
21. Молчанов Ю. И., Москва
22. Азатьян Е. А., Фрязино
23. Горбунова А. А., Москва
24. Пакшинцев Тадж. ССР
25. Белов А. Г., Владивосток
26. Васильков — гр. «Гражданское действие»
27. Колесник Е. Д., Белгород
28. Кубалова Л. Н., Сев. Осетия
29. Касаткина М. А., Москва

Андрей САХАРОВ

ЛИОНСКАЯ ЛЕКЦИЯ

Здравствуйте. Через десять с небольшим лет закончится двадцатый век, и мы должны попытаться как-то оценить, как мы его будем называть, что в нем наиболее характерно. Конечно, на этот вопрос нет однозначного ответа.

Это был век двух мировых войн и множества так называемых «малых войн», унесших множество жизней. Это был век многих вспышек невиданного в истории геноцида. Несколько недель тому назад я вместе с пятью тысячами своих соотечественников стоял у раскрытой могилы, в которой производилось перезахоронение жертв сталинского террора. Рядом стояли представители трех церквей, и они служили заупокойную молитву. Это были православные священники, священники иудейские и священники мусульманские. Потому что среди сотен, тысяч безвинных жертв, которые там похоронены, были представители всех наций, всех религий.

И все-таки, когда мы думаем о двадцатом веке, есть одна характеристика, которая для меня кажется невероятно, необычайно важной: XX век — это век науки, ее величайшего рывка вперед. Развитие науки в XX веке проявило с огромной силой ее три основные цели, три основные особенности.

Это наука ради науки, ради познания. Наука как самоцель, отражение великого стремления человеческого разума к познанию. Это одна из тех областей человеческой деятельности, которая оправдывает само существование человека на земле.

Вторая цель науки — это ее практическое значение. Мы знаем, что именно в XX веке материальное производство стало основываться на науке гораздо в большей степени, чем когда бы то ни было. И в том, что мы производим, в нашем совокупном продукте значительную, может быть, большую часть составляют результаты науки. Это мы подразумеваем, когда говорим, что наука стала материальной производительной силой.

И, наконец, третья цель науки — некое единство, цементирующее человечество. Эти все три цели, все три особенности тесно переплетены между собой.

Наш обезьяноподобный предок, вероятно, был очень любопытным существом. Он отворачивал, поднимал ка-

с ног — идет подготовка научной сахаровской конференции, сборника его научных трудов и сборника воспоминаний.

И что-то я забыла перечислить. И что-то, наверно, мы все забыли сделать! В названии конгресса есть числительное «Первый». Думая о будущем, я вспоминаю, как Сахаров иногда говорил по поводу какого-нибудь мероприятия: «Без меня». А будь он с нами сегодня, уверена, непременно повторил бы неодобрительно-вопросительную реплику героя Бабеля: «И это все мне?» Уж больно много всего. И я боюсь, как бы в этой россыпи подарков не затерялся подарок от Сахарова нам, который я сегодня представляю читателям «Огонька».

Это отдельная история. У всего в жизни есть свои истории. В мае 1989 года в Париже проходила конференция по проблемам современной физики. Сахаров еще в начале года дал согласие на участие в ней. И физики решили, что 21 мая они будут праздновать его день рождения,— на этот раз в присутствии именинника. Но Сахаров стал депутатом. И задолго до съезда навалились всякие депутатские дела: поездка в Тбилиси, потом в дивизию им. Дзержинского. Работа в Московской депутатской группе. Поездка в Сыктывкар для участия в предвыборной кампании Револьта Пименова — единственный случай, когда Андрей Дмитриевич счел необходимым личное участие, а не ограничился, как во многих других случаях, отсылкой телеграммы поддержки. Ночью 19 сентября он решил, что ехать во Францию (о науке уже не было речи, но и на свой день рождения) не имеет права, потому что надо участвовать во всех предсъездовских баталиях, и особенно в совещании старейшин. Он, как и несколько других московских депутатов, наивно полагал тогда, что можно убедить это высокое собрание в необходимости изменить повестку дня съезда. И 21 мая вместо дня рождения и торта чуть ли не на 1000 человек, который ожидал в Париже, был митинг в Лужниках. И нежданная радость от последнего дня рождения, что мы были вечером вдвоем. Кто-то был увлечен митингом, другие полагали, что мы во Франции. Но я чувствовала себя неблагодарной и виноватой перед французами. Они так много помогали Сахарову, когда он был в Горьком. А много раньше именно в Париже был создан первый правозащитный комитет ученых, так получилось, что с моей подачи, через мою приятельницу Таню Матон, когда в сентябре 1972 года был арестован математик Юрий Шиханович. И Андрей Дмитриевич обещал, что осенью он отдаст свой долг французским коллегам.

В сентябре в Лионе проходили ежегодный конгресс французского Физического общества и в университете Клода Бернара церемония присуждения звания доктора «гонорис кауза» академику Сахарову. Вечером 27 сентября Сахаров читал публичную лекцию «Наука и свобода». Ирина Алексеевна Иловайская волновалась, что лекция у него не написана, а у нее нет текста для перевода, но Андрей сказал, что перед такой аудиторией можно спокойно говорить. После лекции был ужин а-ля фуршет. А ночью, возвратившись в гостиницу вместе с Ириной Алексеевной, мы ощутили невероятный голод. И пошли втроем искать по городу, где кормят в столь позднее время. Уже за столом, все еще переживая события дня, я сказала, что вообще-то содержание лекции не соответствует официальному названию и лучше бы ее назвать просто «Лионская лекция». Андрей сказал, что я права. Но это название так и осталось между нами тремя. И на французском языке в сборнике, который вышел уже после 14 декабря 1989 года, она называется «Наука и свобода».

Елена БОННЭР

30. Мильман Э. Н., Челябинск
31. Чухров А. И., Егорьевск
32. Боннэр Е. Г., Москва
33. Еганян, Москва
34. Ходолева Л. С., Балаково
35. Зелевинская В. М., Новосибирск
36. Ковальская, Москва
37. Хопеенко В. Г., Москва
38. Титова М. М., Москва
39. Корякин Н. М., Ярославль
40. и 41. без указания фамилий.

Полный список спонсоров и частных лиц, приславших пожертвования для проведения конгресса, будет нами опубликован после его закрытия.

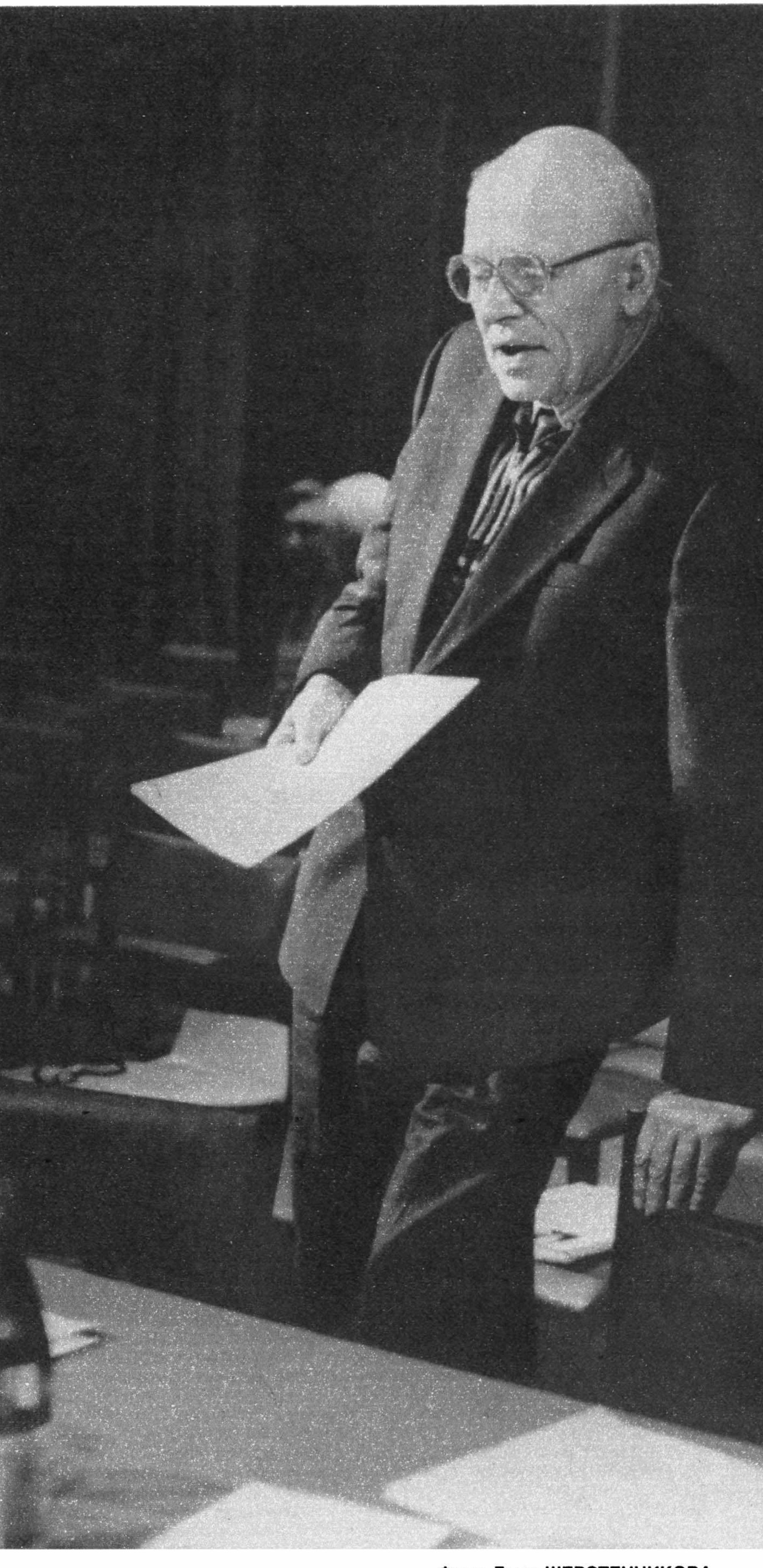

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

мушки, которые лежали у него под ногами; он это делал по инстинкту любопытства, но то и дело находил под камушками червячков и жучков, служивших ему пищей. Из любопытства выросла фундаментальная наука. Она попрежнему приносит нам плоды практические, часто неожиданные для нас.

Наука основывается на единых законах, единых понятиях, и в этом основа ее интернациональности. И хотя, как все живое, наука тоже противоречива в своих последствиях, но все-таки именно это объединяющее значение науки является главным. И именно общие законы природы и общества — те, которые даются фундаментальной наукой,— являются наиболее универсальными, значит, они больше всего должны нас сближать.

Что произошло в фундаментальной науке?

На грани века представлялось, что основные законы физики уже установлены, остается только их как-то математически применять, и только небольшие облачка были на этом, казалось бы, ясном горизонте. Но мы теперь знаем, что из этих облачков выросли революционные изменения в фундаментальной науке о природе. Мы поняли, что та картина мира, которая восходит к Галилею и Ньютону, это только поверхностная часть реальности. А более фундаментальные законы гораздо абстрактней и глубже по своей природе и в то же время отличаются великолепной математической простотой. Эйнштейн не верил, что Бог играет в кости, но теперь мы, большинство физиков, уверены, что на самом деле законы природы носят вероятностный характер. Причем не просто потому, что мы не точно что-то знаем о природе или не точно умеем подсчитать, а потому, что эта вероятностная трактовка заложена в самой природе вещей.

Мы теперь знаем, что пространство и время объединены в единую геометрическую структуру. Это один из первых прорывов в новую физику, связанный с именами таких ученых, как Лоренс, Пуанкаре, Эйнштейн, и многих других. Но Эйнштейн, и это не случайно, стал как бы воплощением духа и новой физики, и нового отношения физики к обществу. У Эйнштейна в его высказываниях, в его письмах очень часто встречается такая параллель: Бог — природа. Это отражение его мышления и мышления очень многих людей науки. В период Возрождения, в XVIII, в XIX веках казалось, что религиозное мышление и научное мышление противопоставляются друг другу, как бы взаимно друг друга исключают. Это противопоставление было исторически оправданным, оно отражало определенный период развития общества. Но я думаю, что оно все-таки имеет какое-то глубокое синтетическое разрешение на следующем этапе развития человеческого сознания. Мое глубокое ощущение (даже не убеждение — слово «убеждение» тут, наверно, неправильно) — существования в природе какого-то внутреннего смысла, в природе в целом. Я говорю тут о вещах интимных, глубоких, но когда речь идет о подведении итогов и о том, что ты хочешь передать людям, то говорить об этом тоже необходимо. И это ощущение, может быть, больше всего питается той картиной мира, которая открылась перед людьми в XX веке.

Мы поняли, что мир гораздо более грандиозен, чем мы об этом могли думать, гораздо более разнообразен, и он не есть что-то статическое, он развивается во времени. Даже Эйнштейн не

сразу признал возможность того, что Вселенная как целое — это динамическая система, которая развивается во времени; ему казалось, что это противоречит закону сохранения энергии. Но на самом деле закон сохранения энергии в применении ко Вселенной как к целому просто теряет свой смысл, и мы должны думать в других категориях.

С уравнениями общей теории относительности, созданной Эйнштейном, и с наблюдениями астрономов согласуется только теория расширяющейся Вселенной. Эта картина поставила нас перед двумя гигантской важности вопросами: что было вначале и куда мы движемся, каков у нас прогноз. Ни на один из этих вопросов сейчас исчерпывающего ответа нет. Но сама их постановка — это проявление нового, космического, космологического мышления, которое ставит наше человеческое сознание один на один с космосом, со Вселенной.

Когда-то Кант говорил, что есть два чуда: звездное небо над нами и чувство нравственного императива внутри нас. Сейчас мы повторяем то же самое, но только звездное небо перестало быть тем статическим собранием светящихся точек, как это было во времена Канта. Теперь мы имеем грандиозную картину мироздания, не познанного нами до конца, но видим, что оно гораздо больше и сложнее, чем мы могли когда-то представить. Но в нашем познании мира произошли и другие прорывы за эти полные научных событий десятилетия. Теперь мы считаем очень правдоподобным, что наше пространство имеет не три измерения, как учили нас в учебниках геометрии, а значительно больше. Эти дополнительные измерения замкнуты друг на друга в очень маленьком масштабе, но они существуют, и именно они определяют основные законы природы. Сложная геометрическая структура этого замкнутого на себя дополнительного пространства и симметрия этих структур определяют симметрию законов физики элементарных частиц. Мы считаем возможным, что в нашем мире наряду с теми телами, которые взаимодействуют с нами электромагнитными и ядерными силами, есть и другая материя, которая взаимодействует с нами только гравитационно. Это так называемый «зеркальный мир». Кроме этого, мы считаем почти несомненным, что большая часть обычного мира, нашего мира, тоже сосредоточена в невидимой для нас форме скрытой массы. Мы сейчас рассматриваем такую фантастическую возможность, что области, разделенные друг от друга миллиардами световых лет, имеют одновременно связь между собою при помощи дополнительных параллельных ходов, называемых часто «кротовыми норами», то есть мы не исключаем, что возможно чудо — мгновенный переход из одной области пространства в другую, почти мгновенный, за короткое время, причем в этом новом месте мы появимся совершенно неожиданно или, наоборот, кто-то появится рядом с нами совершенно неожиданно.

Я говорю об этом, чтобы было понятно, какие потрясающие проблемы обсуждаются на грани науки; может быть, многое из того, что я сказал, особенно относительно «кротовых нор», и есть заблуждение, но просто это показывает ту смелость мысли физиков и астрофизиков, то любопытство переворачивания камушков, которые характерны для современной науки.

В нашем же столетии создание новых средств исследования, в особенности электронного микроскопа и методов химического и биохимического анализа, совершило переворот в познании основ жизни. Мы необычайно много узнали о биохимических механизмах жизни и наследственности. Одновременно мы поняли, что мы еще больше не знаем, чем знаем. Мы поняли, что жизнь — это наиболее сложное отражение возможностей природы. И для того чтобы познать эти процессы в их неизмеримой сложности, нам нужны новые методы исследования, новые методы анализа того, что происходит. Но одновременно с этими новыми проблемами возникли новые средства исследования, и среди них на первое место надо поставить развитие электронной вычислительной техники. Здесь мы уже имеем мост, один из бесчисленных мостов, возникших в нашем столетии между фундаментальной наукой и наукой прикладной.

Развитие биологии и генетики, общее развитие науки о жизни сделало возможным зеленую революцию. И хотя проблема снабжения людей продовольствием продолжает нас волновать, но мы видим, что возможности тут колоссальные и препятствием на самом деле являются социальные, экономические причины, неравномерность экономического и культурного развития на нашей планете.

Прикладная наука совершила колоссальный переворот в медицине, в здравоохранении, в создании новых гигиенических условий жизни на земле. Воплощением этого и как бы символом, отражающим в себе все, явились открытие антибиотиков и победа над инфекционными болезнями. Так же, как с зеленой революцией, эта победа неполна. По-прежнему миллионы людей умирают от инфекционных болезней, но мы теперь уже понимаем, что это враг побежденный, ведущий арьергардные бои.

Центральным в техническом прогрессе является энергетика, и вот здесь наука тоже дала колоссальный прорыв в будущее. Для того чтобы этот прогресс был реализован, еще предстоит пройти большой путь, но положено начало, и это чрезвычайно важно, потому что мы знаем, что существует прямая зависимость между затратой энергии на каждого человека и продолжительностью человеческой жизни.

И когда говоришь и думаешь о практической прикладной науке, то понимаешь, что человечество не может отказаться от этого движения, не может отказаться от прогресса. Развитие человечества возможно только поступательное, никакое возвращение к прежнему, примитивному, натуральному хозяйству невозможно. И мы должны думать о том, чтобы прогресс шел так, что его негативные стороны не могли бы оказаться превалирующими. Чтобы прогресс не угрожал человечеству! Это в первую очередь вопрос о том, чтобы прогресс не был использован для самоуничтожения человечества в великой, всеобщей войне. Одновременно это также преодоление гигантской экологической опасности, угрожающей человечеству. И решение, полное решение этих проблем получить очень трудно, тут не может быть окончательных и простых рецептов. Но одно представляется несомненным: разделение человечества на два противостоящих лагеря — это главный источник опасности, превращающий глобальные проблемы в непосредственную угрозу существованию человечества. Этот наиболее опасный раздел исторически идет по линии противостояния социалистической и капиталистической систем. И я убежден, что только сближение этих систем, прекращение их противостояния — это кардинальное решение глобальных проблем человечества.

И наконец, третья функция науки — наука как объединяющая сила. Наука более объективна, чем искусство, менее связана с амбициями, чем спорт. И хотя и в науке мы часто встречаемся с негативными человеческими проявлениями, но все-таки они в ней, мне кажется, должны быть менее опасны, чем в других областях человеческой деятельности. И уже сейчас в современном мире мы видим эту интегрирующую функцию науки. Даже в такой маленькой точке, как наша личная судьба, это проявилось. Но еще важнее, в миллион, миллиард раз важнее беспристрастное, трезвое и дружественное внимание людей, в том числе людей науки, к тому, что происходит во всем мире.

Сейчас наша страна переживает критический период своей истории. Начавшийся несколько лет тому назад процесс достиг такого момента, когда люди, понявшие всю глубину кризиса своей страны, спрашивают себя и спрашивают власти: когда за словами последуют дела? Мы поняли, что за 70 лет наше общество показало свою экономическую несостоятельность, неспособность к истинному прогрессу, в том числе к техническому. Его экономическая система, созданная сталинизмом, на самом деле и есть сталинизм сегодня. Это неограниченная власть партийно-государственных монополий, воплощенная в двух параллельных структурах — структуре ведомств и разветвленной структуре партийного руководства. Эта система ответственна за бессмысленные зигзаги экономического развития, которые сопровождаются разрушением гигантских материальных ценностей. Одновременно она ответственна за разрушение экологии страны, которое носит невиданный, трагический характер. Она ответственна за самый большой в мире уровень эксплуатации рабочей силы государственным капитализмом. Тут есть простая количественная характеристика: доля национального совокупного продукта, идущего на оплату рабочей силы. Эта доля в нашей стране составляет около 35%, то есть примерно вдвое меньше, чем во всех развитых странах. Я не говорю об отсталости всех социальных структур — это теперь уже широко известно в СССР и, я думаю, известно в какой-то мере на Западе,— таких, как здравоохранение, образование и другие.

Наша страна стоит перед исторической задачей построения общества, в котором сочетаются экономическая эффективность и социальная справедливость. Сейчас у нас нет ни того, ни другого. От этого зависит судьба нашего народа, но одновременно зависит и то, чтобы мы перестали представлять угрозу всему миру.

Одновременно с процессами в нашем мире происходят грандиозные процессы в других странах, таких, как Китай, в развивающихся странах. Расправа над студентами в июне этого года — рубеж в истории Китая, когда его развитие по пути демократии и преобразований остановилось. Никакие прагматические соображения не могут оправдать то, что произошло в Китае.

Совершенно так же никакие временные прагматические соображения или соображения узконациональные не могут оправдать соглашательской политики по отношению к Советскому Союзу. Все взаимодействие Запада с СССР, с Китаем и с другими социалистическими странами, где идет борьба за выбор правильного пути, должно строиться из одного только принципа — помогать движению к плюрализму и не давать возможности консервации застоя, укреплению сил сталинизма. Я говорю об этом в общей форме, конкретизация всегда сложна, и она требует индивидуального конкретного рассмотрения, но общий принцип мне представляется несомненным, и именно из него надо исходить.

Во всем этом мировом комплексе вопросов роль науки, роль ученых совершенно исключительна. И, находясь в научной аудитории, испытываешь чувство оптимизма. Потому что чувствуешь, что находишься среди друзей, среди людей, которым небезразлично то, что происходит за пределами их специальности, и то, что они с помощью своей специальности могут сделать для общего блага. И если говорить о нашей стране, то это — способствовать плюралистическому развитию, а плюралистическое развитие — это часть того процесса конвергенции, которую я рассматриваю как кардинальную дорогу развития человечества. И я на этом кончаю и хочу вам сказать: спасибо за внимание.

Александр МИХАЙЛОВ

ПЕРВЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Эту книгу вы никогда не поставите себе на полку, но все равно я расскажу о ней.

Святые Отчизны забыты, полузабыты, стары, хоть и многочисленны. О многих из них мы ничего не знаем, кроме имени. От многих не осталось ничего, кроме безымянных останков. Их потемневшие лики ходатаями от своих поколений и времен остались для нас в окошечках икон: кого писали по памяти, кого тайком с натуры царапал старец на бересте, укрывшись в пещеру, кого создавало воображение — обобщенно. Иконы еще целы, а в памяти народной почти нет этих лиц — значит, далеко уже отлетела душа от нашего тела, высоко. Только мертвые глаза еще что-то видят, и отмечают с ледяной точки зрения науки, и пытаются что-то оставить.

Праздновали 1000-летие крещения Руси, и в Центральном музее древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева открыли выставку икон русских святых. Иконы святых «раскрывали», делали зримыми для этого восемь лет. Что успели — показали. На оставшееся «нераскрытое» большинство нету денег, и мастера что-то вымирают прямо на глазах. Выставка была первым слабым прикосновением к святым Руси. Когда народ верил и чтил, не было нужды изучать. А когда пришла пора изучать, не на что стало жить, до икон ли, да Бог с ними. Не нашлось даже бумаги, чтобы издать каталог выставки,— вот нету бумаги в нашей стране. Праздник справили и выставку закрыли без всякой надежды на что-то еще.

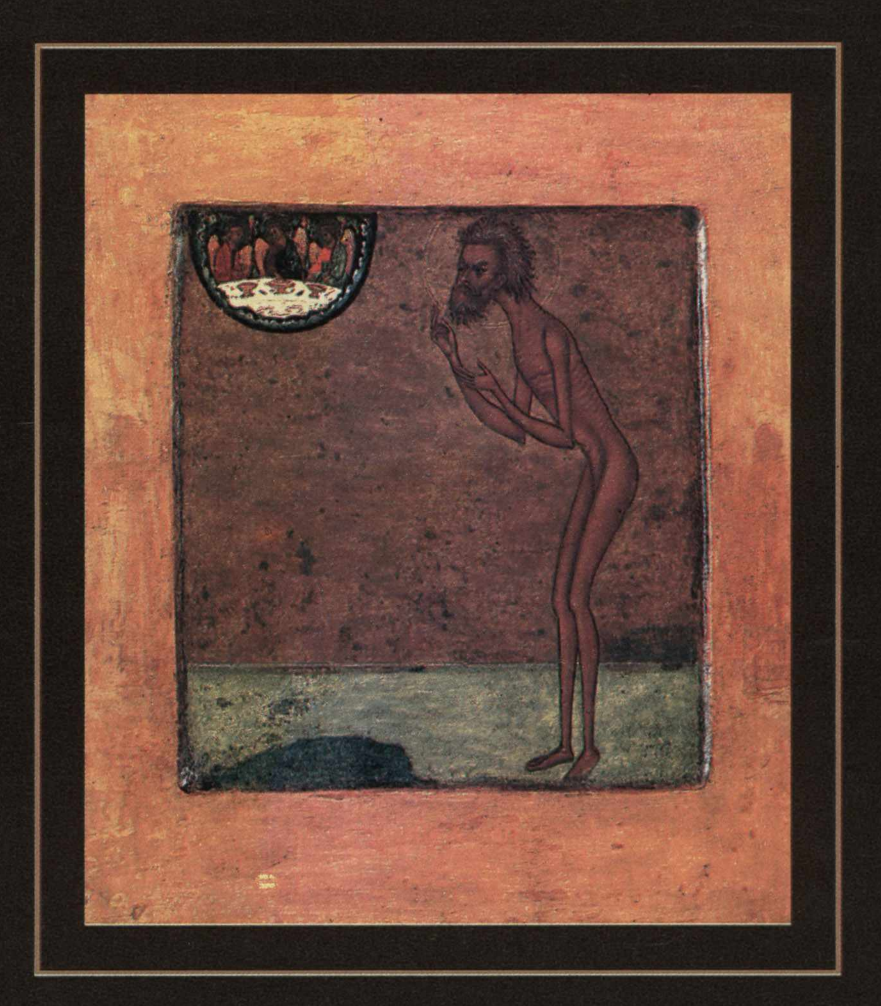
И, наверное, можно честно сказать, что выход в свет великолепного издания первой в мире книги «Русские святые. XIII—XX век» — это чудо. Особенно для нас.

У этого чуда два родителя. В Испанию за кредитами на типографское оборудование отправился руководитель редакционно-издательского комплекса «Милосердие» Вацлав Михальский. Кредитов не дали, но Михальский встретился с мадридским почтенным издательством «Эспаса-Кальпе» в лице сеньора Хосе Игнасио Ойарсабаля. Эти два человека решили, что первой книгой «Милосердия» будет уникальное издание о русских святых.

Ровно за девять месяцев русскими учеными, художниками, фотографами, редакторами, испанскими переводчиками и полиграфистами отечественными почти голыми руками и зарубежной новейшей технологией эта книга была создана.

Книга, в которой собраны и откомментированы иконы святых людей, составлявших и хранивших сердце нашей земли, людей, которых избрал народ как истинный идеал служения русской национальной душе, людей, в которых все, что потеряно и утрачено, и все, что только может еще нас спасти: убиенные князья Борис и Глеб и северные пустынники, святители и мученики, Сергий Радонежский и Иосиф Волоцкий, затворники и страстотерпцы, вынесшие вериги и опалу, иноки Киево-Печерского монастыря, примирители и просветители в худых ризах, князья-герои и князья-строители, убитые копьем, отравленные, замученные ордой. Основатели и покровители монастырей. Кроткие независимые нестяжатели. Отшельники, кладущие поклоны и продвигавшие русскую землю все дальше, корчующие леса. Юродивые странники, прорицатели, исцелители, обличители царей. Люди, за которыми никогда не было власти, но за которыми всегда была

РУССКИЕ СВЯТЫЕ

«Василий Блаженный». Конец XVI века. Государственная Третьяковская галерея

«Чудо Александра Свирского». Конец XVI века. Государственная Третьяковская галерея

«Феврония Муромская». Конец XVI века. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

«Савва Сторожевский». Середина XVII века. Московская церковь Воскресения Словущего на Успенском Вражке

«Богоматерь Печерская (Свенская) с преподобными Феодосием и Антонием». XIII век. Государственная Третьяковская галерея

«Петр Муромский». Конец XVI века. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

«Митрополит Алексий с житием» (фрагмент). Конец XV — начало XVI века. Государственная Третьяковская галерея

правда, покой чистой совести, труд, добро. И это все знали. И к ним шли на поклон. И они были скалами непоколебимыми...

И кто же знал, что так потом все получится,— никто ж не знал.

И дело не в безбожии, что взрывали храмы и тянули веревками кресты с куполов. Дело в трагической цельности и окончательности движения нашего народа, в неумолимой последовательности сначала созидания, а потом разрушения державы и себя.

Забыты не иконы и жития — утрачена история, мы погружаемся в осознание своего унижения, и мы лишь гордимся им, не подымаясь, не пытаясь подняться. Отвергнуты не иконы, а живые герои, не мифические герои палестинских пустынь, а такие недавние устроители и защитники русской земли. И теперь мы живем без героев, и все, что мы знаем о князе Владимире,— это то, что без водки на Руси житья не будет, об Александре Невском — что крестоносцы шли «свиньей», об Андрее Рублеве — что фильм такой снял Тарковский, о Екатерине — что были у нее любовники, и Андрей Болконский больше для нас, чем Сперанский,— тут помогла великая литература, а потом уже от декабристов пошло полегче — Герцен, народники, рабочий класс, а теперь отказались и от этого, и теперь — полный покой и безлюдье. Нету героев. Был, правда, Суворов, да и он какое-то восстание в крови потопил, вот какой!

И книга о русских святых — это, может быть, красивая гробница, хотя хочется верить, что — первый росток.

Эта книга весом одиннадцать килограммов. Отпечатана она на специальной бумаге ручной заливки в двадцать две краски, на оклад каждого экземпляра израсходовано более килограмма серебра. В ней около ста памятников иконописи из лучших музеев страны. В знак советско-испанской встречи на высшем уровне на каждом экземпляре книги оставлен автограф Президента СССР и короля Испании.

Сеньор Ойарсабаль на презентации книги сказал: «Я очень рад, что в глубине России останется частичка и нашего, испанского, участия. Мы тоже пережили в свое время тоталитаризм и с огромным трудом выбрались из этой ямы».

И подождите хлопать и умиляться.

Жестокая правда состоит в том, что первая книга о русских святых напечатана тиражом двенадцать экземпляров. Десять экземпляров будут проданы на аукционе «Сотбис» за сотни тысяч долларов и быстро лягут в надежные сейфы любителей изящных редкостей. Один подарочный экземпляр останется в Испании. Все, что можем позволить себе мы,— принять один-единственный подарочный экземпляр книги о святых нашего народа. Это стоит осознать. Как и то, что надежд на появление издания, хотя бы отдаленно приближающегося к этому, практически не видно.

Но это еще не вся правда.

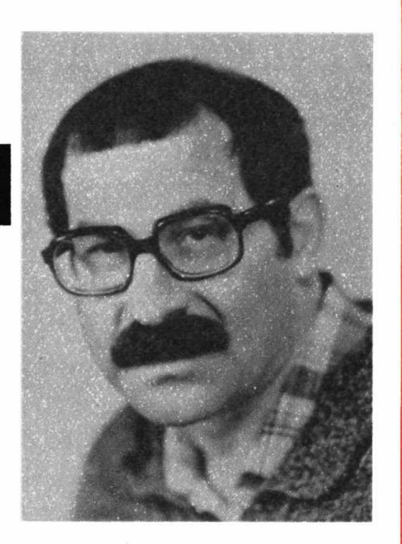
Вся чистая прибыль от продажи книги на аукционе пойдет на строительство дома престарелых в подмосковном глухом Талдоме, который Вацлав Михальский планирует объединить с детским домом. Правда состоит в том, что уже сейчас пятая часть прибыли от газеты «Милосердие», журнала «Согласие» и книг издательства идет на возрождение провинции, поддержку подвижников, содействие организации центров христианского воспитания в России.

Мне трудно предвидеть, где найдет себе приют единственный экземпляр бесценной книги «Русские святые. XIII—XX век» и смогут ли руки простых смертных хоть однажды перелистать ее тяжелые страницы. Нам осталось только надеяться, что милосердие смягчит сердца, пробудит волю и человеческие руки начнут работать для того, чтобы этот экземпляр был не последним, а первым.

Во всяком случае, этот номер журнала сберегите — это и наша попытка помочь этой книге.

Вячеслав ЛЕЙКИН

«По солнечной гуляю стороне...»

Где-то между Обью и Уралом
В радость бледнолицым обиралам
В трогательно-сказочном альянсе
Проживают люди ханты-манси.

Ловят рыбу и пасут оленей,
Слепнут от языческих молений,
В первобытном замирая трансе,
Бежевые люди ханты-манси.

Мясу рады, солнцу, спирту рады,
Душеисцеляющей отрады
Нет ни в профсоюзах, ни в авансе
Для людей системы ханты-манси.

Головой свежи, свободны духом,
Истину отыскивают нюхом.
С книгой или на киносеансе
Мигом засыпают ханты-манси.

Кто бы мне растолковал по чести,
Почему они повсюду вместе
И за счет каких таких талантов
Манси отличаются от хантов.

В чем причина странных комбинаций?
Плодотворно ль спариванье наций?
Почему не жмурятся в нирване
Венгро-чехи, евро-молдаване?

Темное сомненье душу гложет.
Объясните, господа педанты:
Манси охантованы, а может
Быть, эмансипированы ханты?

А давайте, коли крыть вам нечем,
Суверенитетом их полечим:
Манси пусть не бреются, а ханты
На груди завязывают банты...

Алый флаг над аэровокзалом,
Благодать меж Обью и Уралом,
Где на государственном балансе
Мирно вымирают ханты-манси.

* * *

Дом, в котором сегодня ждут.
Нерестилище мысли, ристалище духа, скромный редут
Тех неведомых сил, которые вечно грядут.
Возможный носитель, вхожу, трепеща становою жилой.
Дом, в котором заведено
Пить сухое вино, одно сухое вино,
И где вместо лапши вам пшено подадут, пшено,
А хозяйка зычно шепнет: «Ах, какой он милый!..»

Дом, в котором не видно стен,—
Фолианты, портреты, напечатленья сцен,
Оголтело галантных: увы, не проставили цен.
Впрочем, это и лучше — безумствуй, воображенье!
Дом, в котором легко тому,
Кто небрежно роняет: «Вчера перечел «Му-Му»,
Дзен-будирует дам и собранью сулит чуму
Столь солидно, что вдруг возникает страх зараженья.

Дом, в котором свойство мужчин —
Называть при знакомстве фамилию, словно чин,
Дабы вызвать восторг: «Возможно ли, Пнев?..»
— Неужели Пнин?—
Провоцирует чувство, что здесь на тебя облава.
Дом, в котором угрюмый аз
Не связал ни одной из обещанных дому фраз,
Только вялые длани, как пустые копилки, тряс,
Повторяя растерянно: «Слава. Слава. Слава...»

* * *

Когда Мадонна родила младенца,
И муж ее, простой еврейский плотник,
Смущенный непонятной благодатью,
Напился в доску,— в Иерусалиме
Поэт придворный, Мордухай Сидонский
Родил стихотворенье. Два рожденья
Произошли почти одновременно
И оба славу миру предрекали,
Но разная была у них судьба.
Приплод косноязыкий Мордухая
Забыли торопливые потомки,
Рожденье бедняги Иисуса
Историей и славой обросло.

Когда Колумб Америку открыл,
На родине, в Кастилии жасминной,
Его приятель Педро Аморалес
Открыл канистру граппы. Два открытья
Произошли почти одновременно,
И оба многий шум производили,
Но разная была у них судьба.
Веселое открытье дона Педро
К утру забыли добрые соседи,
Открытие бродяги Кристофора
Историей и славой обросло.

Когда сэр Ньютон, трапезой умаян,
Под яблоней забылся после ленча,
Румяный плод, сорвавшись ненароком,
Весьма прицельно совершил паденье,
И мудрый сэр, почесывая темя,
Закон о тяготенье произвел,—
Тогда же, здесь же рядом, в графстве Эссекс,
Но только не под яблоней,— под вишней,
С причетчиком Вестхэмского прихода
Девица многомясая Мадлена
Паденье совершила... Два паденья
Произошли почти одновременно
И оба по закону тяготенья,
Но разная была у них судьба.
Падение неопытной Мадлены
Других девиц, увы, не вразумило,
А ньютонова яблока паденье
Историей и славой обросло.

Пример Колумба, подвиг Иисуса,
Прозренье проницательного сэра
Меня волнуют так же, как и многих
Ревнивых современников моих.
Так что же я, нисколько не заботясь
О славе моего шального века,
Пложу свои пустые сочиненья,
Веселые бутыли открываю,
Зажмуриваясь, падаю в объятья,
По солнечной гуляю стороне?

Как Педро, Мордухая и Мадлену,
Меня забудут бодрые потомки,
Едва ли отдавая предпочтенье
Ревнивым современникам моим.

Уже при жизни имя потерявший,
Еще при жизни славу проигравший,
Я радость жить смеясь, как эстафету,
Передаю, и падаю на землю,
И в безымянный прах перехожу.

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

И. МОЧАЛОВ,
доктор философских наук

«...КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Временное правительство низложено.
В. И. ЛЕНИН. 25 октября 1917 г. Петроград.

Был в очень важном заседании Временного правительства.
В. И. ВЕРНАДСКИЙ. 17 ноября 1917 г. Петроград.

«Временное правительство низложено». С этих слов, внешне столь непритязательных и прозаических, но исполненных скрытой энергии и революционного пафоса, начиналось написанное В. И. Лениным в 10 часов утра 25 октября 17-го года воззвание Петроградского Военно-революционного комитета «К гражданам России!», в тот же день опубликованное газетой «Рабочий и Солдат». Со школьных лет множество раз слышали и читали мы эти слова, благоговейно им внимая, и, конечно же, истово, без тени сомнений, верили, что так оно на самом деле и было и быть иначе просто не могло. Ведь в истории России и человечества занималась заря новой эры...

Между тем до так называемого низложения Временного правительства (почему «так называемого», будет понятно из дальнейшего) оставалось ни много ни мало еще целых 16 часов: только в 2 часа 10 минут в ночь с 25 на 26 октября члены правительства были арестованы и отконвоированы из Зимнего дворца в Петропавловскую крепость. Таким образом, провозглашенный на всю страну в воззвании Ленина — Военно-революционного комитета факт низложения Временного правительства утром 25 октября если и являлся таковым, то был сугубо бумажным, а само воззвание, с констатации этого «факта» начинавшееся, удачно предвосхитило те во многом оставшиеся на бумаге декреты, предписания, постановления и проч., до коих дорвавшиеся до власти большевики оказались столь охочи.

Естественно, эту маленькую неувязку с хронологией наша официозная историография предпочитала деликатно не замечать. Это можно понять, можно и простить — неувязка действительно микроскопически ничтожна: ну что, в самом деле, значат какие-то «16 часов» в разрезе истории эпохальной революции, где счет идет не на жалкие часы, а на столетия... Тьфу, да и только.

Будем поэтому снисходительны и согласимся, что с «хронологией» здесь у нас особых проблем нет. Но, увы, успокоение это оказывается иллюзорным. Иные вопросы вскоре начинают осаждать нас с другой и совсем неожиданной стороны.

Суть дела в том, что Временное правительство не было низложено не только утром 25 октября, как об этом «ошибочно» возвещалось на весь белый свет Лениным — ВРК, оно, как это ни представляется парадоксальным, не было низложено даже в ночь с 25 на 26 октября, когда его члены были арестованы. Более того, и это самое главное, **Временное правительство вообще никогда не было низложено.** Никогда!..

* * *

Ничто — ни псевдонаучные сентенции, ни «идейные» заклинания, вроде «саботажа», «контрреволюции», «заговора» и т. п., — не отменит и никогда не сможет отменить того простого и отнюдь не бумажного **факта**, что и после якобы происшедшего 25 октября «низложения» Временного правительства оно еще в течение **трех недель** продолжало в меру сил и возможностей исполнять свои обязанности, выполнять возложенный на него февральской революцией долг перед страной.

Что касается оставшихся у правительства в наличии сил, то ситуация здесь сложилась сравнительно благополучная (если, конечно, позволительно вообще говорить о «благополучии» применительно к данному случаю). Во-первых, не все министры Временного правительства в ночь на 26 октября были арестованы. Во-вторых, из-под ареста вскоре были освобождены министры-социалисты (С. Н. Прокопович, А. М. Никитин, К. А. Гвоздев). Наконец, в-третьих, и это главное, продолжали исполнять свои обязанности товарищи (заместители) министров, непосредственно ведавшие аппаратом соответствующих министерств. К примеру, хотя в числе прочих был арестован также и министр народного просвещения проф. С. С. Салазкин, это отнюдь не парализовало возглавлявшееся им министерство, так как деятельность его направлялась коллегиально — министром и его тремя товарищами, видными общественными и политическими

деятелями, членами ЦК партии Народной Свободы (Конституционно-демократической) — академиком В. И. Вернадским, проф. Н. П. Василенко, графиней С. В. Паниной.

Понятно, значительно хуже после 25 октября обстояло дело с реальными возможностями деятельности Временного правительства и его подразделений. С каждым днем положение усугублялось все больше, акты насилия (чистки, аресты, конфискации и проч.) со стороны новых властей следовали один за другим...

И все же худо-бедно, но работа Временного правительства продолжалась — факт, практически нацело замалчиваемый нашей официозной историографией (исключения из этого правила мне неизвестны). Между тем существующие рукописные и уже опубликованные документы буквально вопиют против подобной далекой от науки как небо от земли «фигуры умолчания».

Ценнейший из этих документов — дневник В. И. Вернадского, который он вел в октябре — ноябре 1917 года (небольшая его часть опубликована в прошлом году в № 49 «Огонька»). Можно как-то понять, почему этот источник оставался невостребованным,— скорее всего его существование нашим историкам было просто неизвестно. Менее понятно игнорирование опубликованных еще в 1924 году в «Красном архиве» (том VI) журналов заседаний Временного правительства в послеоктябрьский период (как и содержательной обзорной статьи М. Флеера «Временное правительство после Октября», напечатанной там же). И совсем уж непонятно, что из исторических трактатов (как специально научных, так и популярных) оказался полностью исключенным **ключевой документ** — Обращение Временного правительства к гражданам России.

Самое удивительное состоит в том, что знакомство с текстом Обращения не представляет особых трудностей: в ноябре 1917 года оно было опубликовано в обеих столицах примерно в полутора десятках либерально-демократических и социалистических газет. Из моих разговоров на сей счет с некоторыми знакомыми (среди них есть также и профессиональные историки) выяснилась весьма удручающая картина. Очень немногие что-то, где-то, когда-то об этом слышали (или читали), но никто самого Обращения, что называется, даже в глаза не видел. Между тем бесспорно, что Обращение — важнейший документ отечественной истории, через прошедшие драматические и трагические десятилетия адресующийся непосредственно к нам, к переживаемому нами времени, нашим теперешним заботам, тревогам и проблемам, раздумьям о прошлом, настоящем и будущем страны.

Ниже воспроизводится полный текст этого Обращения, опубликованного в центральном органе Конституционно-демократической партии — петроградской газете «Наша Речь».

* * *

ОТ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В дни тягчайшей смуты и разрушения Государства Российского Временное Правительство считает долгом своим обратиться ко всем гражданам Российской Республики.

Временное Правительство последнего состава, преемственно получившее верховную власть от Правительства, созданного февральским переворотом, не в полном составе своем обращается к народу. Часть членов его арестована и заключена в Петропавловскую крепость. Другая часть в лице министра-председателя А. Ф. Керенского, министра морского Д. Н. Вердеревского и министра военного А. И. Верховского сложила свои полномочия. Но и в этом неполном составе своем в настоящее время Временное Правительство является единственной в стране законной верховной властью.

До октябрьского мятежа Временное Правительство всех составов было занято сложной работой укрепления республиканского строя, создания административного аппарата и городских, земских и волостных самоуправлений, как самых прочных основ Российской Республики. Эту работу воссоздания государства на новых началах Правительству приходилось делать наряду с работой неизмеримо более трудной: с необходимостью оборонять страну и укреплять армию в интересах достижения скорейшего в согласии с союзниками и достойного России мира и готовить население к выборам в Учредительное Собрание, которому Временное Правительство обязано передать свои полномочия и право суда над своими действиями.

Октябрьский мятеж всю эту работу Временного Правительства оборвал. За несколько дней до всенародных и свободных выборов в Учредительное Собрание, основанных на законе, выработанном Временным Правительством, вспыхнул мятеж.

Измученные трехлетней войной, солдатские и рабочие массы, соблазненные заманчивыми лозунгами «немедленного мира, хлеба и земли», справедливыми по существу, но неосуществимыми немедленно и путем гражданской войны, взяли в руки оружие, арестовали Временное Правительство, стали захватывать важнейшие государственные учреждения, уничтожать гражданские свободы и угрожать жизни и безопасности мирных граждан, беззащитных перед лицом начавшейся анархии.

Освобожденные из крепости министры-социалисты и оставшиеся на свободе товарищи министров лишены были возможности оградить права народа и порядок государства.

Образовавшиеся с начала мятежа комитеты спасения родины и революции, комитеты безопасности не оказали поддержки законной верховной власти, а поставили своей задачей создание однородного социалистического министерства. Временное Правительство всех созывов твердо стояло на принципах всенародной власти. Основываясь на этом, Временное Правительство не могло признать власти мятежников и не принимало участия в попытках создания новой власти за несколько дней до Учредительного Собрания. Для Временного Правительства оставался один путь ограждения интересов народа и государства: не покидать до последней возможности своих постов и охранять от захвата и разрушения те отрасли народного хозяйства, которые особенно важны для армии и страны.

Финансы, транспорт, топливо, продовольствие и снабжение деревни необходимыми ей предметами и до мятежа требовали особых усилий, уменья и забот Правительства. Мятеж поставил эти отрасли хозяйства в катастрофическое положение. И потому в течение трех недель Правительство упорно вело работу обслуживания основных нужд населения и армии, не допуская мятежников овладеть соответствующими государственными органами.

Незаменимую услугу в этом деле ограждения государственных учреждений от посягательств на них безответственных и никем не уполномоченных насильников оказал персонал служащих, работающих в учреждениях. Не боясь ни угроз, ни насилий, ни личных жертв, в полном сознании своего права и своего долга перед родиной чиновники и служащие неуклонно продолжали свою работу, стойко, мужественно и решительно протестовали против мятежного захвата учреждений и мешали лицам, называющим себя народными комиссарами, овладеть народным достоянием.

С каждым днем, однако, оставалось все меньше и меньше возможностей штыку и насилию противопоставить право и закон.

В разрушительной работе своей мятежники не остановились даже перед тем, чтобы посягнуть на честь Российской Республики и на ее положение в международной борьбе. Крепко связанная с союзниками и поддерживаемая ими, Россия в самые тяжкие минуты войны никогда не склонялась перед силой наступающего врага, никогда не переставала стремиться к укреплению мощи своей армии для обороны страны. Политика в пользу демократического мира могла лишь в том случае иметь успех, если обороняющая страну армия была бы способна поддержать справедливые условия мира силою оружия. Революционные организации, неоднократно вынося свои резолюции о скорейшем мире и о решительной политике в пользу мира, всегда сопровождали их требованием усиленной обороны.

Начатые мятежниками переговоры о перемирии от имени Государства Российского могут повести лишь к позорному и губительному для России сепаратному миру. Эти безумные действия, если они не встретят властного отпора со стороны армии и народа, ведут Россию к политическому и экономическому рабству, к разрыву с державами согласия, вычеркивают Россию из списка великих держав и обрекают ее на роль побежденного, сдающегося на милость победителя. Эти беспримерные по дерзости своей действия мятежников обязывают Временное Правительство Российской Республики заявить, что действия эти ни в каком случае не могут быть признаны актами Правительственной власти и выражением воли народа.

Результаты мятежа уже дают себя знать и в других областях. Несмотря на напряженную работу всех правительственных и общественных организаций, крайнее разрушение железнодорожных сообщений уже повело к резкому ослаблению перевозок продовольствия и топлива. Голод грозит армии и населению, замерзание — городам, гибель — промышленным предприятиям, безработица и связанные с ней бедствия — рабочему классу.

Отсутствие объединяющей верховной власти повело к расчленению России на ряд вооружающихся и самостоятельных областей. Расстройство финансов создало ряд ужасающих денежных затруднений, разрушающих всю экономическую жизнь страны.

Перед лицом смертельной опасности для страны и ее целостности остается только одна надежда: приближается срок, назначенный Правительством для открытия Учредительного Собрания, единственного хозяина земли русской.

В уверенности, что усилиями народа будет положен конец господству насильников в самом близком будущем, Временное Правительство при-

зывает всех граждан в эти дни великих испытаний сплотиться вокруг Учредительного Собрания для осуществления своей воли.

В спокойном ожидании справедливой оценки действий своих и работы своей в интересах свободы и революции со стороны Учредительного Собрания Временное Правительство с презрением откидывает все лживые обвинения в неисполнении каких-либо своих обещаний. Народу и революции изменяют те, кто распыляет народные силы, действуя насилием и по всей земле русской зажигая пожар злобы, ненависти и гражданской войны.

Исполняющий обязанности министра-председателя, министр продовольствия С. ПРОКОПОВИЧ. Министр юстиции П. МАЛЯНТОВИЧ. Министр внутренних дел, почт и телеграфов А. НИКИТИН. Министр труда К. ГВОЗДЕВ. Министр путей сообщения А. ЛИВЕРОВСКИЙ. Министр земледелия С. МАСЛОВ. За министра народного просвещения, товарищ министра В. ВЕРНАДСКИЙ. За министра иностранных дел, товарищ министра А. НЕРАТОВ. За министра финансов, товарищ министра М. ФРИДМАН. Управляющий министерством торговли и промышленности Н. САВВИН. За министра государственного призрения, товарищ министра К. ГОЛУБКОВ. За государственного контролера, и.о. члена совета государственного контроля Г. КРАСНОВ.

Петроград,
16 ноября 1917 г.
(«Наша Речь», 17(30) ноября 1917 г., № 2, стр. 3).

Вслед за Обращением в газетах было опубликовано постановление Временного правительства относительно даты открытия Учредительного Собрания Российской Республики, подтверждавшее ранее, до октябрьского мятежа, принятое им же решение. Постановление заканчивалось так:

«Не считая возможным откладывать дня созыва Учредительного Собрания, Временное Правительство постановляет:

Назначить открытие Учредительного Собрания в Петрограде в Таврическом дворце 28 ноября в 2 часа дня».

В передовой статье того же номера «Нашей Речи», в котором были опубликованы оба документа, в частности, говорилось:

«Шумное торжество по поводу перехода левых эсеров из помещения Училища правоведения в Смольный институт свидетельствует лишь о том, что большевики нуждаются в поддержке и чувствуют себя весьма неуверенно. Но какую поддержку может принести Спиридонова, трудно понять. Что могут они прибавить к большевистскому засилью? Ведь это — тех же щей, да пожиже влей.

Напускному торжеству Смольного института, в котором ораторы не жалели комплиментов друг другу, а слушатели еще щедрее были на аплодисменты ораторам, Временное Правительство, часть которого заточена в Петропавловской крепости, противопоставило спокойный, но внушительный голос.

Временное Правительство прежде всего напоминает, что, кроме него, в стране нет законной власти, и в этом отношении оно лишь закрепляет то положение, которое уже весьма ярко определилось и на фронте, и в стране. Кроме того, Временное Правительство призывает сплотиться вокруг Учредительного Собрания, и этот призыв является далеко не лишним. Чем усиленнее большевики пекут «декреты», тем громче они говорят о своем неуважении к Учредительному Собранию, которое через две недели должно собраться.

Для всей страны Учредительное Собрание — хозяин земли русской, а они бесцеремонно посягают на его волю в самых важных вопросах. Володарский грозил сорвать Учредительное Собрание, если оно не исполнит воли большевиков, а захватчики власти, строго говоря, уже осуществляют угрозу, желая поставить Учредительное Собрание перед свершившимся фактом. Вот почему призыв Временного Правительства найдет горячий и звучный отклик».

Имея в виду Обращение Временного правительства к гражданам России и постановление о созыве Учредительного Собрания, В. И. Вернадский, принимавший личное участие в выработке и окончательном утверждении обоих документов, 19 ноября 1917 года записал в дневнике: «Это — максимум того, что могло дать родине Временное правительство».

* * *

Итак, в течение трех недель после своего мифического «свержения» министры и товарищи министров Временного правительства продолжали исполнять в Петрограде свои обязанности, перейдя фактически на нелегальное положение. Подпольные кружки, тайные собрания, правительства в изгнании и т.п.— все это истории давно известно. Но вот целое (или почти целое), парламентски правопреемное и законно действующее правительство, ушедшее в подполье в своей собственной стране, не захваченной никаким иноземным поработителем,— такого, кажется, кроме нас, грешных, никто еще не проходил (прошу прощения, если ошибаюсь). Воистину «умом Россию не понять»...

В. И. Вернадский был совершенно прав в своей оценке обоих политических актов Временного правительства, для которого в тех условиях это был предел возможного и достижимого. Обнародовав их, правительство открыто, на всю страну заявляло, что оно существует, уведомляло граждан российских, что оно отнюдь не «низложено». Но тем самым оно выходило из длившегося три недели вынужденного подполья, а это означало, что эти политические акты для него должны были стать последними. И министры, и товарищи министров, конечно же, все это прекрасно понимали, но еще лучше понимали, что игра стоит свеч.

Не только во время или вскоре после октябрьских событий 17-го года, но и загодя, еще за несколько месяцев до них, наиболее проницательными идеологами российской демократии, в первую очередь либералами и социалистами, была дана этим событиям принципиальная историческая оценка: произошел закамуфлированный псевдосоциалистической фразеологией контрреволюционный переворот слева, следствиями которого станут взаимоистребительная гражданская война, установление жесточайшей диктатуры и приход нового самодержца, во сто крат худшего по сравнению с тем, который был свергнут в феврале.

Обращаясь к гражданам России через головы руководителей и исполнителей этого контрреволюционного деяния, Временное правительство стремилось предотвратить дальнейшее катастрофическое развитие событий, которое могло стать фатальным (и, увы, стало таковым). Грубой физической силе штыка и нагана самозваных правителей оно противопоставляло моральную силу, опирающуюся на право и законность, на достоинство и свободу личности. Обращаясь к настоящему страны, в еще большей степени оно обращалось к ее будущему. Слагая с себя полномочия ввиду невозможности исполнять далее возложенные на него обязанности, оно адресовалось непосредственно к Учредительному Собранию, которому в начале следующего года и представило отчет о своей деятельности. Взывая к мудрости народа, его совести и стыду, Временное правительство прощалось с Россией и ее гражданами...

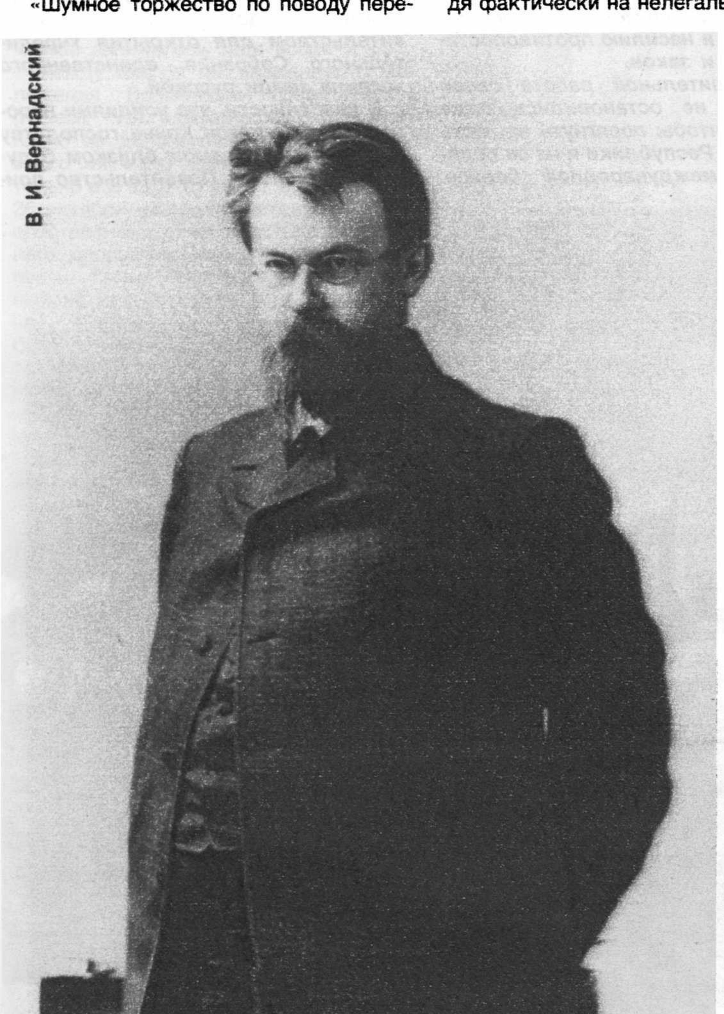
Временное правительство сошло с исторической сцены... Ошибок у него, вероятно, было больше, чем следует, а достижений меньше, чем могло бы быть. Многое было задумано, но далеко не все исполнено. Были тупики и попятные движения. Что-то вообще осталось втуне. Все это так, ибо такова сама жизнь.

Но мы не вправе и далее оставаться в плену исторической мифологии, в том числе и главного мифа, освященного «авторитетом вождя». Временное правительство не было «низложено». Со сцены истории оно ушло под прессом насилия, но ушло с достоинством, ушло непобежденным, как непобежденным, не сдавшимся на милость неприятеля из осажденной крепости подземными траншеями уходит гарнизон, чтобы, собравшись с силами, продолжить борьбу.

* * *

Надо отдать должное Ленину и большевикам: они моментально поняли и оценили масштабы той опасности, которая исходила от, казалось, окончательно умерщвленного и неожиданно вдруг воскресшего Временного правительства. Уже 17 ноября, то есть в день публикации столичными газетами Обращения Временного правительства к гражданам России и постановления о созыве Учредительного Собрания, на заседании Петроградского Военно-революционного комитета (которое состоялось, вероятно, днем или ближе к вечеру, после выхода утренних газет) принимается решение, как сообщали «Известия» на следующий день, «об аресте всех бывших министров, объявивших себя Временным Правительством и подписавших обращение к населению, в котором провозглашают себя единственной законной властью и заявляют, что они по-прежнему выполняют функции Временного Правительства». Здесь же «Известия» цитировали «Петроградский листок», в котором говорилось: «В политических кругах указывают, что выступление Временного Правительства будет иметь громадные последствия» («Известия», 18 ноября 1917 г., № 229, стр. 3, 5).

19 ноября «Правда» и «Деревенская

В. И. Вернадский

Беднота» опубликовали полный текст постановления Военно-революционного комитета. Это документ, прелюбопытный со многих точек зрения. Стоит воспроизвести его здесь целиком.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ О ПЕРЕВОДЕ В КРОНШТАДТ БЫВШИХ МИНИСТРОВ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПОД НАДЗОР КРОНШТАДТСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Не придавая никакого значения опубликованному в газетах заявлению бывших министров и их товарищей, но опасаясь, что это заявление может вызвать справедливое возмущение революционных рабочих и солдат Петрограда и какие-либо эксцессы на этой почве, Военно-революционный комитет постановляет:

Подписавших упомянутое заявление бывших министров и бывших товарищей министров С. Прокоповича, П. Малянтовича, А. Никитина, К. Гвоздева, А. Ливеровского, С. Маслова, В. Вернадского, А. Нератова, М. Фридмана, Н. Саввина, К. Голубкова, Г. Краснова отправить под надежным караулом в Кронштадт под надзор исполнительного комитета Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов.

(Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т.3. М., 1967, стр. 175).

Противоречивость и лицемерие этого «постановления» не нуждаются в специальных указаниях и пояснениях — все это очевидно, лежит на поверхности. Но самое существенное в нем заслуживает быть отмеченным.

Спрашивается: что означала бы реально для подписавших Обращение и арестованных членов Временного правительства, если бы такой арест состоялся, замена места заключения с Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где содержались под стражей относительно дисциплинированных солдат и красногвардейцев ранее арестованные их коллеги, на Кронштадтскую тюрьму — под «надзор» анархически настроенных матросов? К чему могла бы привести и неизбежно привела бы эта оказанная министрам и товарищам министров «великая честь»?

Незадолго до опубликования в печати Обращения своих знакомых и друзей — узников Петропавловской крепости — посетил бывший министр народного просвещения Временного правительства (предшественник С. С. Салазкина) академик С. Ф. Ольденбург. Московская либеральная газета опубликовала по этому поводу следующее сообщение:

«Перестаньте быть тюремщиками невинных людей, которым вы можете поставить в вину лишь то, что они — ваши политические противники. Томление этих людей в крепостном каземате не к вашему благу и не к вашей чести. Освободите их и не медлите с освобождением!» — с таким заявлением обращается к большевикам С. Ф. Ольденбург, посетивший в Петропавловской крепости арестованных членов Временного правительства. С таким же заявлением призывает он и всех русских граждан обратиться к тюремщикам» («Русские Ведомости», 16(29) ноября 1917 г., № 251, стр. 3).

Можно сказать с уверенностью, что в Кронштадтскую тюрьму Сергей Федорович вообще не был бы допущен. А если бы ему и удалось чудом туда прорваться, арестованных не спасли бы никакие публичные заявления и протесты, а скорее всего «дело» к этому времени уже было бы сделано...

Министров и товарищей министров ожидала судьба их коллег, бывших членов Временного правительства А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина, зверски убитых матросами в начале января 1918 года в столичной (!) Мариинской больнице (!!), да к тому же еще накануне находившихся «под охраной» (!). «Мой дом — моя крепость». У себя дома и в своей крепости матросы быстренько сварганили бы «революционный» суд над строптивыми «буржуями-интеллигентами» или, что вероятнее, обошлись бы и без этой комедии. Благо грехи были уже заранее отпущены.

«Заговорщики и предатели» — так называлась опубликованная 18 ноября в «Известиях» погромная статья, посвященная вдруг вынырнувшему из небытия Временному правительству. И этим было все сказано. Никаких пояснений не требовалось. Так что простодушно-хитрый ВРК, принимая свое «постановление», хотя и утверждал лукаво, что он, дескать, «не придает никакого значения...», держал в уме совсем иное, знал, на что идет, и очень даже «придавал значение».

Большевики, однако, напрасно полагали, что царскую школу конспирации только они окончили с высшим баллом,— совсем неплохо ее прошли социалисты и даже либералы. С препровождением «под надежным караулом» в Кронштадт дело не выгорело. «В Смольном институте стараются выяснить, в каком направлении и в какие места выехали бывшие члены Временного Правительства и их товарищи»,— не без иронии сообщала 19 ноября кадетская «Свободная Речь».

* * *

...Постарались отыграться и отчасти отыгрались на том, на чем чуть не со времен изобретения книгопечатания отыгрывались все садившиеся в лужу диктатуры и диктаторы,— на свободном слове, газетах, журналистах и редакторах, типографиях и их работниках,— благо соответствующие «декреты» были уже написаны, приняты и доведены до общего сведения. Значит, к экзекуции можно было приступать на вполне «законных» основаниях. Это с точки зрения стратегии. Но и с точки зрения тактики большевистская власть, и здесь еще раз надо отдать ей должное, также оказалась на высоте: «отыгрыш» в данном конкретном случае был предусмотрен заранее.

На том же заседании ВРК 17 ноября, как сообщали «Известия», было «издано распоряжение комиссии по делам печати приостановить все газеты, поместившие обращение бывшего Временного Правительства» («Известия», 18 ноября 1917 г., № 229, стр. 5). К ВРК оперативно подключается Совнарком. На следующий день, как о том сообщала «Правда», им также отдается аналогичное распоряжение (одного, видимо, показалось мало). Тотчас были закрыты газеты «Наша Речь», «Утренние Ведомости», «Единство», «Утро», «Рабочее Дело», «День», «Воля народа», «Трудовое Слово», «Рабочая Газета»... (По недосмотру и халатности чудом уцелели единицы.) Реквизирована типография «Новое Время». Арестованы некоторые сотрудники газет.

В духе пока еще только проектируемой ВЧК в ход пошла версия «контрреволюционного заговора». О некоторых событиях в Петрограде 18 ноября московские «Русские ведомости» сообщали в своей корреспонденции.

АРЕСТ ЖУРНАЛИСТОВ

Вчера вечером арестованы сотрудники и редакторы газет «Воля Народа» (Аргунов, Дмитриев и др.), «Трудовое Дело». Задержанные были препровождены в Смольный институт. Журналисты социалистических газет были оставлены внизу, а буржуазных были переведены в средний этаж. В половине четвертого утра после целого ряда протестов со стороны задержанных к ним явился член Следственной комиссии Военно-революционного комитета, редактор социалистической латышской газеты Петерс. По ходу допроса у арестованных журналистов сложилось убеждение, что военно-революционный комитет смотрит на них как на заговорщиков в связи с опубликованием воззвания Временного Правительства в газетах.

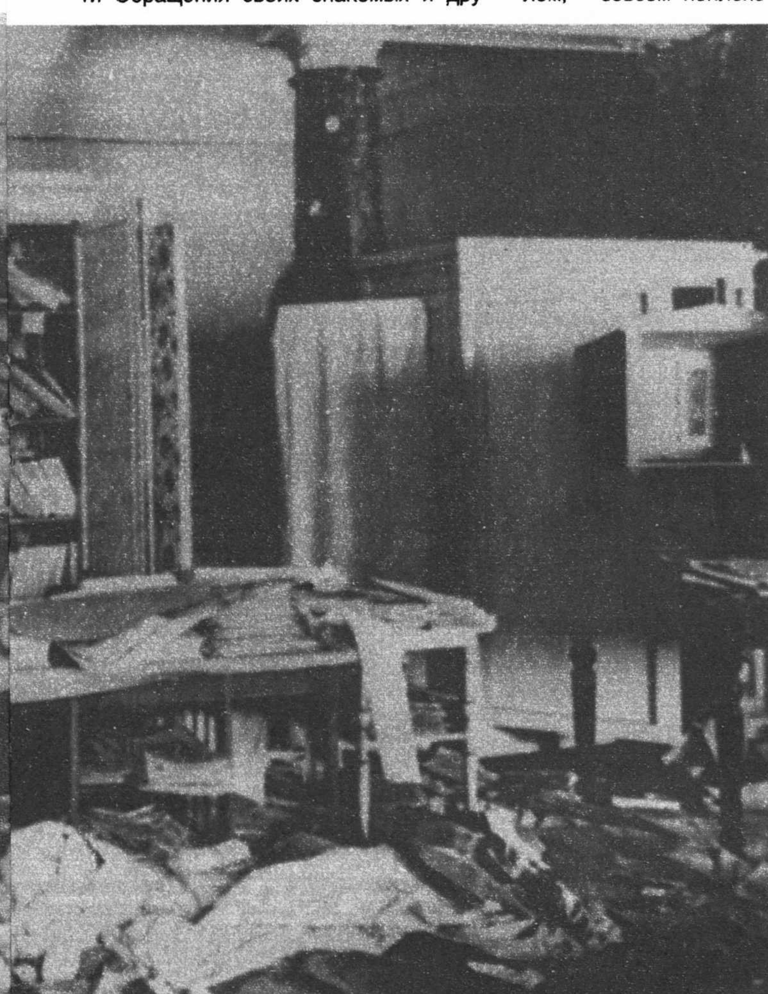
По этому поводу Комитет пришел к заключению, что в Петрограде существует заговор, в состав которого входят члены Временного Правительства, гласные городской Думы, сотрудники и редакторы газет, а также другие общественные деятели. В целях выяснения всех нитей этого заговора и велся допрос.

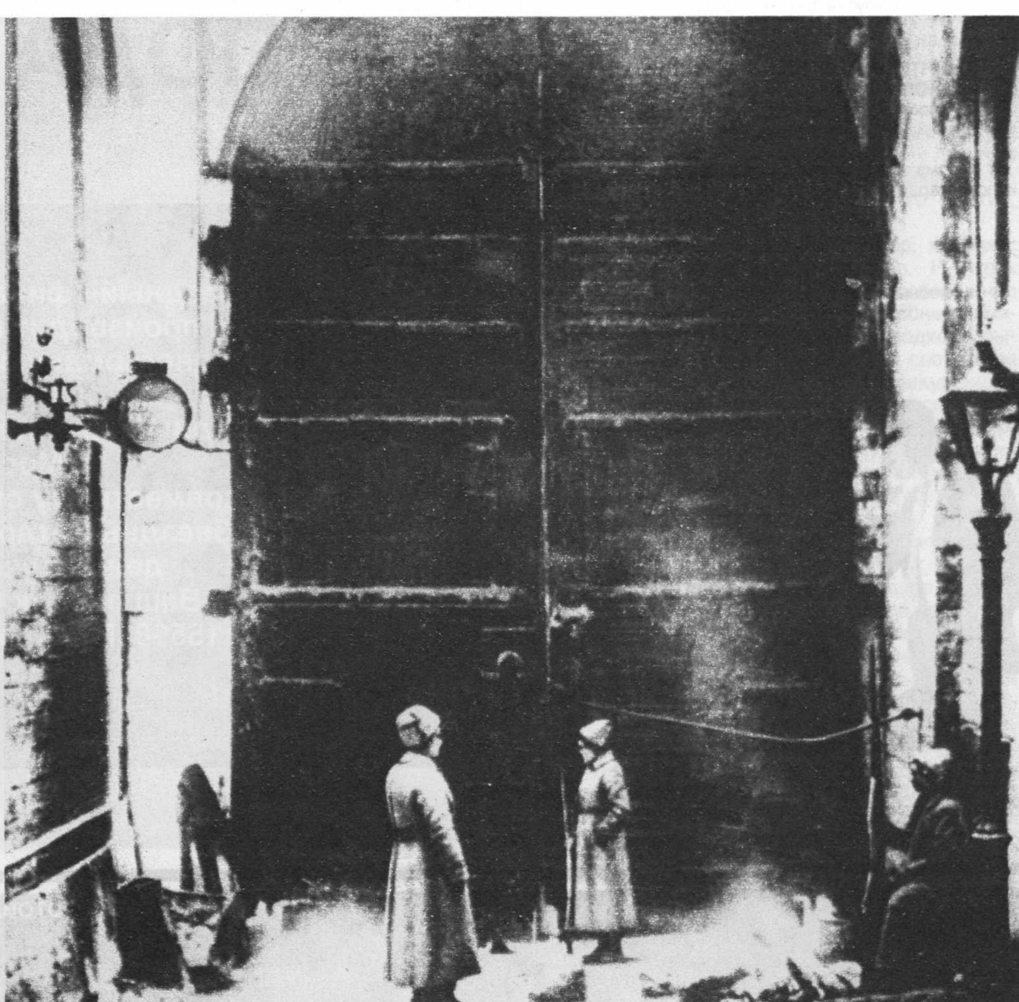
Все журналисты решительно отказались от всяких показаний. Аргунов, кроме этого, указал, что он лично считает возмутительным, что его, редактора социалистической газеты, допрашивает редактор другой социалистической газеты. К утру некоторые задержанные были освобождены и отпущены на свободу. Между прочим, задержан Аргунов, и все протесты его в этом направлении ни к чему не привели.

Передают, что, когда Аргунов был привезен в Смольный институт, он обратился к одному из принимавших его большевиков с указанием на недопустимость ареста Г. И. Шрейдера, являющегося выбранным от Петрограда в члены Учредительного Собрания. На это последовал ответ, что неприкосновенность личности членов Учредительного Собрания является буржуазным предрассудком.

(«Русские Ведомости», 19 ноября (2 декабря) 1917 г., № 254, стр. 4).

За 70 лет нас освободили и мы сами себя освободили от многих, чрезмерно многих «буржуазных предрассудков». Слава Богу, освободились пока еще не окончательно и не от всех, кое-что осталось на развод. Теперь нам предстоит освободить себя от целого сонма пролетарски-большевистских мифов и обрести наконец-то нормальный человеческий Рассудок, так необходимый всем нам. Будем надеяться, что путь к нему окажется и короче, и продуктивнее.

ГАЗЕТУ И ЖУРНАЛ, БРОШЮРУ И БУКЛЕТ ВЫ ПОДГОТОВИТЕ К ВЫПУСКУ САМИ С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРНЫХ СИСТЕМ, ПОСТАВЛЯЕМЫХ

советско-австрийским предприятием

ИНТЕРМИКРО

ИНТЕРМИКРО поставляет "под ключ":

1. электронные редакционно-издательские комплексы
2. рабочие станции подготовки к печати цветных изданий
3. комплексы для выпуска ежедневных "толстых" газет
4. средства оперативной полиграфии

Не ищите больших помещений. Издательские комплексы ИНТЕРМИКРО компактны и удобны. Не бойтесь трудностей — эксперты фирмы помогут Вам добиться безупречного качества и четкого ритма выпуска Ваших изданий.

Впервые в СССР ИНТЕРМИКРО осуществляет ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ ПОДДЕРЖКУ поставляемых комплексов.

Фирма обеспечивает гарантийное и послегарантийное обслуживание техники в СССР.

Авторизованный учебный центр ИНТЕРМИКРО открыт для всех.

«WESTEX» ПРЕДСТАВЛЯЕТ «WEST ЭКСПРЕСС»

— ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧАСТНЫХ ЛИЦ
— СБОР И ПРОДАЖА ИНФОРМАЦИИ ВО ВСЕМ МИРЕ
— УНИКАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РАБОТЕ ЗА РУБЕЖОМ
— САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ В ЕВРОПЕ
— ПРЕДСТАВИТЕЛИ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

Мы представляем всю необходимую информацию нашему дистрибьютору в Москве — фирме «КОРОНА — ВЛАКС» (тел.: 367-00-02), которая занимается формированием банка рабочей силы в СССР и всеми вопросами трудоустройства (составление резюме, рассылка анкет, компьютерная обработка). Заявки на анкеты присылать по адресу: 105122, Москва, «Корона— Влакс»

К сожалению, имеют шанс трудоустроиться через посредников не более 10% абонентов (данные аналогичной программы в Польше). Главная причина в том, что 90% фирм предпочитают контактировать непосредственно с работником. Именно поэтому результаты личного активного поиска работы гораздо выше, чем через посредников, и приводят к заключению контракта на более выгодных условиях.

Фирмой «WESTEX» подготовлен пакет информации, который позволит любому человеку самостоятельно найти работу за рубежом. Это работа — от сезонного сбора овощей и фруктов в Греции и Франции до солидных контрактов с фирмами США и ЮАР от 2 — 6 лет. Это заработок от 5 до 20 $ в час.

По оценкам европейских экспертов, рабочие из стран Восточной Европы уже в ближайшие 2 года заменят два из пяти миллионов выходцев из стран Африки и Ближнего Востока, имеющих несравненно более низкую квалификацию. Граждан СССР из них будет свыше 1 миллиона человек.

«WESTEX» уже в этом году способен помочь 100 тысячам советских граждан, снабдив их полной информацией по личному трудоустройству.

Активно предлагать свою кандидатуру — основной способ поиска работы на Западе. Никакой посредник не заинтересован в успехе более вас самих.

«WESTEX» предлагает информационный пакет, в котором собрана вся информация по личному трудоустройству за рубежом (инструкции, анкеты, резюме, обзоры). Пакет включает адреса свыше 1000 фирм всего мира, как работодателей, так и имплоймент-бюро. Все материалы выпускаются как приложение к газете «WEST ЭКСПРЕСС».

Фирма «WESTEX» представляет Всесоюзный ежемесячник «ЭКСПРЕСС»!

«WEST ЭКСПРЕСС» — для тех, кто «смотрит на Запад»

«WEST ЭКСПРЕСС» — для тех, кто хочет работать за рубежом

«WEST ЭКСПРЕСС» — для тех, кто ищет друзей за границей

«WEST ЭКСПРЕСС» — вне политики

Вы устали от партийных боев — читайте «WEST ЭКСПРЕСС».

На 8 страницах только то, что должно интересовать простого человека,— деньги, питание, знакомства, эротика и уголовная хроника.

В каждом номере — все о работе за рубежом, все изменения в этой сфере, адреса фирм для трудоустройства. Свыше 200 предложений иностранных граждан по разделам: хобби, бизнес, брачные знакомства, голливудские диеты и сексуальные рекорды — все это в «WEST ЭКСПРЕСС».

В СССР мы ограничены в возможностях, и поэтому газета не идет в розничную продажу — только в подписку, но зато со всеми приложениями.

Для выпуска и реализации газеты в СССР приглашаем к сотрудничеству надежных партнеров. Предоставим готовые пленки и весь доход от реализации по договорным ценам.

А пока — подписка!

На нашу газету могут подписаться только 100 тысяч человек — это ровно то количество, которое мы сможем обеспечить полным комплектом приложений. Впервые в СССР — полный сервис для подписчиков, подписка дифференцированна по интересам и узконаправленна.

Баснословно низкие цены обусловлены желанием «открыть» рынок и закрепиться на нем (подобное удовольствие в Польше стоит 50 $).

«WEST ЭКСПРЕСС» — это ваш выход на Запад.

«WEST ЭКСПРЕСС» — это Запад в ваших руках

ВНИМАНИЕ!

Условия подписки!

1 вариант. Подписчик получит за 6 месяцев 6 номеров газеты и весь пакет информации по личному трудоустройству за рубежом, включая адреса 1000 фирм всего мира.

Цена этого вида подписки — 70 рублей.

2 вариант. 6 номеров газеты и 1000 адресов для личных контактов с иностранцами. Разделы: брачные (около 500, в основном мужчины), хобби, знакомства, бизнес.

Цена — 50 рублей.

При подписке на оба варианта сразу — 100 рублей, и в этом случае вас ждет презент фирмы — русско-английский разговорник, не имеющий аналогов в СССР. Все приложения будут высланы в течение 2 месяцев наложенным платежом по вашему адресу.

Для оформления заказа необходимо оплатить 5 рублей на наш субсчет № 363901 в Московском обл. упр. ПСБ МФО 211899. Копию квитанции выслать по адресу: 129594, Москва, «WEST ЭКСПРЕСС».

В письме четко укажите, какой вариант подписки вы хотите получить и его стоимость. Вложите письмо с вашим адресом.

Оформившие заказ, но не попавшие в число подписчиков, получат первый номер газеты «WEST ЭКСПРЕСС» и брошюру «Работа за рубежом» без дополнительной оплаты. При расширении деятельности в СССР все заявки будут учтены.

«WEST ЭКСПРЕСС» отправляется — торопитесь занять свои места.

ГОСПОДА!

ВЫ ИМЕЕТЕ ШАНС ПОЛУЧИТЬ БЕСПЛАТНУЮ РЕКЛАМУ В РОССИИ, ЕСЛИ СТАНЕТЕ ПАРТНЕРОМ КООПЕРАТИВА «ЗВЕЗДНЫЙ».

«Звездный» финансирует детский спортивный центр и производит высококачественные аналоги западногерманских спортивных тренажеров по низким ценам.

«Звездный» располагает земельными участками в Москве и за ее пределами и готов к совместному строительству и производству.

«Звездный» гарантирует выгодное вложение денег и участие в благотворительности.

Ваш отклик будет оценен по достоинству!

115598, Москва, ул. Лебедянская, 24, корп. 2, телефон: 328-27-66

Юрий ГОВОРУХИН

БРАК БЕЗ ЛЮБВИ

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА

Так что же все-таки мы хотим сотворить в нашей деревне? Ставить и дальше «русскую печь» или переделать ее в «голландку»? Пока там колхозную печку слегка разворотили и начали обкладывать фермерскими изразцами.

В конце концов мы чего-нибудь да построим. Скорее всего электронную плиту со сводом, топкой и трубой. Только вот сидеть, как сейчас, у развороченной кормилицы — сколько же можно? По идее надо бы быстрее закончить ломку и начать кладку. Однако в этом деле идти по пути массовой реколлективизации, наверное, было бы ошибкой. Повторять 29-й год под лозунгом «Все — из колхоза!»? Это мы уже проходили. Хватит. А вот выявить либеральной экономикой предприимчивого Емелю-печника да помочь ему хорошенько в работе можем и должны. От него пойдет крепкий единоличник, а также крестьянский посредник-закупщик. И охват тут смерти подобен. Фермеров-кулаков и должно быть на селе не более пяти-шести, ну десяти процентов — ухватистых, выживших в жесткой конкуренции, зубами вцепившихся в свое добро. Такие-то, переплывшие на шлюпке через наш «социалистический океан», и составят основу возрождающегося крестьянства.

Его реанимация у нас началась. Но как же нелепо мы это делаем!

Фермеризм с человеческим лицом.

Классический анекдот. Пришли к мужику красные: «Ты за кого?» «За белых». «Снимай штаны, пороть будем». Потом пришли белые: «За кого?» «За красных». «Снимай штаны...» А когда опять постучали, мужик думает: «Лучше я сразу порты скину».

С тех пор так он и живет — без портов. И в нынешней ситуации никак не может определиться, куда ему, бедному, податься. Центр говорит одно, российский парламент — другое, союзный и республиканский законы о земле — разное. На местах толком никто ничего не знает. А тут еще фермерское движение раскалывается.

Вот в Удмуртии, к примеру, куда мужику записываться: в Ассоциацию кооперативов и крестьянских организаций (АККО) или в Ассоциацию крестьянских фермерских хозяйств (АКФХ)? Различие между ними принципиальное. АККО сформировали какие-то несерьезные люди — всякие там кооператоры и предприниматели. Причем вопреки мнению верхов и без их поддержки. Возглавил ассоциацию генеральный директор Геннадий Васильевич Маурин — зоотехник, экономист, юрист, человек, начавший удачную карьеру по комсомольской линии, но выломившийся из номенклатуры, сменивший десяток профессий, убежденный сторонник экономического либерализма. В числе его соратников — кандидат экономических наук Шабанов; председатель кооператива «Конструктор», ученый-изобретатель Чернышов; председатель районного совета кооператоров Чукавин; инженер-механик, владелец малого предприятия Герценов; работник юридического центра Зорин... Чувствуете? Все какая-то не очень управляемая публика.

Мне показалось, не слишком привабливают они своих клиентов. Придет кто — а они все о трудностях, о дефиците, о борьбе и конкуренции. Легкой жизни не обещают. В помощи, конечно, не отказывают, даже беспроцентные кредиты дают, но всячески подчеркивают: надейся только на себя. Вот тебе адресочки деловых людей: иди, договаривайся. Если не утонешь на первых порах, не передумаешь, тогда еще приходи... Нет, какая-то неласковая эта АККО.

Николай Петрович Чувашов.

То ли дело АКФХ! Поддержка сверху солидная, полная. Благожелательные знаки внимания из республиканского партийного комитета. Поддержка в прессе. Покровительство минсельхоза Удмуртии. Поблажки техникой и стройматериалами. «Мы ведем работу непосредственно в хозяйствах,— делится опытом аграрный министр республики Вершинин.— Мы знаем людей на земле, а они знают нас. А АККО — самозваная контора, созданная шустрыми кооператорами...»

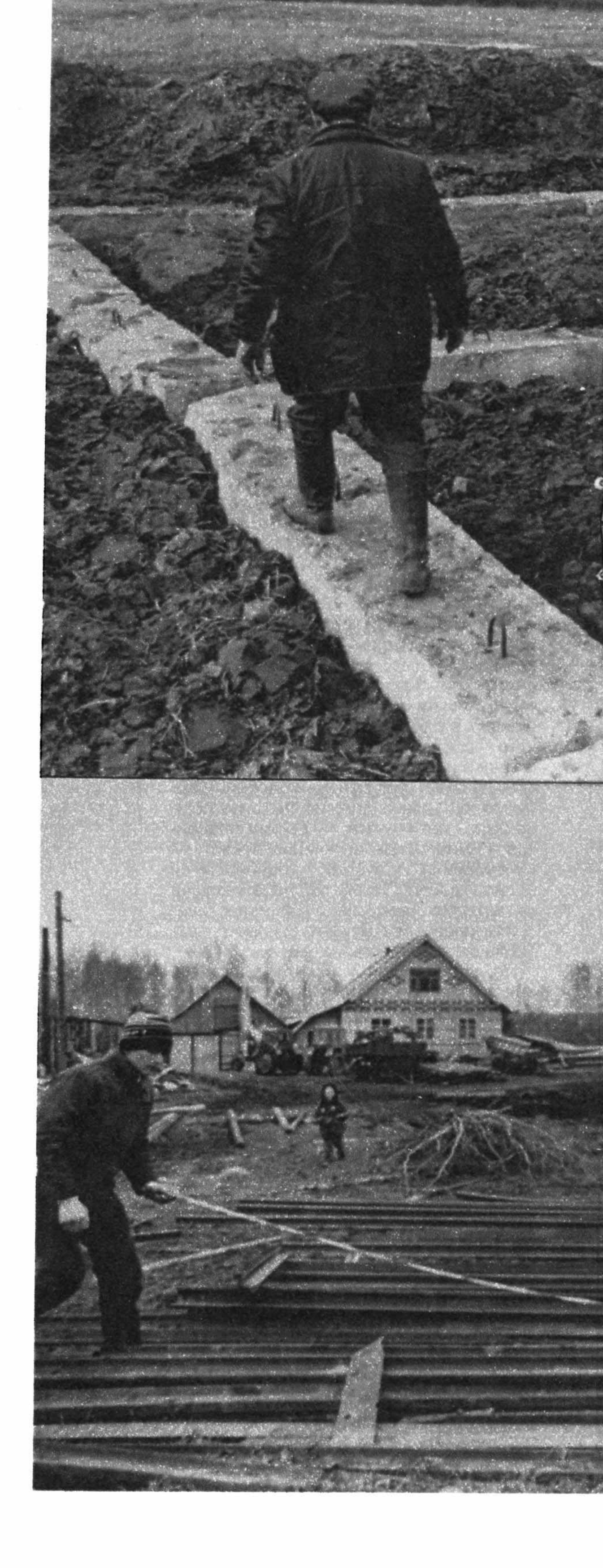
Не очень-то они, правда, шустры оказались: всего 75 членов в этой самодеятельной АККО, хотя на полгода раньше конкурентов ее зарегистрировали в Совете Министров. Оно и понятно — слишком разборчивы, привередливы. Не то что в АКФХ — там почти триста человек записано, зазывают к себе лихо: «Давай вали к нам, ребята!» На обещания не скупятся. И вообще может ли не внушать доверия патронат, пестующий АКФХ? Возглавляет ее бывший председатель бывшей «Сельхозтехники» Сигов. Нынешний министр сельского хозяйства — бывший зампред Совмина республики Вершинин. А комитет по земельной реформе украсил собой бывший секретарь обкома, бывший председатель агропрома Зайнаков. Незаменимый организатор! И в Верховном Совете, и в Совмине — сплошь горячие сторонники фермеризации, бывшие первые секретари райкомов. Правда, они вроде бы приложили ручку к развалу села. Правда, нет среди них приверженцев частной собственности. Ну да теперь пришла пора заняться крестьянскими хозяйствами, есть такое указание, цели ясны, задачи определены — за работу, товарищи! Мы, как говорится, и не такие дела заваливали!

— Самое страшное даже не в том, чьими руками лепится фермерское движение,— сказал мне Маурин.— Тут беда посерьезней. Создав карманную ассоциацию фермеров, аппарат подготовил базу для дискредитации всего процесса окрестьянивания деревни. В фермеры АКФХ чохом зачисляет и тех, кто уже получил акты на владение землей, и арендаторов, и просто пожелавших взять участок. Всех их — туда, до кучи!

Так обеспечивается охват. А дальше все просто: мы вам технику — вы нам продукцию, фермер должен кормить государство, как колхоз,— кто платит, тот и заказывает музыку.

Свою зависимость фермер, конечно, оплачивает покладистостью. И пусть кто-то подает голос, будто совершенно необходим отбор жизнеспособных хозяев, будто при аппаратном подходе выхолащивается сама мысль о свободном предпринимательстве, конкуренции, будто крестьянин оказывается опять накрепко привязанным к агропромовской телеге: шаг в сторону из-под опеки бдительных высоких покровителей обрекает его на банкротство, разорительные переплаты... Все это детали! И без них сложим нашу советскую «печку».

Нет, крепка все-таки родная власть! Раньше с фермерами ей надо было враждовать. А теперь можно попробовать их и приручить. Идею жизнеспособности колхозов она, эта власть, всячески поддерживает под микитки. И одновременно занимается всеохватным вовлечением колхозников в предпринимательство, записывает в «свою» ассоциацию кого ни попадя. Короче, да здравствует социалистический фермеризм с человеческим лицом!

Фермер Александр Семенович Коробейников.

Нынче даже насчет землицы нет особых проблем. Бери ее, родимую, бери, дорогой мужичок! Вот тебе акт на владение, пожизненное и наследуемое. Дальше — сам колупайся, выбирай, за «белых» али за «красных». И ежели ты, дорогой, с голой задницей ничего не можешь поделать на голой земле — это твои трудности. В независимые подался? Тогда проявляй инициативу. Паши хоть на козе, хоть на верблюде, стройся хоть из кизяка, хоть из соломы. Давай, родимый, обарахляйся. А там, ежели не получится, всегда можно сказать: вот куда завели демократы, вот она, ваша частная собственность, вот она, ихняя фермерская «голландка»!

ОТКУДА ВОЗЬМЕТСЯ СТАРТОВЫЙ КАПИТАЛ?

Внедрение аппарата в крестьянское движение имеет, как ни странно, и привлекательную сторону. Ибо в фермеры-единоличники пошли сельский специалист, председатель колхоза и даже председатель райисполкома.

Читаю заметку в «Удмуртской правде»: «Купил председатель трактор, или Ситуация... не по штату». В чем дело? Корреспондент с криком «Ну и ну!» сетует на то, что председатель исполкома Киясовского райсовета Гумар Каримов купил трактор и собирается на нем пахать. Герой публикации совершенно резонно удивляется: почему к этому факту проявлено столь повышенное внимание? Но автор в притворном обмороке закатывает глаза, а потом читает нотацию. Дескать, почему Гумар Гускарович не понимает: трактор нужнее тому, кто уже работает на земле, а вот у него он стоит пока «мертвым капиталом». И вообще надо продавать машины тем, кто «от сохи»...

На дворе стоял апрель. И Каримов, конечно же, купил трактор не для доставки собственной персоны на службу — он берет надел, становится фермером, ему надоело перекладывать бумажки с одного конца стола на другой. Только и всего! Но у нас почему-то с удивительной назойливостью посягают на право человека выбирать, чем ему заниматься.

У нас считают, что приоритет за тем, кто «работает на земле». Но из наших государственных крестьян давно выветрился предпринимательский, бойцовский дух. Сейчас, например, в Удмуртии определяют паи, с которыми можно выйти из хозяйства и зажить самостоятельно. И вот как рассуждает большинство: «Вы мне дайте пай деньгами, да еще соток тридцать в придачу, но в колхозе я останусь». Начальство такая постановка вопроса удивляет и возмущает: «Ты либо катись на все четыре стороны, либо оставайся советским колхозником». И опять крестьянин перед выбором...

Сколько же мы еще будем вести войну с мужиком? Отнимать у него право свободного выбора? Ну хочет он со своим паем оставаться в колхозе — пусть остается! Хочет отмежеваться на своих тридцати сотках, работать наособицу, так давайте назовем его мелким единоличником, дадим ему счет в банке и оставим в покое. Хочет объединиться с соседями полями и паями, организовать кооперативное товарищество из двух-трех-пяти семей — ради Бога!

Ну а если податься в землевладельцы более крупного масштаба? Тут ведь и смелость, и блат, и акулий опыт надобны. Умение входить в разные кабинеты. У кого они есть?

— Что вы думаете по поводу собственного перерождения и врастания отдельных руководителей нынешней хозяйственной структуры в фермерство? — спросил я Поторочина, бывшего председателя колхоза, а ныне предпринимателя, который в деревне Рожки организовал бригаду, понастроил дома, понабрал к себе переселенцев и вознамерился создать деревенское малое предприятие.

— Я думаю, капиталистом способен стать далеко не каждый,— заявил «перерожденец».— Нужно иметь идеи, связи, обладать пробивными качествами. И если я или какой-то секретарь парткома имеет такой капитал — почему бы нам не заняться бизнесом?

Разделяет эту точку зрения и бывший главный агроном совхоза «Роди-

на», а ныне фермер Василий Афанасьев:

— Работал я и в профсоюзе, и председателем сельсовета, и первым секретарем райкома комсомола. Учился заочно в сельхозинституте, сюда приехал в 1985 году, был тут и агрономом, и секретарем парткома. А потом мне все это надоело! Взял в аренду с правом выкупа совхозную пасеку, держу двух коров, четырех бычков, а теперь вот еще и землицы — 20 гектаров — к своему хозяйству прибавил. С сыном и женой, она у меня, кстати, бухгалтер, хотим сажать картошку, морковь, капусту и торговать этим на базаре. Выгодно! В прошлом году только на меде неплохие деньги взял.

— А как отношения с директором?

— В свое время были отличные,— вздохнул Василий.— Потом, конечно, испортились. Он мне все говорил: «Брось!» Не верил, что я уйду в фермеры насовсем. А как поверил — еле здоровается.

— Ну и как же?

— Буду колупаться. А обратно в кабинет не хочу! — Ответил уверенно.

Крепкие мужики, решившиеся оставить должности, сделали выбор. И его можно только приветствовать. Разноголосица у них лишь в ответах на вопрос: каким должен быть механизм выхода в свободное предпринимательство? Одни — за резкий разрыв привычных связей и крутой вираж. Другие — за плавный переход, трансформацию в собственника через аренду. К сожалению, аренду мы дискредитировали безграмотностью, обсчетами, она отталкивает сейчас многих, несть числа жалобам на произвол конторы. Но путь в принципе весьма приемлемый, хороший, эволюционный путь. И отказываться от него не следовало бы. Союз умного председателя колхоза или директора совхоза с арендатором не только нужен, но и возможен, подтвержден практикой. Аренда — тоже стартовый капитал для делового человека.

Впрочем, всякий капитал — это еще не все. Бизнес — вроде как брак по любви между предпринимателем и государством. Тогда родится крепкий ребенок. А у нас? Выкидыши получаются. Потому как любви-то и нет.

ИГРА НА ПРОИГРЫШ

В удмуртский городок Игра нас с Мауриным привело завлекательное объявление в газете: «Вниманию руководителей хозяйств и граждан! Игринское ремонтно-тракторное предприятие производит реализацию и сервисное обслуживание тракторов «Т-40М». По вопросам приобретения обращаться... Телетайп... Телефон...»

Приезжаем. И выясняется: трактора продают только хозяйствам. А как же насчет граждан? А от граждан, оказывается, принимают заявки на технику аж на... 1993 год!

«Зачем же вы даете такое объявление? Это обман». «Но мы же разъясняем — что и как. Пусть хоть заявки подают...»

Такие вот «игры». Зачем? А затем, чтобы продемонстрировать видимость деятельности. Профанация работы, ставшая обычной в нашей жизни, позволяет «выглядеть» и вешать лапшу на уши. А что в итоге получается? Ткнется гражданин в это РТП, оставит там бумажку — пожелание на 93-й год, а потом приедет домой и плюнет себе под ноги: да гори ты все синим пламенем! И останется государственным крестьянином.

Отбить руки деревенскому человеку, да еще с первых шагов, дело нехитрое, но очень эффективное. И власти прекрасно понимают: взаимосвязь между возможностями и желаниями прямая, теснейшая. Минимум возможностей — минимум желания. Тут уж не до любви, тем более взаимной.

И вот ведь какая пакость — блокада крестьянского рубля организуется под вывеской «рынок». С нынешнего года отделения «Агроснаба» и РТП фондов вроде бы не имеют, они «торгуют» техникой — покупают ее у государства и продают, правда, тому, кто больше даст. У нас, конечно, любой нищий колхоз или совхоз богаче обездоленного побирушки-фермера. Тем не менее хозяйству трактор обойдется в восемь тысяч рублей, а единоличнику — в двенадцать. Но и это еще не все: процветает «бартер». Колхоз, кроме денег, может подкинуть продавцу и мясца. Да и по идеологическим соображениям колхоз как покупатель предпочтительнее. И получается: раньше были фонды, заявки, отоваривание по списку. Теперь фондов будто бы нет, заявки писать бесполезно, полная анархия, и никаких гарантий! Но распределительная госструктура сохранилась, навесив на себя вывеску «рынок». И фермер может взять только одним: дать более высокую коммерческую цену, чем колхоз. Но таких богачей — единицы. А масса начинающих хозяев проигрывает вчистую.

Далее. Местные отделения агропромбанка сплошь стали коммерческими. И ломят за кредит аж 12 процентов годовых. Какой же дурак полезет в такую финансовую кабалу?

Ну, допустим, даже полезет. А где купить доски, кирпич, бензин, солярку, толь, гвозди, шифер, пленку, молодняк, семена? Негде! По фондам-карточкам отдельной строкой («для фермеров») стройматериалы, техника, топливо, молодняк не идут — ни из центра в области и республики, ни в районы. Государственные подачки предназначены в первую очередь колхозам и совхозам. А к единоличнику в разных распределительно-снабженческих конторах подход один: «Я тебе могу дать... Но что ты мне дашь? Что ты мне дашь, чтобы я тебе дал?» Фермеры чешут за ухом и матерятся, когда вслух, когда про себя. У них нет ничего ни для взятки, ни для «бартера».

Союзная власть, пообещав землю и волю, вынуждает мужика играть на проигрыш. Неизбежный. Это опять война на уничтожение деревенского собственника. Даже человек весьма умеренных взглядов, председатель Якшур-Бодьинского райисполкома Вахрушев, задал мне вопрос на засыпку: «Что там, в Кремле, совсем перевелись умные люди?» И продолжил: «Цены на промышленную продукцию растут, возвращать селу долги никто не собирается, посадили на голодный паек и колхозника, и фермера, бьют их по голове... В то же время «КамАЗы» продаем буржуям за пшеницу. Да у нас этот «КамАЗ», который мы днем с огнем ищем — не найдем, летом 800 тонн зерна произведет! Нет, перевелись в Кремле умные люди».

Худо, все очень худо. Все сыплется, не хочет вставать на ноги, валится на бок. Может, конечно, показаться, что мы не хотим, не умеем, боимся поставить человека перед выбором: выжить, разбогатеть или подтянуть поясок. Что наше государство предпочитает каждому из нас дать хоть по кусочку и остаться в роли доброй мамы для всех нас, грешных, вместо того чтобы брать налоги со здоровых и обеспеченных людей, а подкармливать только больных и бедных.

Но корень зла гораздо глубже, ветвистее и мощнее. Разрешительно-запретительная благотворительность нашего государства — принцип, базирующийся на общественной собственности и монополии на власть. Государство лелеет классовые представления о равенстве, пестует доктрину о планировании экономического процесса. И у многих людей возникает простая мысль о непереводимости нашей системы в другое состояние.

На пути преобразования деревни и всей нашей жизни глыбой встает проблема перехода. Превращения. Перерождения в рыночников, собственников, коммерсантов, купцов, фермеров, предпринимателей, богатых и бедных. В деревне один станет дельцом и крепким хозяином, а девять других должны возиться на своих тридцати сотках и, если они не хотят работать в колхозе, готовиться идти в наем к кулаку.

Невыносимая мысль? Но что поделать с объективными экономическими законами?! Отменить, а тем более переделать их невозможно, как законы природы. Это мы доказали всей своей советской историей.

Еще Чаянов, изучив динамику развития деревни, пришел к выводу, что наличие бедняков, середняков и кулаков отражает не классовую градацию, а фазы в развитии одной и той же семьи. Молодая пара начинает жизнь, естественно, как бедняцкая, потом появляются дети, хозяйство крепнет и становится середняцким, наконец, дети выросли, поженились, семья получила наделы на новые души, трудом пробивается к достатку, потом дети выделяются — и из большой кулацкой семьи возникают новые, бедняцкие. Это типичный цикл крестьянской жизни, три категории ее, в которых, как в трех соснах, заблудились теоретики.

Сейчас отечественный фермер пытается сделать аграрный паровоз, который может увезти нас навсегда от пустых магазинов. Но государство не хочет класть для него рельсы. Наиболее смелые и предприимчивые люди всетаки делают отчаянную попытку проложить эти рельсы самостоятельно.

...Совсем мне испортил настроение в Удмуртии ведущий технолог местного объединения мясной промышленности Владимир Реутский. Он рассказал: «Наши предприятия в Ижевске ежедневно производят 60 тонн колбасы. Могут дать и больше. Но у нас в городе ввели талоны — по 800 граммов колбасы в месяц на человека. И продукция сейчас просто не нужна, она портится, ее девать некуда. Слишком много ее... Во даем! Жрать нечего, на талонах сидим, а колбасу девать некуда. Во даем! Нет, все-таки «масла» у нас маловато». И он выразительно покрутил пальцем у виска.

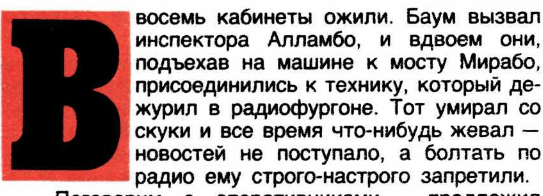
Действительно, с «маслом» у нас худо.

Удмуртия

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО ДЕТЕКТИВА

БЕСЫ В ПАРИЖЕ

В восемь кабинеты ожили. Баум вызвал инспектора Алламбо, и вдвоем они, подъехав на машине к мосту Мирабо, присоединились к технику, который дежурил в радиофургоне. Тот умирал со скуки и все время что-нибудь жевал — новостей не поступало, а болтать по радио ему строго-настрого запретили.

— Поговорим с оперативниками,— предложил Баум,— вызови-ка инспектора Шарко.

Инспектор как раз совершал утренний обход, ничего интересного он не заметил.

— Пожалуй, надо и с остальными побеседовать,— решил Баум.— Присылай их ко мне по одному с интервалом в двадцать минут. Поднимем им настроение.

Все утро ушло на короткие и безрезультатные интервью. В одиннадцать Баум закончил беседу с сержантом — одним из тех, что изображали прохожих, и повернулся к Алламбо:

— Пусто, а?

Алламбо только вздохнул — он никогда не видел старика настроенным столь пессимистически, неуверенным в себе. Все это бесполезная трата времени и сил...

Пока они обменивались впечатлениями, по вызову дежурного явились Люк и Шанталь. Парочка скромно жалась в дверях, уважительно внимая беседе старших. Баум, казалось, их не замечал.

— Может, мы вообще на ложном пути — Мария-Луиза вовсе не хозяйка явки, а эта блондинка, она где-то здесь живет, встречается же группа вообще в другом конце Парижа...

— Если это так, то блондинка — наша единственная зацепка.

— Хотел бы я знать, кто тогда Ингрид,— сказал Баум. Тут он заметил, наконец, Люка и Шанталь. — Ага, еще двое. Ну, что скажете?

— Ничего, шеф, все спокойно.

— Может, у вас идеи какие-нибудь появились?

— Да нет...

— А у вас, барышня? Как насчет женской интуиции?

Шанталь улыбнулась, продемонстрировав свои знаменитые ямочки.

— Извините, шеф, вы сказали, что интересуетесь женщиной по имени Мария-Луиза. Насчет женщины не знаю, но тут неподалеку причалена лодка, которая так называется — «Мария-Луиза»...

Она взглянула на Баума робко, будто ожидая, что ей велят замолчать и не лезть со всякой чепухой. А вместо этого Баум минуту смотрел на нее молча, потом вдруг лицо его просияло и он с силой ударил пухлым кулаком по ладони.

— Алламбо! — заорал он.— Слыхал? Слыхал, что эта милая барышня нам преподнесла? Лодка, лодка! — вот какая это Мария-Луиза! Алламбо, дружище, мы их накрыли!

Он вскочил, заключил тоненькую Шанталь в объятия и запечатлел на ее лбу поцелуй.

— Вы не только красавица,— объявил он.— Вы еще и умница! Ну а ты-то? — обернулся он к Люку.— Ты эту лодку видел?

— Видел.

— Так учись вот у нее. Я и сам получил урок. Все стало на свои места: мы же в порту, тут стоят разные суда, многие названы женскими именами. Только намек — и все ясно. Мы-то строили схему просто,— обратился он к Алламбо,— но чуть дальше заглянуть не сообразили. Ты же был прав, ты заметил, что Марию-Луизу Хаан назвал, когда его спрашивали насчет явки. А я-то, дурак, не придал этому значения! Ну, спасибо, дети мои. Теперь ступайте, мы еще поговорим, когда дело сделаем...

Парочка удалилась.

— Теперь нет времени расставлять силки,— сказал Баум.— Мы и так уж столько времени убили на всякую чепуху. Подготовим как следует облаву — и вперед! Поймаем кого — отлично, а не поймаем — нам и лодки хватит, постараемся добыть с ее помощью побольше данных. Рисковать больше нельзя.

Целый час они потратили на разработку детального плана операции. Алламбо позвонил приятелю, работавшему в таможне, и договорился, что тот предоставит в их распоряжение таможенный баркас. Инспектор Шарко был вызван снова и получил новые инструкции, как расставить людей поблизости от «Марии-Луизы». Алламбо лично прогулялся по набережной, где она была пришвартована, и прикинул, как штурмовать судно и сколько для этого понадобится народу.

Одного из оперативников послали в ратушу пятнадцатого округа, а оттуда к начальнику отдела регистрации домой. Тот с великим неудовольствием согласился пойти в субботний день на службу, открыть свой кабинет и порыться в картотеках, чтобы установить, кто числится владельцем «Марии-Луизы». Около часа дня посланец вернулся и выложил Бауму добытые сведения — он ожидал похвалы, однако Баум, всегда внимательный к такого рода тонкостям, на сей раз даже «спасибо» не сказал. Прочитав имя владельца «Марии-Луизы», записанное инспектором в блокноте, он только протяжно свистнул и обратился к Алламбо:

— Лодка-то наша, а?! Знаешь, кто ее хозяин? Бернар Пеллерен. Слыхал это имя?

— Пеллерен — фамилия известная. А Бернар — это кто?

— Сын этого известного. Сынок Амбруаза Пеллерена, уважаемого нашего министра обороны. Сие означает, дорогой мой Алламбо, что все наши планы насчет лодки напрасны и ничего мы не добьемся. Этот Бернар недурно выбрал себе папашу. Пожалуй, Ассар на сегодня остался без работы.

Около одиннадцати двое рабочих не спеша прошли через распахнутые ворота на строительную площадку возле перекрестка Рон Пуан на Елисейских полях. Работа тут кипела, и никто пришедшими не заинтересовался. Они тащили вдвоем что-то вроде связки пластиковых труб. Проницательный человек мог бы полюбопытствовать, зачем понадобились трубы на данной стадии строительства — когда кран только что установили. Но кругом все были заняты и с нетерпением ожидали полуденного сигнала, который возвестит свободу до понедельника. Так что эти двое незамеченными прошли сквозь целый лес опор, на которых держался недавно уложенный пол нижнего этажа, и, спрятав свою ношу за грудой щебня, накрыли ее куском брезента да еще присыпали сверху песком.

Ингрид снова изменила внешность: свободный пиджак и широкие брюки скрадывали ее грудь и бедра, ни одна прядь не выбивалась из-под берета, и она вполне могла сойти в таком виде за парнишку.

Они спрятались в подвале, где со временем должен был быть оборудован подземный гараж, и приготовились ждать — в полдень стройплощадку закроют.

— Помимо всего прочего, нам понадобятся рыболовные снасти, два набора,— заявил Баум. Было уже около часа пополудни, он все еще сидел в фургоне с Алламбо и Шарко, уточняя планы. Шарко усмехнулся:

— У меня дома есть, только я живу далеко.

— Ну так найди кого-нибудь, кто живет поблизости и согласится нам одолжить две удочки, а нет у него — пусть у соседей попросит. Господи, да в нашем отделе все рыболовы, кроме меня: неужели трудно пару удочек раздобыть?

Это дело поручили сержанту, охранявшему фургон, и наказали без означенных предметов не возвращаться.

— Фото Бернара Пеллерена готово? — Баум уже распорядился, чтобы размножили полицейский снимок молодого человека, который, как он точно знал, имелся в досье его папаши. Будучи еще студентом в Безансоне, молодой человек состоял некоторое время в одной троцкистской группировке, чем и привлек внимание полиции. Правда, никаких сведений о том, как с тех пор изменились его политические взгляды, папашино досье не содержало.

— Наверно, уже везут сюда.

— Надеюсь. Проверим все еще раз.

Алламбо набросал от руки план набережной и причалов и разложил его на хлипком столике.

— Таможенный баркас с четырьмя нашими сотрудниками ровно в три подойдет к борту «Марии-Луизы». К этому времени еще двое пусть подойдут туда с разных сторон по набережной. И еще двое пусть сидят поблизости, будто рыбу удят, вот зачем удочки нужны, ясно? Вопросы есть?

— Как насчет подкрепления? — осведомился Шарко.— На случай, если встретим сопротивление.

— Расставьте людей на соседних улицах так, чтобы в случае надобности их сразу вызвать. На набережной не должно быть много народу — по субботам тут всегда пусто, так мне сказали.

— Насчет оружия — применять его можно?

— Пусть у всех оружие будет, но применять только в случае особой надобности. Повторяю: особой.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11—20.

Разрешаю также взять с собой один автомат. Кого бы ни задержали — они нужны живыми. Но, с другой стороны, и терять своих людей больше не хочу, ясно?

Всем это было ясно, и обсуждение продолжалось. Фото Бернара Пеллерена, он же Бруно, раздали всем участникам предстоящей операции. Сразу после обеда принесли две удочки — сержант, которому поручили их раздобыть, на все вопросы только загадочно улыбался и отвечал, что сотворил их из воздуха. Через полчаса на берегу уже сидели двое рыбаков — «сотворить» наживку сержант не догадался, так что никакого спортивного интереса у них не было. Вскоре показался таможенный баркас, он медленно приближался, люди на баркасе держали связь по радио с теми, кто находился в автофургоне.

В 14.55 инспектор Шарко, одетый будто для послеобеденной прогулки, спустился с моста Мирабо и небрежной походкой направился туда, где стояла «Мария-Луиза». Минуту спустя другой сотрудник сошел на набережную с моста Гренель и остановился у парапета, глядя на воду. У него с собой была брезентовая сумка. Заметив баркас, медленно идущий слева против течения, он взглянул на часы и, перехватив сумку в другую руку, торопливо зашагал к лодочным причалам. Навстречу ему двигался Шарко. Их разделяло всего метров двадцать, когда баркас начал разворачиваться к берегу. Двое рыболовов на набережной, забыв об удочках, тоже наблюдали за ним. Оба одновременно взглянули на часы — без одной минуты три!

Шарко и тот, что шел ему навстречу, сошлись как раз напротив «Марии-Луизы». Один из рыбаков вытащил из кармана передатчик и коротко что-то сказал. Потом оба быстро поднялись — баркас к тому времени описал длинную дугу и находился метрах в десяти от «Марии-Луизы».

Мгновенно все четверо оказались у трапа. Тот, что был с сумкой, выхватил из нее автомат — сумка так и осталась лежать на асфальте. Все четверо бросились на судно, впереди человек с автоматом, замыкающим Шарко. На борту их встретила наглухо запертая дверь, ведущая в нижнее помещение. У «рыбаков» среди их снаряжения оказалось по ломику.

— Тут никого,— сказал Шарко в свой передатчик.— Взламываем дверь. Следите, чтобы наша частота была свободна.

— Слышим вас. Желаем удачи.

Оба ломика вместе подсунули как рычаг под замок, он подался с громким треском, а когда стали выбивать тяжелыми ударами дверь, замок сам вылетел из петель. Через полторы минуты оперативники были уже в салоне.

— Мы внутри. Дверь взломана, ловушку тут уже не поставишь. На тот случай, если хозяин или гости вздумают вернуться, кто там снаружи, будьте начеку, не прозевайте их.

— Вас слышу. Приступайте к обыску. Хоть всю лодку на части разберите, но данные добудьте.

Обыск длился минут сорок, но уже через пять минут салон выглядел как после стихийного бедствия. Ни одной книги не осталось на полке — их перелистывали и швыряли на пол. Каждый ящик выдвинули и опустошили, взрезали обивку мебели, подняли ковры, вытряхнули на пол пакеты с едой. Разломали обшивку палубы и шарили под ней, в трюмной стоялой воде. Пооткрывали все цистерны и баки и на скорую руку проверили с помощью катетеров их содержимое.

Прибыли Баум и Алламбо и приняли личное участие в обыске.

— Искать надо всякие мелочи,— напомнил Баум,— записки, пометки, карты, удостоверения, словом, бумажки. Если попадется что-то посерьезнее, будем считать это премией за наше рвение. Но насчет ружей и бомб пока забудьте — мне важнее информация.

Рисунки Вячеслава ЛОСЕВА

— Да вот же карта Парижа,— сказал один из «рыболовов».— На столе лежит, никто ее не трогал.

Через минуту Шарко протянул Бауму два листка из блокнота:

— Гляньте-ка, я их из рубашки вытряхнул, которая в шкафу висела. Может, что важное?

Выглянув в иллюминатор, Баум заметил, что с баркаса подают сигналы.

— Из двух соседних иллюминаторов протянуты вниз какие-то веревки,— прокричали оттуда.— Уходят под ватерлинию...

Веревки подтянули — они, оказалось, поддерживают на небольшой глубине металлические контейнеры. Вскрыв крышки, обнаружили в контейнерах автоматы, снаряжение к ним и шесть ручных гранат.

Баум не проявил к находке особого интереса.

— Я же сказал — это вроде премии. Находка для газетчиков, только и всего.— Он разглядывал листки, поднося их близко к глазам,— какие-то названия, написанные подряд, мелко, сокращенно, больше ничего. Но против некоторых значились галочки, поставленные явно другими чернилами.

— Убей меня Бог, это же перечень мишеней! — ахнул он.— Смотри-ка, Алламбо, вот телецентр — галочка. Вот отделение банка «Америкен Экспресс» — тоже помечено. Отделение «Французского банка» — пометки нет пока, это удовольствие — бомба — им только еще предстоит!

Он разложил карту на столе и склонился над ней, не обращая внимания на грохот и падение разных предметов за спиной,— обыск был в разгаре. Потом встал, поднес карту к свету, наклоняя ее так и этак, попытался разглядеть что-то в неверном, меняющемся свете.

— По-моему, тут были карандашные пометы, только их стерли. Надо в лаборатории проверить, у них есть для этого новое оборудование. Дежурит там сегодня кто-нибудь?

— Сейчас узнаю.

В лаборатории, как выяснилось, дежурства не было, но за техником послали: придется ему прервать свой отдых и прибыть на улицу Соссэ как можно скорей, ничего не поделаешь, служба такая.

Минут через сорок после того, как Баум и Алламбо ушли с «Марии-Луизы», на набережной появился Бруно. Только ступив на сходни своей лодки, он заметил незнакомца, ожидающего его на борту, а за его спиной выбитую дверь. Бруно был невооружен, он бросился назад, но с обеих сторон по набережной к нему побежали какие-то люди. Заколебавшись на миг, он прыгнул в грязную, взбаламученную воду и поплыл, огибая лодку и держась по течению. Баркас преградил ему путь: его втащили на палубу, с него текло и шел противный запах тухлой воды.

В пятницу отчет парижского резидента ЦРУ поступил в штаб-квартиру ЦРУ в Ленгли и лег на стол адмиралу Брубеку. Соответствующим образом обработанные, чтобы усилить общее впечатление, выдержки из него были направлены советнику по безопасности в Белом доме, во французский отдел госдепартамента и в казначейство Соединенных Штатов. Тон отчета и так-то был весьма мрачен. В обработанном виде — когда его подготовили специально для чтения высокопоставленными лицами — он стал еще мрачнее. Автор убежден, что приближающиеся выборы ввергнут Францию в катастрофу, предвидит усиление кампании террора и даже берет на себя смелость предсказать эксцессы на предстоящем параде в память генерала де Голля. В департаментах американского правительства все негодовали по поводу вялости и инертности французских властей. Что касается казначейства, то фондовая биржа реагировала чутко: франк по отношению к доллару упал еще на двадцать сантимов. Стало быть, за три недели он потерял 18 процентов стоимости. Государственный секретарь, ссылаясь на самые свежие данные ЦРУ, высказал предположение, что было бы уместно приостановить переговоры о закупках французских военных самолетов, строящихся на заводе Дассо. Президент пригласил к себе адмирала, они долго разговаривали за коктейлем и вконец запугали друг друга. Пытались посоветоваться с доктором Киссинджером, но он отдыхал где-то в Новой Англии, и отыскать его не удалось.

ГЛАВА XVI

Ночной сторож, охранявший стройплощадку возле Елисейских полей, не раз жаловался, что объект охраны слишком велик для него одного, но все требования насчет напарника начальство решительно отвергало. На стройке воровали вовсю, как всегда бывает, но происходило это в дневные часы, когда деревянные конструкции, цемент и даже целые упаковки кирпичей можно было вывезти по подложным документам. Часто грузы поступали уже некомплектными или не соответствовали по весу накладным. По ночам же и по выходным стройматериалы надежно защищены тяжелыми деревянными воротами, на которых наклеены целых шестьдесят четыре плаката; всю ночь на столбах над площадкой ярко горят лампы дневного света.

Сторож — ему под семьдесят, к тому же он ковылял на протезе — обязан был трижды за ночь обойти всю территорию стройки. Но поскольку ходить ему было трудно, а контроля за ним никакого, он сократил число обходов до двух: один раз около десяти вечера, когда наступает темнота, и второй раз сразу после полуночи. Потом он спокойно спал в сторожке до семи — ему это было необходимо, он ухитрялся совмещать ночную работу с дневной, продавал билеты национальной лотереи в одной лавчонке.

В субботу, когда все разошлись, сторож обошел свои владения, повторил обход около десяти вечера и включил фонари. Серж и Ингрид слышали, как он тяжело топает у них над головами — в подвалы старик не заглядывал, туда пришлось бы спускаться по крутой лестнице, ему, с его протезом, это было не под силу.

— Надо его убрать,— предложила Ингрид.— А то придется сидеть здесь до завтра, и он может нас заметить, когда придет время действовать...

— Пустить в расход? Предоставь это мне,— согласился Серж. Он поднялся наверх. Старик еще не закончил свой обход, Серж увидел его в дальнем конце площадки.

— Эй,— окликнул он сторожа. Тот обернулся и остановился, поджидая, пока Серж подойдет.

— Какого черта ты тут болтаешься?

— Да все в порядке, дед, меня тут заперли, пока я спал. Выпустишь меня, а?

Старик заподозрил неладное:

— Почем я знаю, кто ты такой?

— Пошли к конторе, там светлее, я тебе удостоверение покажу.

Старик проворчал что-то, и они направились к конторе. Когда проходили мимо груды кирпичей, Серж нагнулся и незаметно подобрал один, тут же спрятав его за спину. Им предстояло пройти по будущему первому этажу — сюда почти не достигал наружный свет фонарей. Со всей силой Серж обрушил кирпич на голову старика и, когда тот повалился со стоном, еще раз ударил его по черепу. Сторож упал возле шахты, куда заливали цемент для фундамента. Яма была метров двенадцать глубиной. Серж подтащил свою жертву к самому краю и спихнул вниз — тело глухо ударилось о цементный пол.

— Все в порядке! — доложил он, вернувшись к Ингрид.— Ну и мягкий же у него череп оказался. Господи прости!

Они поужинали сандвичами, запив их кока-колой, и провели остаток ночи в сторожке.

— Я себя чувствую прямо как ребенок, которому отвалили здоровенную порцию мороженого,— пожаловался Баум.— Мороженое на солнце тает, по пальцам течет. Если его в рот сразу запихнуть, то подавишься, а если еще немного подержать — весь лакомый кусок на земле окажется. Вот что я испытываю по отношению к нашему драгоценному пленнику.

Он снова сидел в сумрачном кабинете Вавра и докладывал ему о том, что произошло,— был уже вечер субботы. Вавр с несчастным видом почесал затылок.

— Это мне подсовывают одну порцию мороженого за другой, и все слишком большие,— промолвил он, морщась.— А если выражаться попроще — все время меня втягивают в такие дела, которыми мне заниматься ну никак не хотелось бы. То документы появляются, которые кто-то выкрал из Комитета обороны, то какая-то компрометантная кассета. То связь обнаруживается между террористами и советским посольством. А теперь вот ты приволок прямо сюда сынка министра обороны. Ты, видать, мне смерти желаешь.

— Я приволок то, что нашел,— простодушно ответил Баум.— Если уж наша республика заваривает такую кашу, так кому-то приходится ее расхлебывать. Вот мы и расхлебываем. Я сам этому не рад.— Он позволил себе чуть-чуть улыбнуться.

— Ну и в каком он настроении, наш дорогой Бернар?

— Вот уж точно сын своего папаши. Излучает самоуважение и сознание собственной правоты. Ни на один вопрос не отвечает, что ему ни скажешь — свое твердит: буду говорить только в присутствии моего адвоката. Вот и все, чего мы от него добились.

— Больше, я думаю, ничего и не добьетесь. А нашему министру сообщили, кого поймали?

— Нет, это удовольствие предоставляется вам.

Вавр задвигался на стуле и потянулся за сигаретой.

— Выглядит это вот как. Допрашивать его — пустая трата драгоценного времени. Он соображает, что особо давить на него здесь не посмеют. Как только об аресте станет известно, его папочка всех на ноги поднимет: президента, премьер-министра, Маллара, еще кучу народу. Ради мира и спокойствия в правительстве нам скажут: выпустите его, забудьте эту историю и не мутите воду. Чем дольше мы его тут продержим в ожидании эдаких инструкций — а получим мы их наверняка,— тем больше неприятностей будем иметь. Так что я немедленно звоню нашему достопочтенному министру и угощаю его этим самым мороженым — пусть кушает.

С двух попыток Вавр дозвонился до министра внутренних дел и объяснил ему подробнейшим образом: сегодня во второй половине дня проведена облава в порту Жавель, обнаружены бомбы и другое оружие, при этом задержан, когда пытался убежать, вернее, уплыть, не кто иной, как сын министра обороны. Что с ним прикажете делать?

— Через пятнадцать минут я вам позвоню,— ответил министр с явным неудовольствием в голосе.

— Пойду-ка поработаю,— сказал Баум.— Буду у себя, позвоните мне тогда.

Ровно через пятнадцать минут у Вавра раздался звонок.

— Освободите Бернара Пеллерена под мою ответственность, возьмите только подписку о невыезде. Его отец, оказывается, уже все знает — интересно, от кого. Грозится, что подаст жалобу на ваш отдел за ущерб, причиненный имуществу его сына. Чем быстрее вы молодого человека выпустите, тем лучше для всех. И проследите, чтобы с ним хорошо обращались.

— Надо слушаться старших,— сказал Вавр Бауму по внутреннему телефону.— Плетью обуха не перешибешь.

Бернар, услышав, что свободен, но в понедельник должен явиться в ОТО сам, нисколько не удивился и попросил вызвать такси. Через десять минут его и след простыл.

Техника из лаборатории отыскали и привезли в отдел только около одиннадцати вечера. Он вошел, извиняясь за опоздание, будто и впрямь не имел права навестить в свой выходной тетушку в Ангиенне.

— Ничего, мой мальчик,— простил его Баум. Они все собрались в лаборатории возле нового прибора.

— Это просто источник света,— объяснил техник,— но очень мощный, луч поляризуется и направляется с большой точностью. Если вот таким образом его включить и направить на бумагу, он высветит любой, самый малый дефект, если где-то хоть прикоснулись к этой бумаге или писали что-то на листе, положенном сверху. Все будет видно.

Он нажал какие-то кнопки и принялся передвигать прибор, имевший вид толстого карандаша на электрическом шнуре, водя по карте во всех направлениях тонким, сильным лучом света.

— Вот наиболее вероятные места, где могут оказаться пометки.— Толстый палец Баума указал на улицу Ройяль и на Елисейские поля. Техник несколько минут работал в молчании, наконец сказал:

— Есть карандашная линия вдоль улицы Ройяль, она пересекает Конкорд и идет вверх по Елисейским полям.

— Ну, это понятно — так пойдут участники парада. А еще что-нибудь есть?

Техник отрицательно покачал головой. Он снова повел луч, начиная от церкви Мадлен по улице Ройяль, минуя площадь Конкорд, и теперь медленно приближался как раз к середине маршрута, к перекрестку Рон Пуан, за которым кончаются ряды великолепных домов по обеим сторонам улицы и начинаются сады и парки, к тому знаменитому месту, откуда туристы, дошедшие сюда от Триумфальной арки, обычно поворачивают обратно, и точно так же поступают проститутки.

— Будь повнимательнее вот тут.— Баум снова ткнул пальцем в Елисейские поля.— Это последняя надежда.

Луч двигался по южной стороне улицы вверх.

— Тут ничего,— сказал техник, доведя его до самого конца.— Теперь попробуем по другой стороне.

Медленно скользил блестящий пучок света, делая иногда зигзаг и расширяя таким образом пространство поисков, а люди в комнате притихли, будто их собственные жизни зависели от этого движения. Техник слегка покачивал головой — ему не верилось в удачу. Уж не везет, так во всем. Оторвали от семейного обеда, притащили в отдел — это за последние три недели, между прочим, уже четвертый раз. И если все впустую — что ж, одно к одному...

Луч скользнул через улицу Колизе и поехал вниз мимо последнего квартала домов перед перекрестком Рон Пуан. Вдруг техник свистнул и оттолкнул от себя карту. Луч в его руках замер. Потом он сильно тряхнул головой и, снова пододвинув карту, принял-

ся шарить лучом вдоль и поперек, наклоняя ее под разными углами.

— Тут что-то есть. Слабый очень знак, но есть.— Он уже гордился своим прибором, ему не терпелось отыскать едва заметную отметку и тем подтвердить его достоинства.

— Что за знак? — Склонившийся за его плечом Баум не различал ровно ничего.

— Крестик — это точно, подвигайте немного карту, держите прибор и двигайте его тоже...

Баум задвигал руками, остальные молча наблюдали. Внезапно он увидел тонюсенькие черточки, образующие крест, и следы резинки.

— Поймал! — воскликнул он.— Это как раз за последним домом, там, я точно помню, что-то строят, какое-то большое здание. С их точки зрения место самое подходящее.

Он повернулся к Алламбо, глаза его сияли.

— Все-таки удача нас не забыла, а? Теперь за работу — надо много чего успеть, времени в обрез. Во-первых, кто-то пусть прямо сейчас отправляется на Рон Пуан и оттуда сообщит, если заметит кого-то на стройплощадке.

Алламбо по внутреннему телефону отдал распоряжение.

— Отыщите номер телефона и позвоните прямо в контору стройки. Если ночной сторож ответит — это одно дело. А если не ответит — тут уж думать надо.

Алламбо пошел добывать номер и через несколько минут, найдя его, позвонил. На том конце провода кто-то снял и тут же снова положил трубку. На повторные звонки никто не отозвался.

— Похоже, телефон отсоединили,— предположил он.

— Отлично. Сочтем это косвенным доказательством того, что крестик поставлен на карте неспроста.

Наступила полночь. До утра им надо было подготовиться к операции, вызвать людей, объяснить им предстоящие задачи, изучить карты соседних улиц. В два Баум заявил, что намерен прогуляться, и направился под покровом теплой ночи вверх по Елисейским полям через парк к тому самому перекрестку. Несмотря на ночное время, здесь было людно: туристы — народ бессонный.

Полицейские уже прибывали сюда — ведь ожидался парад. Они группами стояли под деревьями возле перекрестка, поблизости он различил в темноте несколько полицейских автобусов. Пешие патрулировали по тротуарам. Префект нынче проявлял особую заботу о безопасности своих сограждан — был бдителен как никогда.

Баум постоял, разглядывая высоченный забор вокруг стройплощадки, пытаясь представить, каким образом из-за этого забора можно атаковать колонну людей, проходящую мимо, в сторону площади Конкорд. На тротуарах по обе стороны улицы в ожидании парада уже стояли грудами полосатые, белые с красным деревянные барьеры. Утром здесь вывесят временные дорожные знаки — уличный транспорт будет пущен в объезд. По ярко освещенной нарядной улице фланировала беспечная публика, в основном мужчины, поодиночке или группами. Они заигрывали с накрашенными девицами, те тоже гуляли по одной или парами. Сделки заключались прямо на широких тротуарах: едва заметный жест согласия или, наоборот, легкое покачивание головой — и героиня несостоявшегося романа проплывает себе дальше, может, на следующем углу повезет...

А Баум все прохаживался вдоль забора, не обращая внимания на девиц. Обошел стройплощадку кругом, прошелся по авеню Рузвельт. Входные ворота заперты. На противоположной стороне площадки, видимо, в помещении сторожа горит свет. Никаких других признаков жизни не заметно.

Подошел сотрудник ОТО:

— За забором все тихо, шеф.

— Скоро тебя сменим.

— Спасибо, шеф.

Баум не спеша вернулся на улицу Соссэ. У него в голове сложилась четкая картина завтрашних действий, он решил, что сейчас подтягивать к стройплощадке людей и технику было бы неразумно: те, кто за забором, могут заметить опасность и ускользнуть под покровом ночи.

У себя в кабинете он снова вместе с инспектором Алламбо и тремя другими принялся рассчитывать время, прикидывать, каким оружием лучше воспользоваться, как наладить связь с оперативниками и контроль хода операции. Начинать решили в 8.30 — за час сорок пять минут до того момента, когда мимо опасного места должны пройти колонны. В четыре он объявил, что собирается поспать, и посоветовал остальным сделать то же самое.

Улегшись на узкую постель в соседней комнате, Баум, к собственному удивлению, почувствовал, что, несмотря на все треволнения, засыпает, и действительно спал без просыпу до половины седьмого, разбудил его будильник. К семи помещение отдела наполнилось звуками: поспешные шаги, приветствия, клацанье металла — раздавали оружие и тут же проверяли, исправно ли оно. Внизу, в подземном гараже, стояли наготове несколько машин. Фургон с радиоаппаратурой тоже был готов, техники уже приступили к работе.

В 7.15 Баум позвонил Жоржу Вавру домой, извинился за ранний звонок, сообщил, что операция назначена на половину девятого, и подробно обрисовал место действия.

— Я нужен?

— Спасибо, думаю, это лишнее, в таком деле никогда не знаешь, как там выйдет.

— Все предусмотрели?

— Разумеется.

— Альфред, скажи мне только одно: ты сам-то на победу рассчитываешь?

— Безусловно.

— Ну, удачи тебе.

— Спасибо.— Баум повесил трубку и отхлебнул кофе из чашки, которую кто-то поставил перед ним на стол.

— В восемь двадцать выезжаем,— предупредил он Алламбо по внутреннему телефону.— Ты едешь со мной, наш пост в радиофургоне. Пересядем к ним там, на месте.

— Мне сейчас звонили оттуда: барьеры уже расставляют и полиции там чертова уйма. Может, префектуру предупредить?

— Не надо. Они только помешают. Пусть полиция занимается тем, чем ей положено.

Машина, в которой ехали Баум и Алламбо, до места добралась с трудом: все выезды на Елисейские поля уже были перекрыты полосатыми барьерами и полицейскими кордонами. Первые зрители целыми группами прибывали на метро и норовили перелезть через барьеры, чтобы занять места поближе к тротуару. Между тротуарами и мостовой тоже повсюду были барьеры, и полицейские уже начали выстраиваться вдоль всей улицы.

— Пошли пешком,— предложил Баум, когда их машину остановили в третий раз.— Тут близко.

Возле перекрестка Рон Пуан они увидели множество больших полицейских автобусов с пуленепробиваемыми стеклами, которые стояли бампер к бамперу, а рядом все было черно от полицейских мундиров. Тут же толклись здоровенные, медлительные на вид парни из частей специального назначения в высоких, до колен башмаках, черных форменных рубашках и черных шлемах. Они стояли вдоль тротуара двойной линией, а несколько их офицеров о чем-то совещались посреди улицы с полицейскими офицерами в парадной форме.

— Так-так, спецназ,— протянул Баум.— Интересно, с чего это вдруг?

Они были уже возле стройплощадки и тут в толпе заметили своих в штатском, которым в данный момент следовало находиться поближе к месту будущей операции. Однако полиция и спецназ никого туда не пропускали. Ситуация непредвиденная, оперативников надо срочно выручать.

Баум пробился к группе офицеров, его плотная фигура в помятом костюме составляла с ними разительный контраст, даже полицейские выглядели щеголями по сравнению с ним.

— Кто тут главный?

Высокий немолодой полковник спросил, не двинувшись с места:

— Кто вы такой?

Баум предъявил удостоверение, вытащив его из кармана:

— Заместитель начальника отдела территориальной охраны. С кем имею честь?

— Полковник Рок, войска специального назначения. Что вам угодно, господин Баум?

Баум жестом показал, что им следует отойти в сторону, и полковник Рок, невольно повинуясь авторитету, который угадывался в этом коротышке, сделал несколько шагов ему навстречу.

— Мы проводим свою операцию именно на этом месте, начиная с этого момента,— сказал Баум.— Дело касается государственной безопасности.

— Какое еще дело? Я не получил на ваш счет никаких инструкций.

— Не имею права вдаваться в подробности. Никаких инструкций и не требуется, вам предъявлено удостоверение — этого, господин полковник, вполне достаточно.

— А меня ваше удостоверение не интересует. Моя задача — контролировать эту территорию, вы вообще не имели права приводить сюда своих людей.

— Наша операция никакого отношения ни к вам, ни тем более к полиции не имеет. Так что, будьте добры, прикажите пропустить сотрудников контрразведки.

Полковник глянул на Баума с высоты своего великолепного роста, явно довольный этим преимуществом. У него были чрезвычайные полномочия, и он в толк не мог взять, как это с ним решаются спорить. Никого он через охраняемую территорию не пропустит. И пусть ни на какие власти не ссылаются — не поможет. Такой же приказ получил полицейский инспектор, который назначен охранять этот же участок. А на коротышку наплевать.

— Весьма сожалею,— сказал он.— Но я исполняю приказ. Приказано не пропускать никого. Вы, господин Баум, и ваши сотрудники не составляете исключения.

— Кто отдал приказ?

— Это вас не касается.

Глядя на тупую самодовольную физиономию, Баум с минуту размышлял, не сказать ли ему, в чем дело, но тут же передумал: этот тип или его коллега — полицейский офицер ввяжутся, захотят своими силами задержать злоумышленников, начнут настаивать. Можно представить, что из этого выйдет! Он повернулся и вместе с Алламбо пошел прочь.

— Кругом нас обошли: приказано наших сюда не пускать. Устроили прямо-таки укрепленный район, хотя никаких опасных митингов и всякого такого, как известно, не ожидается. Префект все предусмотрел: заботясь якобы о безопасности граждан, на самом деле обезопасил террористов.

— Откуда тут взялись части специального назначения?

— Их вызвал префект, и они ему подчиняются — так принято в подобных случаях.— Он остановился и поскреб в затылке: — Пошли, тут мы ничего не сделаем, где наш радиофургон?

Машина стояла неподалеку, полиция ее пока, слава Богу, не приметила. Баум позвонил в отдел.

— Свяжите меня с Руассе из префектуры,— попросил он.— Не кладу трубку.

Через минуту ему ответили: Руассе на параде, проверяет, как налажена охрана. Где именно он сейчас находится, неизвестно.

— Передайте, если он будет звонить, чтобы немедленно связался с нами.

Баум взглянул на часы. Без пяти девять. Через семьдесят пять минут на перекресток Рон Пуан вступят первые участники парада...

— Руассе необходимо отыскать,— сказал он.— Это единственная возможность пройти туда, куда нам надо. Ему охота занять свое место в истории — вот его шанс.

— А наш министр где?

— Уже на параде. От остальных никакого проку. Только Руассе может помочь. Направь людей отсюда и из отдела, кто там найдется, пусть ищут его по всему маршруту, начиная от Триумфальной арки. Пусть свяжется со мной или, еще лучше, придет сюда сам. Не позже десяти. Понятно?

Толпа на Елисейских полях росла. Время от времени полицейский на мотоцикле проносился по пустой мостовой, выделывая разные фигуры, будто радуясь собственному перевоплощению: вооружен, моторизован, весь затянут в кожаные доспехи — олицетворенная власть. Ниже по улице полиция разрешила продавцам воды и мороженого зайти за барьеры — торговля пока шла вяло, но позже наверняка оживится. Толпа была настроена весело и каждый раз встречала лихого мотоциклиста насмешливыми выкриками. Парад был посвящен памяти генерала де Голля, но не только: отмечали еще дату входа генерала в освобожденный Париж 25 августа 1944 года, а уж к этому событию чувствуют себя причастными все. Празднование специально передвинули на выходные дни, чтобы в нем могло участвовать как можно больше парижан. Левые чувствовали, что голлисты слишком уж тянут одеяло на себя, но даже коммунисты гордятся славным прошлым, так что пусть все идет своим чередом.

Вот почему тут же на улице продавался — и хорошо шел — воскресный выпуск «Юманите». На первой странице — крупный заголовок «Когда же будет покончено с террором?». Под ним — статья Армана Сейнака: он выспренне провозглашал свои республиканские принципы и наносил точно рассчитанные уколы правительству по поводу того, что организаторы взрывов до сих пор все до одного гуляют на свободе.

На шестой странице среди вороха полицейских новостей помещалась заметка о том что возле лесной дороги, ведущей в Фонтенбло, обнаружен труп мужчины, пока неопознанный. Полиция полагает, что убийство совершено около двух недель назад. Согласно полицейской версии это результат сведения счетов между преступными группами, возможно, действовал наемный убийца.

Перевела с английского Элла НИКОЛЬСКАЯ.

Окончание следует.

КАК ОБЪЕГОРИТЬ ДЕРЖАВУ

Этот вопрос всегда стоял перед советскими людьми... Когда «недоносительство» или вслух проявленное недовольство считалось предательством интересов Родины, когда каждый шаг обывателя обставлялся множеством инструкций и предписаний — человек не мог жить, чего-то не нарушая. Мы настолько привыкли ко всякого рода нарушениям на бытовом уровне, что уже и не замечаем их.

Но в последнее время у многих из нас появилась необходимость ловчить и «химичить» на производстве. И тут же, откликаясь на эти потребности, киевская фирма «Доверие» поместила в газетах объявление о продаже книги под названием: «Налоги — как их избегают». Всего за 23 рубля с полтиной каждый может купить брошюрку-инструкцию на 100 страниц и, как сказано в газетном объявлении, «избавиться от налогов». Руководствуясь этими советами брошюрки, говорится далее, «малые предприятия, акционерные фирмы и кооперативы, «индивидуалы» и частные лица сводят свои налоговые платежи до минимума, переводят безналичные деньги в наличные...»

Что с нами, граждане?

Представьте себе публичную распродажу инструкций для алиментщиков: «Как избежать выплат на детей, покинутых вами». Думаю, что многие возмутятся. Как же, мол, так, разве не стыдно обманывать детей!

Стыдно.

А государство?

Не стыдно. Во всяком случае, наше государство.

Я не говорю о каких-то криминальных деяниях. Там сдерживает страх. Но «Доверие» в своем объявлении обещает советы вне уголовщины, оно использует «несовершенство» законодательства и «неповоротливость государственного механизма».

Только обман есть обман, как ни крути. Это правда одна, а у лжи сто личин. В русской сказке мужик делил с медведем урожай репы на вершки и корешки. Все условия договора он выполнил, но от этого сделка не стала честной. А народ восхищается мужиком. Ведь не соседа он обманул — медведя.

Вот и к родному государству наш народ относится, как к медведю, почитая едва ли не доблестью объегорить его... Не журналисту, конечно, распутывать узел экономических проблем, которые удушают наше хозяйство. Но есть атмосфера, есть тот питательный бульон, где размножаются и благоденствуют химеры нашей экономики: это всеобщее недоверие к державным структурам и их руководителям. Если говорить честно: недоверие вполне оправданное. На памяти послевоенных поколений ни один план, ни одна программа «партии и правительства» так и не были выполнены, зато слухи, всякие пророчества вражеских голосов сбывались довольно часто.

Поэтому всю поэзию наших законов, больше похожих на лозунги, весь пафос инструкций и предписаний народ научился переводить на жесткий язык лагерной прозы. О какой «народной инициативе», о какой «мотивации дополнительных усилий в труде» можно говорить, если все, что уходит государству, считается безнадежно потерянным. Недоплатил — молодец, утаил — значит, сберег. Лучшие умы работают над тем, как бы занизить план, чтобы увеличился процент выполнения, как «накрутить» цену, чтобы неизменно росли валовые показатели. И эти усилия дают значительно больший эффект, чем прилежная работа.

Находится, конечно, Иванушка-дурачок, который возьмется вдруг «давать стране угля». А у него лишнюю прибыль — трах! — и перераспределили; абалкинским налогом за рост зарплаты наказали, а тут подоспели возросший расход дров да износ лопат плюс к ним «президентский» налог... И начинает дурачок умнеть — договорные цены наращивать. Но его тут же предельным уровнем рентабельности по рукам!

А, человек деловой, он не станет спешить на призывы, он законы рассматривает со всех сторон: где лучше обойти. Ограничили банки выдачу наличных — не буду спешить сдавать выручку, двадцать три десятка тысяч рублей проведу по кассе; заморозили средний уровень зарплаты — оформлю на работу два десятка одноразовых сотрудников, тех, которые приходят на работу раз в месяц, чтобы получить деньги. Получают, конечно, мизер, но охотно: ведь ни за что. А на их фоне тем, кто работает, кто нужен, можно выписать на всю катушку... и уложиться в средний уровень. И прогрессивный налог (очень прогрессивный) на зарплату обходят. Если человек заработал три — пять тысяч за месяц, он не станет отдавать половину в виде налога, а распишет эти деньги на жену, тещу, парализованную бабушку...

Вообще, если есть на счету заработанные деньги, находят и массу способов «скачать» их.

Правда, в последние месяцы руководство страны начало «доставать» деловых людей оригинальностью и непредсказуемостью своих действий. Законы устанавливаются на год, даже на несколько недель. Впервые деловые люди начали отступать, сворачивать производство, чтобы лишь сохранить наработанные связи, передержать ресурсы и созданные структуры до очередной смены правительства. Это Остап Бендер мог снять с шахматной доски чужую фигуру, сказав, что ее там не было. Но когда по таким «правилам» игры поступают государственные руководители, хозяйничая в кошельках предприятий и частных лиц, то даже в Васюках начинают понимать, как их надувают. И в ответ сами начинают ловчить.

Конечно, каждое явление, даже если оно приобретает глобальный характер, на разных уровнях и проявляется поразному. Если, скажем, на строительство правительственной дачи расходуется на пару миллионов рублей больше, чем отпущено, это не считается воровством, а лишь превышением сметной стоимости. Нам много подобных дач показывают по телевизору, пишут о них в газетах, а прокурор сидит в парламенте рядом с хозяином дачи, и они вместе обсуждают законы, по которым нам жить.

А слесарь мясокомбината приспосабливает к животу под рубаху пару килограммов говяжьей печенки и не считает себя вором: лишь в худшем случае — «несуном».

Понятно, что даже миллиарды рублей, которые растаскиваются на высоком уровне, все равно значительно меньше того ущерба, который наносит стране всенародное растащительство. Но вот что интересно — одно с другим связано напрямую. Скажу больше: генеральская дача, показанная по телевизору, мраморно-хрустальный дворец высшей партийной школы рядом с развалюхами областной больницы или еще ближе — новенькое здание райкома среди утопающих в грязи бараков — все это срабатывает как пусковой механизм в действиях все того же слесаря и миллионов ему подобных. Эта наглядная агитация создает такой моральный (аморальный?) климат и такую нравственную (безнравственную?) атмосферу, в которой плутовство уже относится к положительным человеческим качествам.

При таком состоянии умов уже можно вполне официально брать деньги за науку перехитрить государство.

С. КАЛИНИЧЕВ,
собственный корреспондент «Огонька»

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ССПРКФВ

Наивные и иронические дети нового времени, мы пили из кофейников Прокофьева и Кафки.

Помнится, меня пригласили почитать стихи студенты и профессора Московской консерватории. В первом ряду партера опирался на палку Генрих Густавович Нейгауз, шевеля велюровыми усами и бровями. Несмотря на наше знакомство по пастернаковскому дому, я робел от его присутствия. Одна неверная нота — и он застучит палкой, затопает ногами, накричит...

Подошла юная Ирина Бочкова, тогда еще студентка.

«Что вам сыграть перед стихами?» — Она ждала ответа, наклонив набок голову, словно касаясь щекой скрипки.

«Прокофьева!»

«Я так и знала»...

В те годы мне открылась новизна Прокофьева, его I концерта, нерифмованной музыки, присутствием трех кубических апельсинов над снежной спячкой, гениальности в чистом виде, новой гармонии. Праздничной, плотской, внезапно открывшейся «новой простоты», преобразившей нашу прозу. Прокофьев — апокриф асфальта. Ирония его была остужена Вечностью.

Шесть раз, добыв билетик у колонн Большого, а то и на прорыв, столбенел я от его «Ромео и Джульетты», стиснутый на 2-м или 3-м ярусе поклонниками Улановой, ожидая конвульсивных тактов смерти Тибальда — страшный прокофьевский кайф. Тогда я вводил свободный стих в «Эрнста Неизвестного» и главы прозы в «Озу»; позднее, слушая речитативы прозы в «Игроке», я ощутил такую близость, будто для меня это было написано.

Интродукция его флейты предваряла мои вечера в театрах Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Мое юношеское ошеломление от новизны Прокофьева отразилось в двух видеомах, которые публикуются в этом номере.

Прокофьев — профессиональный гений.

Нейгауз считал, что в нем 90% музыканта, 10% человека, но эти 10% ценнее, «человечнее», чем у иного все 100%.

Подписывался он одними согласными — «ССПРКФВ». Гласные как бы выпаривались из него. В согласных иронически проблескивала аббревиатура концернов, а то и РСФСР. Великий шахматист, он как бы проигрывал всю партию в уме, а нам записывал лишь коронные ходы. Он доводил музыку до кристалла в операх и балетах ГННННГЛ, РМДЖ, ЛБКТРПЛСНМ, СМНКТК и ВНМР. Он довел музыку до режущего кристалла. Музыка его алмазна.

На днях, будучи в Якутии, я ломал себе голову над происхождением алмазов. Как из нашей тьмы, загазованных «МАЗами» котлованов, стона безысходного быта, мата от повышения цен, когда детский валеночек стоит 60 руб., из раздавленной судьбы открывательницы Ларисы Попугаевой, лжи, национального напряжения, развала породы — ну как из всей этой мглы рождаются октаэдры алмазов, зерна гармонии?

Алмазодобытчик в Мирном говорил мне, что алмаз выдерживает любую прессовую нагрузку, лишь вминается в любой пресс, но хрупок на боковой удар. Надо знать, где ударить.

Система знала, где ударить. Полуграмотный, труднопроизносимый волапюк Постановления — ПстнвлнЦК плжнвмзкфрмлзмсхзпрнцсцрлзмг 1948 гд — не нес никакого смысла, кроме смертельного бокового удара в сердце гения. Гигантская кофемолка перемалывала зерна гармонии в растворимый суррогат.

Сын его Олег вспоминает: «Идейные родственники убеждали отца поехать на Совещание, делали большие глаза: «Сам Жданов будет!» Я, мальчик тогда, понимал, что ему ходить туда не надо. «Жданов-подожданов»,— сказал я. Отцу это понравилось. Он обычно прислушивался ко мне. Но тут пошел».

Олег рассказывал мне это в своем лондонском двухэтажном доме на краю ночного поля, где живет он сейчас, московский художник, поэт, скульптор в горчичном свитере.

Его скульптуры из дерева — скрученные ленты — похожи на крашеные цепи деревянных велосипедов — сами куда-то едут, влекут.

Между тем мы припозднились, но он повел на цыпочках показывать спящих дочурок, свет разбудил их, он по-английски представил их гостю — одну лучезарно жмурящуюся, другую — буку, негодующую, что разбудили. Дверь закрылась. Внучки ССПРКФВ заснули. Им снятся сны из одних гласных.

Прощаясь, Олег написал мне на мемуарах отца, изданных «Синтаксисом»: «Лучший в мире дневник композитора». Воспоминания описывают краткий приезд в Россию в 1927 г. В изданных у нас дневниках этот приезд сжат до двух страничек. Здесь же целая книга, со всеми гласными — Большевизией, обалваниванием, с нашими радостью и тоской. Слог его точен, не зря он музицировал прозу. Почему он, все понимая, вернулся? Для того ли, чтобы быть «с моим народом там, где мой народ к несчастью был?» Пусть читатель прикоснется к этим страничкам жизни отечественного гения новой гармонии.

Случайно ли над распадом и политизацией нашего быта 1989, 90, 91 годов по-федоровски встают световые столбы столетий Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, Мельникова, Булгакова, Прокофьева?

Они плеядно родились в 1889, 90, 91-м. Мы учили, что это были года глухие, мгла, Победоносцев, совиные крыла, канун Ходынки. Но такими ли глухими оказались эти годы для истории, если именно они родили гениев будущего века? Года значимы не только тем, кого загубили, но и тем, кого родили.

Кто они? Что определят в культуре XXI века гениальные младенцы, родившиеся в 1991-м? Как повлияют на них наши пестициды?

Сергей ПРОКОФЬЕВ

ДНЕВНИК-27

20 января, четверг.

Приехали в Метрополь. Метрополь еще с самого начала советской революции был захвачен под советские учреждения и под жилища для ответственных работников, но недавно было решено, что выгоднее перевести их в другие места, а это здание вновь превратить в гостиницу. Выселять, однако, всех сразу в перегруженную Москву было не так легко, и потому сейчас пока очистили и вновь отделали под гостиницу один этаж, который и поступил в аренду немцам, взявшимся вести отельное дело. В верхних же этажах остались еще ответственные работники, и потому всюду была ужаснейшая грязь, за исключением, впрочем, нашего коридора, где отличный ковер, хорошая парикмахерская и вообще чистота.

21 января, пятница.

...По окончании репетиции, Пташка, я и Цейтлин отправились в правление Персимфанса, здесь же в консерватории, этажом ниже. «Правление Персимфанса» — звучит важно, но это небольшая комнатка, которая одновременно служит жилищем Цейтлину и его жене, спавшим за занавеской. После репетиции сюда набилось мильон народу, стульев же было всего два, столов тоже два, оба заваленные бумагами, беспрерывно трещал телефон, стоял гвалт — словно сумасшедший дом. Решив несколько мелких текущих вопросов, отправились с Цейтлиным завтракать в тот же ресторан на Пречистенском бульваре, куда водил вчера Цуккер.

После завтрака вместе с Цейтлиным шли по улице и он показывал нам магазины в Охотном ряду, где мы покупали икру, сыр и масло. Икры масса, на различные цены, магазины набиты битком — прямо не дождешься своего череда. Мы ничего не понимали: где же голодная Москва? Впрочем, сегодня покупателей было гораздо больше нормального, ввиду праздников: дня смерти Ленина и воскресенья.

— Вот видите,— торжествовал Цейтлин,— как у нас здесь хорошо! Слава Богу, что уехали из Парижа. В газетах пишут, что там прямо гробов не хватает.

Я изумился.

— Как гробов?

— Ну что вы, точно не из Парижа приехали! А инфлуэнца? Ведь в газетах пишут, что ежедневно столько умирает, что не знают, как хоронить.

В общем, в Москве так же талантливо врут на Париж, как в Париже — на Москву.

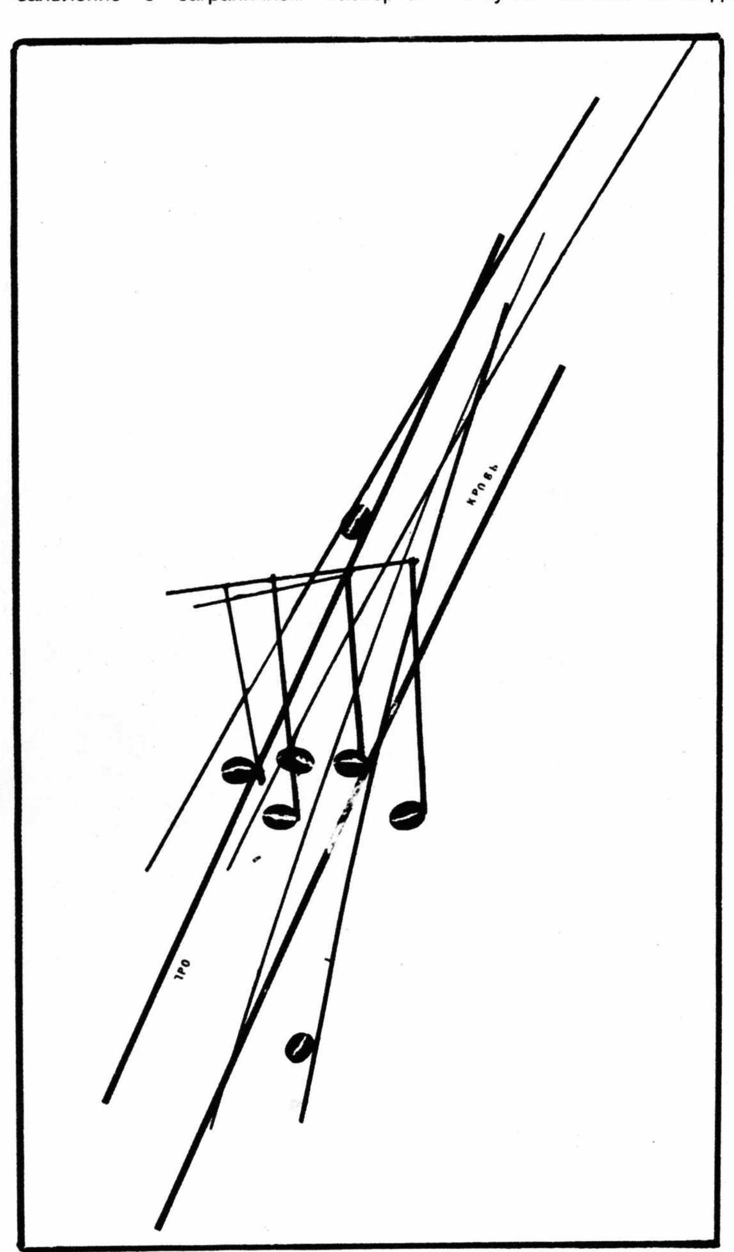
4 февраля, пятница.

Утром репетиция с оркестром, во время которой с меня производили кинематографическую съемку, слопавшую в конце концов четверть репетиции, ибо сначала снимали меня со всем Персимфансом, причем мы в это время что-то фальшиво играли. Затем снимали меня одного. Тут уже меня окружили со всех сторон ослепительными лампами, которые не только слепили, но даже грели, и заставили довольно долго играть что-нибудь, где особенно прыгают руки. Я выбрал для этого финал Четвертой сонаты, там, где гаммы перехватываются по очереди обеими руками, и разумеется врал отчаянно, сбиваемый шипящими лампами и вертящим съемщиком.

Потом я подумал: а ну, как эта лента сохранится для потомства и, пожелав узнать, как это исполнял свои вещи композитор, ее пустят замедленно. То-то ужас откроется тогда!

Затем с Цейтлиным ездили в Управление по заграничным паспортам. Тов. Гирин был по обыкновению галантен... Между делом, он сказал:

— А мы тут за вас должны были заступиться.— И объяснил, что в Вечерней Красной Газете появилась заметка о том, что Прокофьев просил вернуть ему советское подданство и ходатайство это было удовлетворено. Заметку эту я уже видел, и она мне очень не понравилась. Родилась же она, по-видимому, из того факта, что я подал заявление о заграничном паспорте.

Андрей Вознесенский. Видеом на тему «Смерть Тибальда» по балету С. Прокофьева «Ромео и Джульетта»

Я объяснил Гирину, что у меня даже были интервью на эту тему: мол, правда ли я ходатайствовал о советском подданстве, и что на это я ответил:

— Неправда, ходатайствовать было совершенно излишне, ибо как в 1918 году я уехал с советским документом, так и вернулся теперь с таковым же. О чем же мне ходатайствовать?

Гирин сказал:

— Совершенно правильно, и в этом же смысле мы послали опровержение в Вечернюю Красную Газету.

8 февраля, вторник.

Мелькнуло еще несколько лиц, затем приехал Цуккер. Я спросил, как дело Шурика, он ответил, что данная мною справка лежит у него на столе и что он все время помнит об этом деле, но то лицо, к которому надо обращаться, сейчас в отъезде и вернется дня через четыре. У меня начинает возникать сомнение, не старается ли Цуккер отвертеться от этой щекотливости.

Между тем Пташка все время укладывает вещи, торопимся и суетимся. Отельный посыльный представляет счет за утюжку брюк — 2 рубля. Я возмущаюсь и говорю, что это эксплуатация. Он говорит:

— Такой тариф.

Я:

— Таких цен не существует ни в одной стране, даже в Америке, и такой тариф не может существовать. Для того чтобы загладить брюки требуется 10 минут — значит портной зарабатывает 12 рублей в час. Тогда почему вся Москва не гладит брюки!

В дело вмешивается Цуккер, но посыльный ему дерзит. Цуккер чувствует себя до мозга костей коммунистом, т. е. офицером Л. Гв. Его величества, и заявляет, что подобное его поведение будет сообщено в Профсоюз и ему будет нагоняй. Не знаю, чем это кончается, но я за брюки не плачу и мы в таксомоторе выезжаем на вокзал, причем Цуккер нас провожает.

10 февраля, четверг.

...Вскоре зашел Асафьев и мы вместе отправились в Мариинский театр, Пташка и Асафьев сели в первые санки, я сзади них во вторые, торопя извозчика, так как времени оставалось в обрез. Мелькнули Казанская, Вознесенская, Офицерская — все это такие знакомые места. Вот консерватория, а вот и Мариинский театр, перекрашенный в темно-красный цвет наподобие того, как раньше был Зимний дворец. И хотя Зимний дворец я люблю темно-красным, все же мне жалко, что Мариинский театр расстался со своей прежней желтоватой окраской.

Мы подъезжаем прямо к секретариату, где нам предлагают сесть или в боковую ложу 1-го яруса или в партер, чтобы лучше все было видно. Я выбираю партер и секретарь проводит нас в 4-й ряд у среднего прохода. Я счастлив вновь увидеть любимый Мариинский театр, оглядываю его несколько раз, но Дранишников уже у пульта, свет погашен, и спектакль начинается, Пташка указывает мне на левую ложу и сцену: она заполнена трагиками, которые в этой постановке преподнесены как рецензенты. Комики появляются на авансцене, но пустоголовые вновь появляются из ложи бэль-этажа с правой стороны, отсюда любопытно воспринимается контрапункт: один голос в правое ухо, другой в левое. Когда появляется герольд, то он сам играет тромбоны — трюк, о котором меня уже с гордостью предупреждал Дранишников:

— У нас есть такие певцы, которые даже на тромбоне играть умеют.

А рядом с ним маленький мальчик, который вообще ничего не делает,— очень смешно.

Все эти маленькие выдумки, как-то сразу с необычайной остротой ввели меня в спектакль — видно было, что постановка была схвачена с увлечением и талантом.

Далее последовал ряд трюков и каждый из них меня веселил: тут и Труфальдино, которого зовут из залы, но который прилетает сверху сцены (кукла, моментально подменяемая человеком), тут и совершенно фантастический ад, разросшийся до подавляющих размеров, с куклами, плавающими и кричащими во всех этажах сцены, и маг Челий, забавно трактованный как елочный дед-мороз, и стол со спрятанной под ним Смеральдиной, который бегает за Леандром, чтобы лучше послушать его заговор с Клариче. Заклинание, которым кончается I акт поставлено всерьез, с нестерпимым мельканием зеркальных бликов на заклинающих, придающих им фантастический характер.

Во II акте, в сцене празднества, навешены трапеции, на которых сидит часть действующих лиц. Относительно этих трапеций я уже слышал два противоположных мнения: одни считают их замечательным изобретением, позволившим заполнить всю сцену до верху действующими лицами, другие же находят, что эти действующие лица, парализованные страхом свалиться, представляют собой жалкие фигуры. Я последнего, однако, не нашел и сцена мне понравилась. Драка уродов, однако, не удалась, как не удалась она во всех предыдущих постановках. Когда Труфальдино толкает Фату Моргана и она должна упасть, задравши ноги, то оказывается, что у нее под юбкой привязана вторая пара искусственных ног, которые она и вскидывает — эффект уморительный. Следующая, однако, за этим темнота как-то прерывает действие и я решаю, что эту темноту надо отменить. Чертенята во время заклинания Фаты (равно как и раньше, в инфернальной сцене) завывают в рупоры, согласно моей рекомендации, и это выходит хорошо и страшно...

15 февраля, вторник.

Когда третьего дня мы заседали в купе, то все они, Асафьев, Экскузович и Рапопорт ехали в Москву на важное заседание, относительно театральной политики — совещание, которое должно было, по существу, решить все последующее направление театральных репертуаров. Состоялось оно вчера, а сегодня за завтраком Асафьев с увлечением рассказывал о происшедшем.

Бой был между двумя лагерями: коммунистическим, желающим из театра сделать прежде всего орудие пропаганды («коль на рабочие деньги, так чтобы в пользу рабочему классу»), и театральным, желающим, чтобы театр прежде всего был театром, а не политической ареной («коль на деньги рабочих, то чтобы рабочим было интересно»).

Соль в том, что коммунистическую точку зрения защищали, разумеется, коммунисты, а театральную — некоммунисты, а может и антикоммунисты, а потому последних можно было в любой момент обвинить в контрреволюции и, следовательно, им надлежало быть очень осторожными и скромными.

Луначарский же, председательствовавший совещанием, предпочитал молчать: по положению он коммунист, но по вкусам эстет и театрал, а потому ему тоже надо было лавировать. Этим воспользовались присутствовавшие на совещании коммунисты и принялись громить театралов, резко и грубо, без всякой любви к театральному делу.

Тут поднялся Мейерхольд — с одной стороны, коммунист и почетный красноармеец, с другой стороны, яростный театрал. Он начал следующим образом:

— Товарищи, прежде всего попрошу вас не перебивать меня: я очень волнуюсь, только что выпил валериановых капель и за себя не ручаюсь. Помните, прошлый раз: когда меня перебивали, то что вышло?

(О том, что вышло в прошлый раз, Асафьев не знает, так как он отсутствовал, но, по-видимому, вышло что-то очень неприятное)

— Вы, товарищи коммунисты, по-видимому, плохо осведомлены о том, чего хотят товарищи рабочие.

(Мейерхольд роется в карманах и вытаскивает оттуда письмо)

— А вот обращение ко мне рабочих такого-то завода, у которых мы выступали.

(И он читает просьбу давать вещи драматические или комические, но никоим образом не назидательно-политические)

— Что же, товарищи коммунисты, вы хотите такие пьесы, чтобы рабочие перестали ходить к нам в театр? А если театры будут пустые, то коммунистическому правительству придется увеличить субсидии на поддержку их. А чьи деньги будете на это вы тратить? Рабоче-крестьянские, то есть заставите платить рабочих за пустой театр, вместо того чтобы они платили за наполненный, то есть доставляющий им удовольствие.

К концу своей речи Мейерхольд так раскричался, что получился скандал и объявили перерыв. Луначарский говорил, что он вообще мечтает уйти из наркомпроса, но украдкой хихикал себе в усы. Чем дело кончилось, Асафьев не знает, так как он уехал, но, во всяком случае, он говорит, что только Мейерхольд мог произнести такую сногсшибательную речь, ибо бояться ему нечего, так как посадить почетного красноармейца в тюрьму неудобно, а выслать за границу — так Мейерхольд отлично и за границей устроится, и потеряет лишь Москва...

5 марта, суббота.

...В Жизни Искусства против меня выпад: почему я наконец не открою своего лица и не скажу прямо о моем истинном отношении к советской власти. По-видимому, журналу очень не хотелось помещать этого выпада, но уклониться от помещения тоже было нельзя. Поэтому он оказался помещенным между чрезвычайно хвалебной статьей обо мне и статьей о Метнере, в которой сводится на сравнение со мной в мою пользу. Я сказал Мейерхольду:

— Послушайте, я должен выступить с ответным письмом на этот выпад!

Мейерхольд поморщился:

— Не стоит впутываться в эти мелочи. Сохраняйте олимпийское молчание...

А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. МУЗЫКА В ЗЕРНАХ, КОФЕМОЛКА И ТРИ АПЕЛЬСИНА.

Елена ЯЗЫКОВА

«А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА»

Когда я была маленькой, у меня была няня. Больше всего на свете я любила сидеть в ее комнатушке с клеенчатым ковром, по которому в таинственной лунной ночи с мерцающими дивными звездами плыли нарисованные лебеди, а на берегу усатый красавец обнимал розовощекую подругу. Няня учила меня шить платья для кукол и рассказывала мне сказки, в которых я всегда была королевной, и страшные истории про деревенскую соседку Надьку — по ночам она оборачивалась в кошку...

Бабушка возмущалась «малограмотными выдумками» няни, сажала меня рядом с собой в кресло, открывала старый альбом со стихами, рисунками и портретами прекрасных дам и благородных офицеров. И начинала свой бесконечный рассказ о давно ушедшей юности, которую я затаив дыхание переживала с ней вместе еще и еще.

А дедушка смотрел на все это со старой фотографии...

Теперь-то я выросла и стала совсем взрослой. Но до сих пор не научилась отличать фантазию от реальности. Я люблю и то и другое. И еще я люблю делать куклы. Это от желания потрогать невозможное. Я хочу видеть куклу, о которой я мечтала с детства — всю жизнь. Она будет двигаться под мою

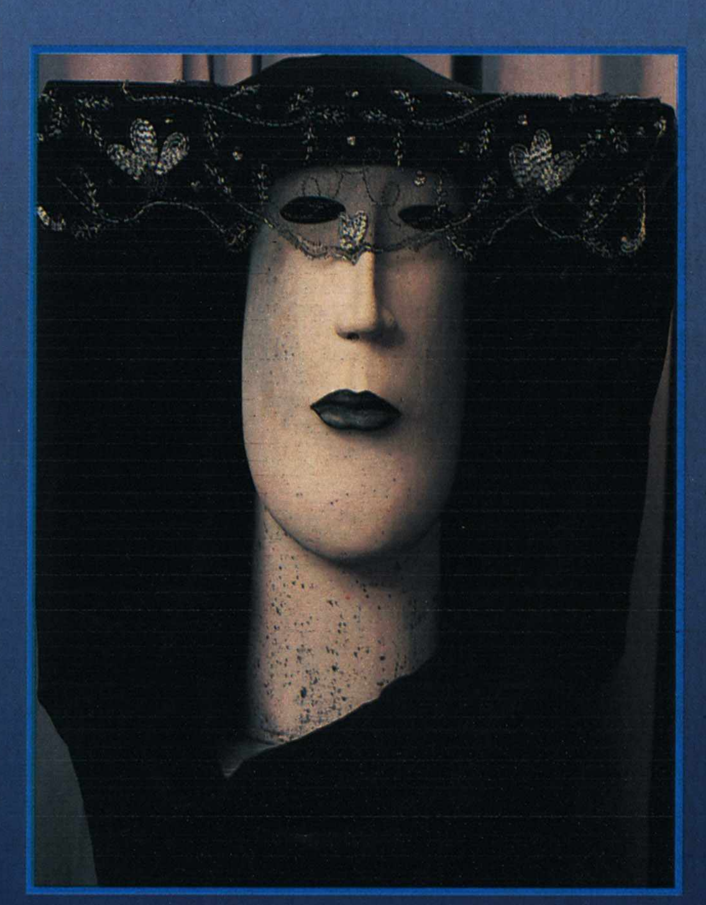
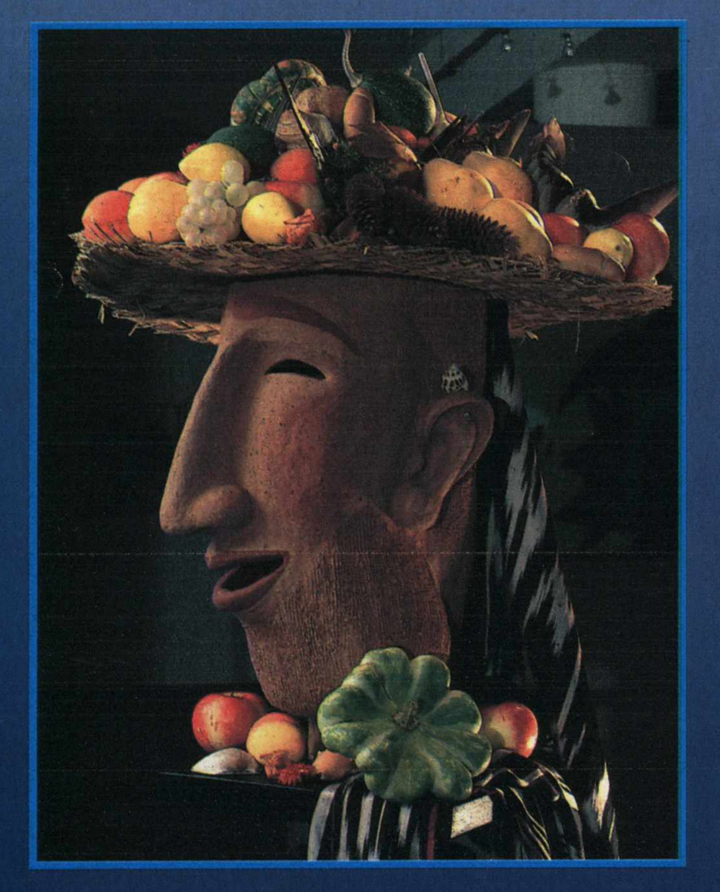

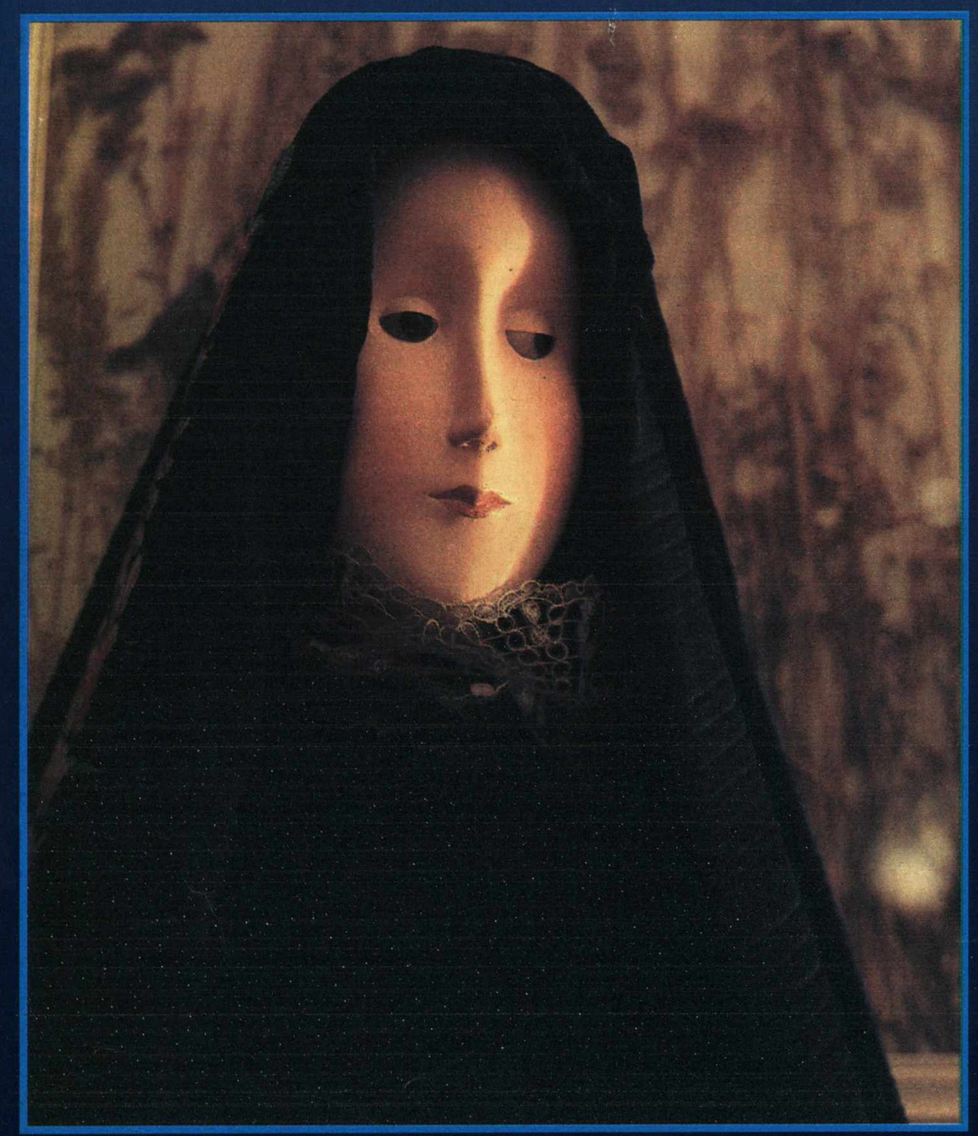

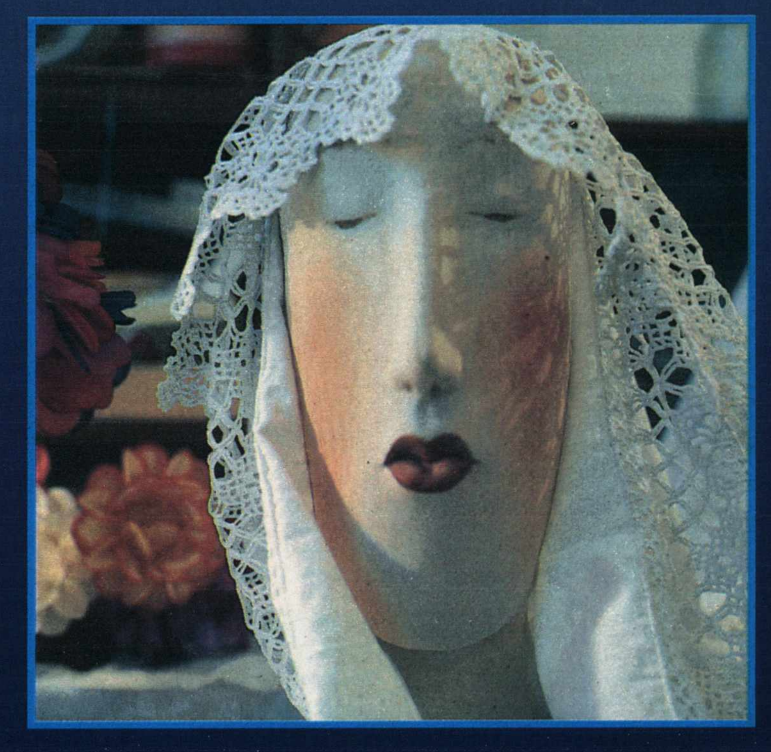

Фото А. КАЛМЫКОВА и В. ЕВСТИГНЕЕВА.

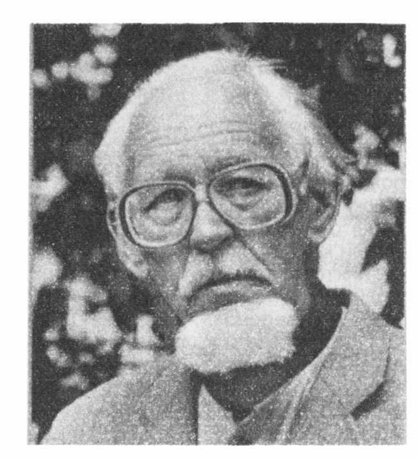

любимую мелодию, и платье на ней будет самое, ну самое красивое. У меня нет другого выхода, как сделать эту куклу себе самой.

А еще я мечтаю, чтобы мы, художники, наконец-то открыли свой общий дом. Мы даже название придумали — «Роза Азора». И место нашли — в Москве, у Никитских ворот. Там — честное слово! — мы реализуем все наши воспоминания о детских праздниках: хлопушках, воздушных шарах, обезьянках на резиночках. И обязательно — эскимо на палочке.

И там будут мои куклы.

Проза Валентина Ерашова в свое время должна была увидеть свет в «Новом мире» Твардовского, но не успела... Наверное, это последний из крупных писателей «новомировского» склада, чье имя по-настоящему мы узнаем лишь сегодня (две книги Ерашова выходят в издательстве «ПИК», в том числе повесть «Коридоры смерти», сделанная в необычном жанре «историко-фантастической хроники»).

Однако фронтовые, военные рассказы Ерашова — отнюдь не памятник «той» эпохе, «той» литературе. Выстраданность каждого слова, его простота и точность мощно опрокидывают нас в реальность, о которой мы, как выясняется, мало что знаем, несмотря на существование огромной «военной» литературы. В этой реальности все не так, как диктует нашему восприятию привычная схема: самым порядочным человеком оказывается инструктор райкома, величайшим благом — горсть жмыха, величайшим подвигом — жалость, которая заменяет любовь...

И все это заставляет не просто задуматься или удивиться. Но и одуматься, отступиться от догм и штампов сегодняшней публицистики.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРЫ

Валентин ЕРАШОВ

РАССКАЗ

РЖАНАЯ КАША

Надо было в Кузембетево. Чем только перед собою не оправдывался Игошин, чтобы туда не ходить, а вот приперло.

Доводы он придумывал всякие: в районе девяносто два колхоза, на каждый по два-три дня — году не хватит; тамошний куст — по населению в основном татарский — закреплен за инструктором Назией Бахтияровой; языка он, Игошин, почти не знает... И что-то еще в подобном роде.

Истинные же причины заключались в другом. Сам Николай Игошин был родом из Кузембетева и стыдился там показаться: третий год война, ровесников давно призвали, а его нет, поскольку слепошарый — без очков родную мать, когда была жива, на малом расстоянии узнать не мог. И еще Игошин женился недавно, взял эвакуированную с двумя детишками, в райцентре чесали языки о всякий столб, а в деревне, конечно, и подавно. И, наконец, вряд ли он сумеет в родных местах показать авторитет — всякий помнит Игошина сопливым пацаном.

Но вчера Николая вызвал Хозяин, первый секретарь райкомпарта, и велел отправляться в Кузембетево уполномоченным на уборку: ты, парень, тамошний, условия знаешь, людей знаешь, давай руководи, проводи линию... Игошин только вздохнул тихомолкой.

Можно было вызвать из колхоза подводу, поскольку ехал уполномоченным,— своим транспортом комсомол не разбогател, но Игошин и этого постеснялся: не оберешься разговоров, ишь, мол, Колька-то, барин сыскался, тарантас ему подавай. И лошадей оставалось повсюду шиш, а теперь страда... Николай — не привыкать стать — ударил пешака.

Поднялся на рассвете: двадцать три километра одолеет, с передыхом, до полудён, важно лишь не торопиться и не выжимать силы, а расходовать их мерно, умно. Поклажи не брал никакой.

Шагал он легко, пыль прибило росою, свежие портянки не комкались в сапогах, лицо не потело, и очки потому не ерзали. Чтоб не хотелось пить, Игошин липкую горбушку, поданную хозяйкой, круто присолил и выхлебал впрок две кружки морковного чаю. Ломоть взял на дорожку, завернутый в газету. Игошин помнил об том ломте и потому шел еще ходче, предвкушая привал, где он этот ломоть съест.

Ада, жена, проводить не встала, она уже привыкла к частым отлучкам Игошина или вообще была равнодушна к ним. Женился Николай скорей от жалости, хотя Ада ему нравилась, но любви, пожалуй что, не было.

Как первый секретарь райкома комсомола, Игошин состоял в комиссии по устройству эвакуированных, в тот день прибыла очередная партия из Белоруссии, коридор заполнился шумом и плачем — не одна молодежь явилась, а всяких лет. На Игошина кричали, угрожали ему, просили, требовали, клянчили, советовали, сами ждали совета, жаловались, рыдали в голос. А она молча выложила справку: аспирантка Минского государственного университета Аделаида Борисовна Суханевич, мать двоих детей... Ребятишки были, конечно, тут же — явно близнята, одинаково замурзанные, белоголовые, непонимающие и какие-то странно умудренные. «Вам работу или жилье сперва?» — спросил Игошин, и Аделаида сказало тихо: «Я не знаю... Муж — пограничник у меня, без вести пропал... Я не знаю... Я комсомолка, вот и пришла...» Говорила робко и потерянно, у Игошина защемило, хотя уже успел понаглядеться на всякое горе. Николай сказал вдруг: «Ладно, жилплощадь устрою»,— и отдал Аделаиде с ребятишками свою комнату, а сам перебрался в угол к хозяйке. Работы бывшей аспирантке по геологии здесь не сыскалось, распродавала кое-какое барахлишко. Николай подкармливал ребятишек, сколько мог, Ада благодарила, и, наверное, у нее от благодарности да непреходящей потерянности, а у Николая скорей всего из жалости, перемешанной с неловкостью какой-то, случилось то, про что стали чесать языки об каждый столб. Игошина призвал Хозяин, сказал: ты, парень, это брось, ты комсомольский бог и член пленума райкома партии, если живешь с женщиной, будь добр по закону, а то вытащим на бюро, понял?

Игошин, разумеется, не бюро испугался, хотя и это было, а просто сам давно томился двусмысленностью их отношений, в тот же вечер поговорил с Адой, она вздохнула и сказала обреченно: «Ну, если настаиваешь...» «А муж?» — спросил Игошин. Соврала, призналась Ада, муж сидит за растрату, и развод с ним был, жуликом, никакой не пограничник, директор базы гастронома.

Николай постарался поверить, будто любит ее, Ада же ни в чем ни себя, ни его не убеждала, смутно как-то жила, и радости — той доли радости, что могла позволить война,— в семье не виделось. Ребятишки, Олежка и Игорек, существовали как бы сами по себе, ходили в первый класс, правда, приученные матерью, Игошина стали называть папой, но вынужденно, без тепла. Первое время Николай по возможности с работы домой торопился — это значило, что возвращался часам к десяти, если не уходил в колхозы, а после перестал спешить или вовсе в райкоме ночевал, на деревянном жестком диване без подстилки.

Вот и сегодня Ада не проснулась, Игошин оставил на табуретке записку: «Ушел в Кузембетево, буду в субботу», хозяйка-старуха покачала головой, осудив городскую неженку,— где видано, чтобы мужа не проводить! — и вскипятила самовар, вызвалась у соседей, шабров, молочка взять в долг, но Игошин отнекнулся: детишкам принеси, а ему не требуется.

Он вообще, женившись, питаться полагал чуть не зазорным: вроде мог бы все пацанам отдать, а сам истребляет. В закрытой, не для всех, столовой договорился с заведующей получать положенные там завтраки да обеды сухим пайком, то, что причиталось ему одному, теперь делилось на четверых, да и заведующая отпускала не задарма, поскольку сухим пайком, законно если, выдавать не полагалось. Жили туго. В колхоз, тут же, при городке, Ада идти не хотела, Игошин ее не принуждал, все равно в колхозе работали за палочки, только что отмечали в ведомости начисленные трудодни, а не давали по ним ничего. Правда, там была хоть малая возможность подкормиться, но Ада крестьянского труда не знала, балованная.

Игошин отмахал километров семь, прикидывая по времени. Дорога проходила залогом, не́пашью, мертвая земля пласталась окрест — худородный подзол, белесый, как возле бани. Взнялось поигрывать солнце, роса изникла, и теперь даже над травяной обочиной курилась пыль, она залепляла толстенные игошинские очки, то и дело приходилось их протирать, Николай раздражался — ведь, сняв окуляры, он беспомощен делался.

Ручей пал поперек дороги — в неглубоком, лениво прорытом овражке. Николай спустился к воде: в горле першило, вдыхнул взметенного сапогами гнилистого праха,— сел на карачки, поплескал в лицо жесткой и дурновонной водой. Хлеб, завернутый в газету, выскользнул из кармана, поплыл — сырой, наполовину из картошки, вот-вот затонет! — Игошин изловчился и поймал, благо течение было едва приметное.

Он выбрался наверх, кинул напитанную влагой осклизлую газету, она шмякнулась тяжело, как тряпка. Закусил примоклый — отпечатки зубов оставались — ломоть. За спиной шевельнулось, Игошин обернулся.

По ту сторону бугорка — не приметил сразу — сидела татарка, низко повязанная платком, востроскулая, под глазами кошелечки, нижняя губа ввалилась беззубо, кожа поношенная, одрябла́я, между краем юбки и онучами виднелось белое — мужские, наверное, кальсоны, теперь многие женщины их носили,— а лапти женщина скинула, они стояли рядом, распустив мохрастые обо́ры, от лаптей и онучей далеко и душно валило прелью.

— Иса́мсес, апа,— вежливо поздоровался Игошин, татарка откликнулась с очевидной охотой:

— Исамсес. Син татарча́ бля́сым?

Эти обыкновенные фразы, прожив среди татар, Игошин усвоил и ответил, что не понимает по-татарски:

— Мин татарча́ бильми́м.

Но, должно быть, прозвучало неубедительно — слишком уж правильно произнес,— и татарка забормотала быстро, кое-что Игошин разбирал и, составив обрывки, угадал: живет она в Абсалямове, идет на базар (базарда́), денег нет (ахча́ юк), но продаст это — показала расшитые крестиком два полотенца — и купит хлеб (ипей) для ребят, их вот двое, баранчу́к и кызы́м.

Игошин дал ей выговориться, покивал головой, поглядел на закушенный ломоть, протянул татарке, она качнула головой, сказала:

— Юк, ахча юк.

А сама глядела на хлеб невотрыв и, когда Игошин сунул ей ломоть, тот мигом, будто у фокусника, исчез, и тут же татарка принялась наматывать оборы лаптей поверх онучей, кое-как, торопясь, закрепила, пошла прочь и лишь издали поблагодарила, кланяясь на русский манер:

— Рахмат, зур рахмат, ипташ нашалник.

Есть хотелось куда пуще, чем до того, Игошин долго пил дурновонную воду, силком себя заставляя, чтобы заполнить желудок, утерся рукавом и через хлипкий мосток, вдоль обочины зашагал дальше.

Желудок тосковал, и Николай обрадовался, завидев гороховое поле — метров двадцать от проселка, не дале. Говорят, исстари горох сеяли нарочно у дороги — прохожему полакомиться. Сейчас он отмерит эти двадцать метров длинными ногами, деранет несколько плетей, навесит на согнутую левую руку и примется есть на ходу. Он будет есть по-детски, отчасти балуясь: забирать в рот стручок, зажимать зубами, тянуть за хвостик, горошины станут выструкиваться на язык, почти спелые, деревенеющие, несладкие.

Он принагнулся, поднял гороховую плеть — стручки в прожилках, похожие на стрекозиные крылышки,— подержал, отпустил. Сорвал, оглядевшись, один стручок, провел ногтем по шву, выбрал катышки, положил в рот. Несладкие, почти деревянные. Вкусно. Игошин сглотнул слюну и вернулся на дорогу.

Скоро гороховое поле кончилось — Игошин все туда посматривал,— теперь на свежей стерне были редко понатыканы суслоны ржи — несколько снопов поставлено в кружок вниз комлями, понакрыты еще одним снопом, надломленным у связла.

Суслоны были редкие, низкие, хлеба уродились никудышные, быть голодухе опять, ох быть...

Дробное туканье железом об железо доносилось откуда-то сбоку, отбивали на бабке, оттягивали притупленные лезо косы. Игошин пошел на звук — где-то крылась, верно, лощинка, поскольку людей пока не видать.

Обмишурился: лощинки не обнаружилось, а был взлóбок, и за ним по чахлой, в пояс, просвечивающей ржи рядком шли бабы, они брали рожь не серпами, как бабам полагается, а косами, по-мужичьи косили. Тяжелыми, с крюками литовками бабы отмахивали споро, сноровисто: научила война. Прогон клали ровный. Игошин их догнал, поздоровался, никто не ответил, запыхавшись, только самая крайняя, к нему поближе, бабенка сказала равнодушно и неведомо кому:

— Четырехглазый заявился. Представитель, поди.

— Дай-ка я,— сказал Николай и принял у бабенки литовку, сточенную, тоньшиною в шило почти, одна лишь пятка оставалась широкой. Игошин по своему росту передвинул рукоять на косовище, захватанном до блеску и липком от пота, пристроился в ряд и пошел, глядя, чтобы с отвычки не садануть по ногам.

— Гли, можешь,— сказала бабенка вдогон.

В конце прокоса недолго пошабашили, там и сидел, отбивая литовки, дедок в линялой несерьезной футболке с нашивкой «Динамо» — буква «Д» в голубом ромбике,— в зимнем клочкастом малахае, разутый, лапы красные, что у гуся. Дедок на «здравствуйте» Игошину откликнулся уважительно, а баб он за человеков не признавал и вместо разговору принялся их наставлять: дуры вы и есть дуры, вам литовка не тяпка, не капусту, чай, сечете, а хлебушко выкашиваете, наизволок надо пускать косу, легошенько, а не пяткою рубить, этак все лезвие исщербите, да и переломить недолго.

Слушать его не стали — не до того, уморились,— полегли, как придется.

Надо бы, наверно, использовать бабий перекур для пропаганды и агитации, подумал Игошин, и тут же рассудил: не до того им, чего людей маять, да и зачем — сами по себе работают дай Бог, чего их наставлять. Прикинув так, Игошин полежал со всеми на кучке соломы, выглядел бабу постарше и поусталей, взял у нее литовку и стал в рядок за ведущего — руки вспомнили прежний навык, работали теперь, как положено.

Спохватился он только на четвертом прокосе — этак и к ночи в Кузембетево не поспеешь. Поручкался с дедом, отсыпал ему полгорсти махры. Звали полдничать — отказался: припасу нет своего, на чужой каравай рот не разевай, особенно по нынешним временам.

Догнала его вскоре арба, вподвысь набитая соломой. Держась за боковой брус, вышагивал рядом бабай — пыльный, в измасленной фетровой шляпе-колпаке. Он попросил — сложенными перстами показав на свой рот — закурить, а после, как немой (по-русски, видно, вовсе не калякал), позвал на воз. Игошин хоть изустал, но отмахнулся: лошаденка и без того заморилась.

И опять потекла под ноги серая, дохлая трава. Очки теперь елозили-таки по носу, протирать стекла надоело. Игошин шел полуслепой, но, когда от суслона ширнул в сторону кто-то,— заметил, окликнул и, не дождавшись отклика, в несколько прыжков очутился там.

Мальчонка заполз в суслон — только потресканные пятки наружу торчали. Николай позвал — тот не послушался, пришлось хлопнуть по востренькой, топориком, заднюхе, сказать: вылазь, мол, так и так попался.

Переминаясь, будто до ветру приспичило, мальчонка стоял перед Игошиным, в подоле — горстей с десяток полувыбитых колосков, животишко втянуты и ребра куриные.

— Что ж ты, друг,— сказал Игошин.— Воруешь, значит?

— Ну вдарь,— ответил мальчонка.— Все одно не отдам, убей хоть.

— Отдашь,— сказал Игошин.— Колхозное ведь. Для фронта.

— Отымешь — в другом месте настригу,— сказал мальчонка, глаза его взблеснули по-волчьи.

— А если каждый так примется, тогда что? — спросил Игошин, понимая, что этакими словами парнишку не убедит.

Малец вдруг заплакал — слезы не текли, не капали, а будто выступали, как пот, и Николай растерялся, он слез переносить не мог — женских, детских, стариковских ли (мужских видеть не приходилось).

— Чего нюнишь,— сказал он погрубее нарочно, пускай озлится, перестанет слезы точить.— Не девка ведь. И притом сам и виноватый.

— Мамка помирает,— сказал мальчишка безнадежно, как взрослый.— Третий день помирает, никак не помрет, измаялась вся. А Стешка базлáт, есть просит, где взять?

— А ты сам откуда? — спросил Игошин.

— Из Иванаевки, вон.— Парнишка показал головой.

— Сыпь сюда,— приказал Игошин и расстелил пиджак.— Ну кому говорю, сыпь.

Противиться бесполезно было, мальчишка понял, опять заплакал, зло и бессильно.

— Жулик ты,— сказал он.

— Опояска есть? — спросил Игошин.— Рубаху заправь как следно. Так. Теперь сгребай за пазуху все и дуй, чтоб никто не сцапал, понятно?

И долго смотрел, как мальчишка по-грачиному подпрыгивает — босой — на стерне, удаляясь.

Солнце резало глаза, и стерня, редкая, в проплешинах, казалась равномерно вылитым наземь желтым потоком. Игошин утерся, подумал, что надо бы зайти в Иванаевку к этой женщине. Однако чем сможет помочь ей — да ничем: сколько их сейчас, одиноких, больных, измаянных.

Но когда вскоре дорога свильнула вправо, в сторону Иванаевки, Николай, больше не приноравливаясь к доводам, повернул туда.

Прясла околицы порушили на дрова — прошлой, видать, зимой,— и деревенька стояла как раздетая, полтора десятка изб. Две курицы — усохшие, долгоногие, словно болотные кулички,— мельтешили в плоской, едва заметной колее, они как-то пособачьи, мелко и часто, гребли пыль и огорченно вскрикивали. Голые стропила торчали над засыпными потолками — солому скормили скотине, к осени покроют заново, коли хватит сил, а в холода опять пустят кровлю на пропитание худобушке.

Игошин выискал из всех изб ту, что показалась убожее прочих, третью с края порядка. У завалинки лежал пес — мослы наружу, шерсть клочьями, хвост весь в репьях, похожий на прямой длинный кактус. Игошин взялся за деревянный вертушок, отворил калитку — вместо металлических петель держали ее лыковые жгуты. Пес даже уха не приподнял — с голодухи, что ли, обессилел, а может, просто приблудный был. Пахло на дворе только пылью, трухлявым бревном, скотиньего духу и в помине уже не водилось. Трава ютилась у плетушка, центр же двора облысел начисто.

Как спросить, подумал Игошин, ведь не брякнешь же: а где тут женщина помирает, да, возможно, и не одна она здесь такая. Ну да ладно, как-нибудь узнаю, было бы у кого.

В сенцах потолок сквозил полосами, заплатами обузорен земляной спотыкачистый пол. Дверь в избу расхлебянена — бояться некого, деревушка на отшибе, да и чем поживиться лиходею, окажись он.

— Здравствуйте,— сказал Игошин с порога. После яркого света почти он не видел, заросшие окна еле проглядывались. И в доме пахло неживым — отчегото мокрым железом и соляркою, а не хлебом, квашеньем, овчинной кислинкою, чем в доброе время дышит изба.

Игошин покашлял, глаза привыкли к сутеми, обрисовался шаткий стол и перевернутый сундук, ничего больше не было. Колыхнулась вылинялая занавеска, девчушка — махонькая, с вáленку,— подковыляла к Игошину, сказала, глядя в пол:

— Исть хочу.

И приготовилась реветь.

— Тебя Стешкой звать? — спросил Игошин, помня: так сказал про сестренку тот парнишка,— спросил наугад, и оказалось, что попал в точку, девчонка раздумала реветь, сказала, не удивляясь:

— Стешкой. А мамка у нас помират.

Сколько ей было годков — не сообразить: ростом тянула на трехгодовалую, разговаривала как первоклассница, глаза же — чуть не старушечьи. Николай приотдернул ветхую занавеску.

Женщина лежала, как покойница, под плоским одеялом, укрытая до подбородка. Даже не повернула головы, прошелестела:

— Толюньку-то не видал?

— Встретил,— сказал Игошин,— сейчас он придет, сейчас. Я пока дровишек наколю, сварим чегонибудь.

Столкнулись у крылечка — парень волок беремя хворосту, охапкой прямо, лыком связать не догадался.

— Вот,— сказал Толюнька, не подивившись гостю,— сейчас че-нибудь соображу.

— Топор давай,— сказал Игошин.— Есть топор?

Топор иззубренный был, как пила, обух с трещиной. Игошин обтесал два расклинышка, вогнал их тележным шкворнем.

— Не стой,— сказал Николай парню.— Провеивай зерно, знаешь, как?

— А то,— сказал парнишка.— Я в сарай пойду, чтоб не увидал кто.

В избу вернулись вместе — Игошин с нарубленным хворостом, Толюнька — с зерном: колоски он перетер в ладонях, выдул мякину.

— Исть хочу,— сказала Стешка.

— Потерпи,— попросил Игошин. Он приблизился к женщине.— Может, сделать что? А то мне уходить...

— А че ты сделаешь,— сказала женщина.— Помереть не пособишь и встать не пособишь. Иди. Ты кто будешь-то?

— Да так,— сказал Игошин.— Прохожий. Фельдшера бы прислать...

— А вот возьму да и не помру,— сказала женщина.— Ай нет, помру я, слышь? Их-то куда?

Что-то грохнуло позади. Игошин дернулся, и женщина повернула наконец голову — шея будто скрипнула,— одеяло соскользнуло, Николай увидел непомерно раздутый зоб.

А громыхнул это чугунок — Толюнька поставил на таган боком. От печки по замусоренному полу языком текла вода, смешанная с зерном, Толюнька бухнулся на коленки, стал сгребать ладошками, а рядом присела Стешка и, точно цыпленок, хватала зернышки, отправляла в рот, мать плакала неслышно.

Собрали, промыли кой-как, поставили опять — спешили, чтоб не успел прогореть огонь.

— Молодой ты,— сказала женщина Игошину,— а то взял бы их, как я помру. Нет, так и так не возьмешь, кому ноне чужие спонадобятся, всякому свое горе по завязочку.

Сенная дверь стукнула, шаги стихли на миг — по земляному полу — и опять прозвучали, около печки выросла тень, уперлась макушкой в стену.

— Есть такое дело,— сказала тень.— Влопались, голубчики. Государственное зерно травите, вредители, враги народу?

Николай шагнул навстречу, встал впритык.

— А ты кто есть? — Мужчина взмахнул — будто крылом — пустым по локоть рукавом.— Воровать способствуешь? Ну кто есть таков?

— А ты кто? — спросил Николай, оттягивая время.

— А вот счас узнашь кто,— сказал однорукий, ловко сдергивая с припечка тряпку.— Мы счас поглядим, че за угощенье тута развели...

Он цепко ухватился за чугунок — тряпка макнулась в еще не закипевшее варево,— сдвинул посуду на загнеток. Выждав, пока он это сделает,— иначе опять прольется! — Толюнька молча ухватил его зубами за палец.

— Ах ты, пащенок, твою бога! — вскрикнул однорукий.

— Отпусти,— велел Игошин мальчишке.— Вон катись отсюда,— приказал он безрукому.

— Сопротивление властям? — выдохнул тот сивушно и ухмыльнулся.— Ах ты, слепошарый, тылова крыса, окопался, от фронту прячешься, вот мы счас проверим, кто есть таков. Документ давай.

— Уматывай,— сказал Игошин.

— Нет, скажи, кто ты есть? — приставал однорукий.— Акт составлю. Милицьонера позову.

— Зови,— сказал Николай.— Я член райкома партии Игошин.

— Поня-атно,— сказал однорукий.— Покровительствуете. Самому доложено будет.

— Убирайся,— сказал Игошин.— Ну, кому сказано?

Однорукий ухмыльнулся и пошел к двери. Потом быстро, бочком подскочил к шестку и — раз! — опрокинул чугунок. Ударить однорукого Игошин не успел.

И опять собирали полуразваренное зерно, мыли, отделяли сор, щепочки, угольки, разжигали наново в таганке огонь.

— Ему руку молотилкой оторвало,— рассказывал Толюнька.— А теперя ходит, кажному култышкой тычет, будто фронтовик. Он в сельпо работает, щетоводом, на всю деревню один мужик, вот и выкобенивается.

— Я ему повыкобениваюсь,— посулил Игошин.— Ты не бойся, Толюнька, ты ведь тоже мужик.

— Молодой ты,— сказала женщина с кровати.— А то забрал бы их, как я помру.

— Ты про это не говори, мать,— попросил Игошин.— Тебе жить надо. Я врача пришлю из Кузембетева. Сегодня. Честно говорю.

Выбрался от них Игошин в третьем часу — пока сварилось хлебово, пока девчонка и Толюнька похлебали жидкой, неупревшей каши, и мать они сообща уговорили отведать, но пища не лезла в сдавленное горло. Догадались наконец растереть в деревянной ступке и прибавить еще водицы.

А Игошин есть не хотел, но женщина сказала, мол, обидишь, и Николай проглотил две, а может, и три ложки, стыдясь и чуть не пристанывая от голода.

— Врача пришлю. А на обратном пути заверну обязательно,— сказал Игошин.— И с врачом поесть обязательно чего-то пришлю.

Солнце осатанело вконец, оно ярилось, оно вроде и не думало спускаться, огромное, вполнеба, истаявшее по краям, свирепое и пронзительное. Ноги в сапогах сопрели, саднило икры, лучше бы разуться, но прелыми ногами стань — мигом разотрешь распаренную кожу, и потому Игошин маялся в сапогах, отсчитывал по столбам километры,— на каждый километр, известно, приходится шестнадцать столбов.

Он притомился здорово, но больше не останавливался, а когда впереди показалась куцая, без крестов, колоколенка бывшей кузембетевской церквушки,— прибавил шагу.

■

Как отобрать власть у КПСС? Этот вопрос ставится сейчас некоторыми народными депутатами уже в практической плоскости. Ведь формально КПСС уже «отказалась» от власти. На все согласна эта сговорчивая партия, только... и власть, и руководство, и собственность по-прежнему в ее руках, «власть» же Советов — это реальное безвластие Попова и Собчака.

Корень этой иллюзии в самом слове «партия». Дело в том, что КПСС... не партия. По крайней мере после захвата ею власти в 1917—1918 годах. Слово «партия» может пониматься только в смысле демократической парламентской политики: партия — это одна из многих политических сил (то есть одна среди других «партий»), которая признает право других партий на парламентские способы завоевания власти, иными словами, их право на демократическое смещение любой ныне стоящей у власти партии.

«Партия большевиков» была партией, когда наряду с нею за власть боролись кадеты, октябристы, эсеры, трудовики и др. Но она перестала быть таковой, превратившись в тиранический господствующий класс, когда ликвидировала в январе 1918 года парламентаризм и исключила всякую возможность законного смещения существующей власти. (Известны слова М. Томского: «Это неверно, что у нас одна партия. У нас много партий. Только одна партия у нас — правящая, все же остальные находятся в тюрьме».)

В отличие от партии Ленина Гитлер пришел к власти самым законным, парламентским путем. Тем не менее нацистская партия была раздавлена прессом общественного мнения ФРГ, когда эта «партия» была объявлена не-партией, потому что все ее функционеры были названы преступниками перед нацией. Спрашивается: где наше подлинное общественное мнение, если ленинская партия, непарламентским путем захватившая власть и, следовательно, изначально не имевшая мандата от народа, не только не заклеймена как не-партия, но и до сих пор остается правящей? Но почему наши «народные» депутаты все время забывают об этом?

В. ЗАХАРОВ,
доцент Московского полиграфического института

■

Мне приснился сон, что я стал президентом страны вместо М. С. Горбачева. И у меня вдруг возникли (во сне) какие-то гигантские планы по восстановлению нашего разрушенного хозяйства. Проснулся — и ничего вокруг нет, кроме бесконечных забот.

А вдруг, подумал я, лежа в постели, я действительно бы стал президентом? Ни опыта, ни образования, да еще грубый в обращении с партруководителями... Что бы я делал? Видимо, первые три дня пил бы коньяк на радостях. Затем вплотную включился бы в работу. Первостепенная задача, которую я бы поставил перед собой и перед правительством,— восстановление разоренных крестьянских хозяйств. На время президентства я вышел бы из КПСС, поснимал тех, кто берет взятки... Да мало ли что я смог бы сделать, став президентом!..

А. ЕРЕМИН
Кисловодск

Александр ТЕРЕХОВ

ПЯТЫЙ КУРС

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

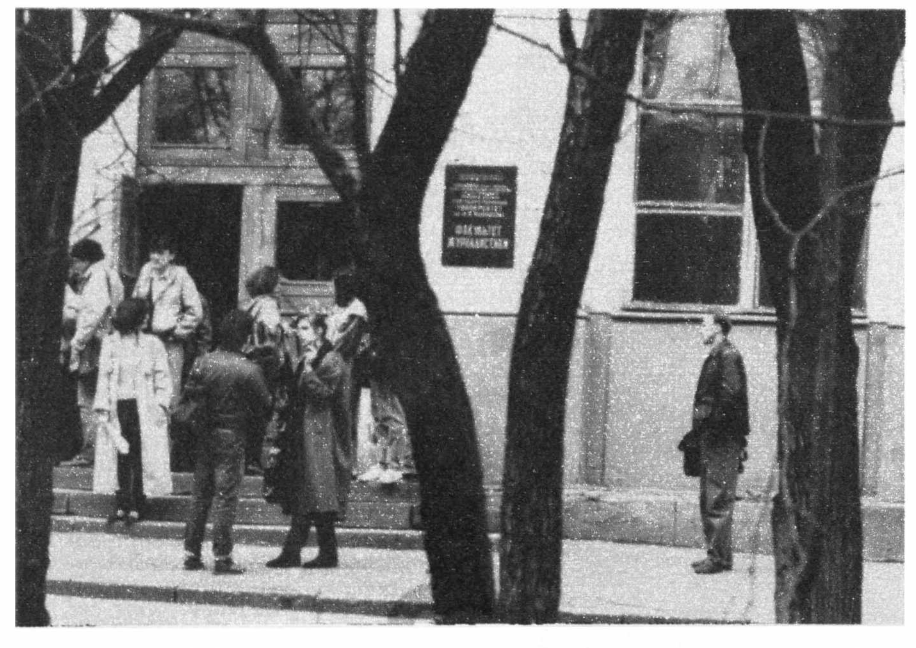

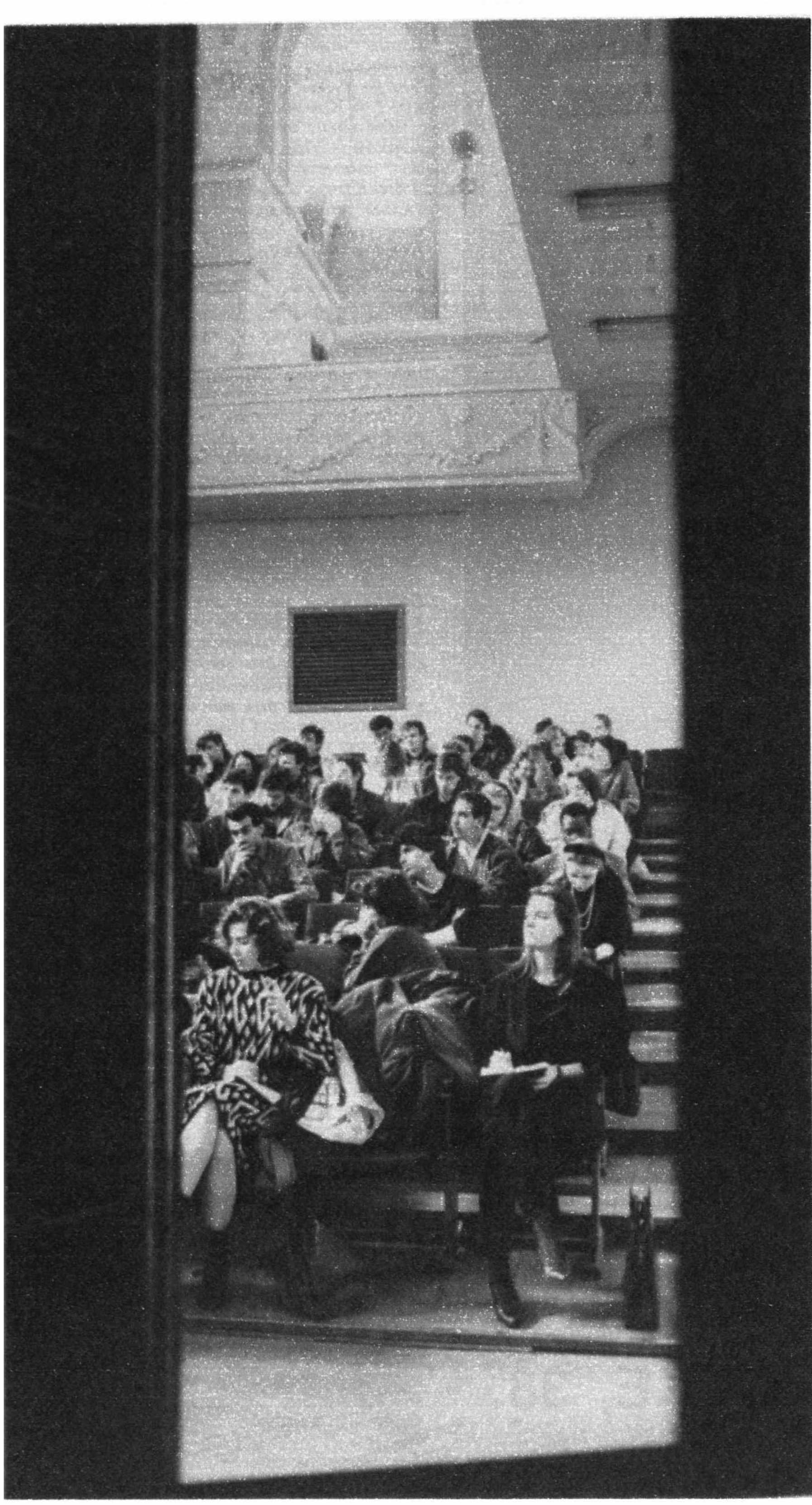
Ну, про что ты мне сможешь спеть?

Про то, что пройдет еще совсем немного времени, пройдет еще совсем немного времени...

Пройдет еще совсем немного времени, а я томился в читалке над «Доктором Фаустусом», грозящим перейти количеством страниц в опухоль головного мозга, и ненавидел орущий и ржущий молодняк, а тут еще музыка — ну что там такое? А это тетеньки, дяденьки, лица коснувшихся старости детей — у людей юбилей. У людей тридцать лет выпуска, я их боюсь, и поэтому — за колонну, в холод, но ведь все равно — пройдет еще совсем немного времени, да?

Да! Но пока я макаю себя в тишину факультета, по усталым ступенькам наверх, и высокие двери, и мир белых крыш за окном, и голые сабельки веток под далекой синевой, и мимо скрип чьих-то ног, и до звонка еще жить — да, эти голубые стены и перепончатые окна и белые крыши, как перевернутые днищами наверх лодки... Этот дом мертв, когда в нем люди, чужие лица стирают

твое, но когда тишина и глоток пустоты, тебя достанет его недоступность и равнодушие к игрушечным баталиям экзаменационных трагедий, скуке, любви, всему, и он сродни лишь незримому, что растет незаметно для нас, серьезному, что в ряду со смертью и жизнью, духовному скелету, что до конца. И мы потом еще поймем мучительную сладость позолоченных солнцем стен, простора коридоров и запнувшейся пропасти центрального провала, ощущение легкости падающего снега и блаженства свободы почти навсегда, обязательности этого ежедневного праздника и щадяще замаскированную его невечность — эти стены не опустятся до нас, а нам — куда уж наверх, но если б смерть была выбором...

Я бы хотел тогда пасть. Пасть снегом мимо мрамора и балюстрады, вниз, бесконечно и благодарно, чужим, признательным, растворяясь брызгами, вкраплениями роднясь с этими стенами, оставаясь в них, приобщаясь, сживаясь, и даже частью своей ничтожной не коснуться пола, целиком растворясь, распавшись в полете.

И ты никогда не любил меня, как и всех, ты тыкал мне в морду, что здесь я из милости и ногти мои грязны, и я до сих крадусь понуро как сквозь строй мимо столичных пенок, смолящих сигаретки и выставляющих ножки у твоего парадного крыльца, и если я и смотрел на тебя — только исподлобья и больше никак. Тебе не до любви, твоя участь странней: принять всех безымянно, но поголовно, и оставить взамен жгучее клеймо ощущения этого паскудного времени.

И на первом курсе я ходил с чемоданом динамита, чтобы взорвать белый свет, и страждущие народы ждали слова моего, и в пяти шагах до экзаменационного стола умещалась вся трусливая жизнь, и люди, что ходили рядом, были вечны и велики: всемогущая как судьба Светлана Михайловна с кафедры физвоспитания, и тишайший, как снег, и седой в тюбетейке профессор Ковалев, который был секретарем у Фадеева и очень добр, и сморщенная тень Кучборской, что как уголь вечных пожаров и зов прекрасных времен, колокол, чуть дребезжащий; и цепные вахтерши на входе, и озерные глаза Суздальцевой, и неутомимая проповедь Татариновой, которая на всю жизнь разбередила душу нам этими незадачливыми князьями, что отправились на половцев и что из этого вышло, и незадачливо-отстраненный, не по-советски бесшумный декан Засурский, и изумительная Ванникова, что как ваза саксонского фарфора и поразительна так, что хотелось прятать под стол свои мужицкие лапы подальше от этих глаз, и тот козел, что поставил мне три балла, что я не прочел страницу в учебнике про «Крошку Доррит», и предельно женщина Белая, которая стояла за кафедрой, как на баррикаде, и печально далекий Бабаев — собеседник великих голосов, и незнакомые красавицы, и непроходимые дураки...

Но что же случилось потом, когда вдруг так явно и неумолимо подурнели красавицы из читального зала, на которых дембелем смотрел с красными ушами и в горле комком, и в пяти шагах до стола экзаменатора стал умещаться лишь неловкий стыд за обоюдную постыдную игру, когда вдруг с отчаянной резкостью рухнул весь этот молитвенный XIX век, на который мы не дышали и из которого росли, который, оказывается, готовил нам лишь смерть с того самого момента, как отправился Радищев из столицы в столицу, а народ при этом страдал, и пошло, покатило, упекли в деревню Пушкина, нахохотался до смерти и помер от скорби Николай Васильевич — великий сатирик, два богатыря Достоевский и Толстой пошатали да и вырвали к чертовой матери боженьку, размечтался товарищ Чернышевский, а потом вернулся из двадцатилетней ссылки да и оцепенел почему-то, примолк и не ответил на письмо Володи Ульянова, и принесло все это плоды, свалилось-таки дерево, допилили, и все бы хорошо, да онемел от догадки Ленин в Горках, его верный соратник замешивал последующий раствор и клал кирпичики уже один, да и тот упал на бегу, а Иван Бунин глянул на все это дело, обозлился, да и уехал подальше от греха в Париж гулять по темным аллеям, и увез с собой ключи от XIX века, и все вроде вышло, как хотели, но странно как-то — получили Акакии Акакиевичи шинели, да враз нацепили на них маршальские погоны, и голос у них прорезался, вылезли из желтых домов записки сумасшедшего и стали громить зачем-то морганистов и космополитов, пожалел старушку Раскольников Родион Романович, выучился, в люди вышел, но все на жизнь-то глядел с классового подхода и догляделся, и все вышло, как хотели: взошла она, эта самая звезда пленительного счастья, и на обломках самовластья написали имена, а потом стерли и другие написали, а потом еще приписали, а потом всех стерли, а потом других написали, потом написали «Малую землю» и «Целину», а потом вообще стали обломки собирать, чтобы из них самовластие опять сложить, и взошли над нами проклятые вопросы, повисели, повисели да рухнули, в пыль растерев,— нехорошо как-то получилось!

Мы бросились к книгам, но они нагоняли сон, мы бросились к женщинам, но Пушкин увез по Тверской всех этих Смирновых да Сушковых, Воронцовых да Ростопчиных, оставив лишь нам податливые тела да спутниц жизни, мы углубились в себя, но внутри лишь был животный стон от дикой жестокости судьбы, случайно обрекшей нас отсыревшей спичкой кратко мигнуть во мраке от первых слов младенческих губ «мама» до последней судороги посиневших старческих уст «мама», сначала получить жизнь, а потом понять, что ее отнимут, и тогда мы сдались, мы протянули руки — берите нас; мы стали много есть и смеяться, мы научились хохотать, и ты один лишь понимал, что стоит за этим весельем. Ты лишь один знал, как уводили нас поодиночке глухими теплыми ночами во взрослую жизнь, подталкивая под ребра домашними ключами и большими суповыми ложками, и мы, принимая поздравления, все же тянули шеи — ну хоть ты-то видишь, видишь это? И ты это видел — как опускались руки и бумага забывала цвет нашей крови, и вещи, люди, болезни, обстоятельства становились все теснее, теснее, теснее, и нас стал душить этот слаженный стон: дай! дай! дай! Как уходило на цыпочках лето, будто боясь, что его заметят, не оставляя на губах вкуса вишен и смородины, как зима оставалась лишь холодом, как мечты становились хроническими и вырождались в монстров, как тянула высота больших домов к спасительному асфальту, хотя и это было вранье.

Только что же я хотел сказать? Мой курс уже не соберется вместе. Его уже нет сейчас. Чего собирать-то? Нечего. Наши отцы еще помнили, что были когда-то вместе, а потом заблудились. Мы уже забыли и об этом, чего аукаться... Но все-таки: что же останется? Когда время поставит мой обмылок для финишной фотографии и вскинет на уровень сердца свой единственный черный глаз и высокомерно разрешит мне: «Можете стать спиной», я соберу все силы и скажу: «Нет. Лицом, пожалуйста...» И что тогда выдуют мои неловкие губы, какую короткую песенку, что уместится в ней, что зацепится: булочки с маком в буфете; прохладное прикосновение кленового листа; диспетчер девушка Наташа, что всегда грустная; щемящая пустота Ленинской аудитории; то, как наш начальник курса в конце семинара проронил: «А вот у меня умирает мать...»; незримое ни для кого прощание, когда я пошел прочь и навсегда и что-то, что-то еще?..

Что?.. Да, хотя вы правы. Все это такая ерунда.

Георгий РОЖНОВ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

На Петровке, 38, пятый месяц одни гадания: кому быть здесь начальником? Декабрь прошлого года — Ерину? Егорову? Рунышкову? Или как был, так и останется Богданов? Январь нынешнего — Богданов или Комиссаров? Февраль и март — Комиссаров или Баранников? Апрель — Комиссаров или Шилов? Апрель — май — один Шилов или еще Мыриков? А Комиссаров — его куда?

Все хотят владеть знаменитой Петровкой — Президент СССР и Моссовет, министр внутренних дел Союза и его коллега из МВД России. Издают указы, принимают постановления, выступают с заявлениями, объявляют голодовки, требуют, настаивают, просят — моя милиция, и все тут!

Как Париж когда-то стоил мессы королю Генриху IV, так и эта должность — все отдай, и мало. Начальник Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома командует не только милицией, как об этом привыкли говорить и в прессе, и в парламентских залах. У него под началом еще и пожарная, и вневедомственная охрана, и ЛТП, и все три московских СИЗО — Бутырка, Матросская Тишина и пересылка на Пресне, у него, наконец, хорошо знакомый москвичам и гостям столицы ОМОН и не менее знакомый ОВИР. К тому же здешний начальник еще и заместитель министра внутренних дел СССР. Власть неслыханная — ни один республиканский министр ВД не вознесен столь высоко, как в Москве начальник ГУВД.

Но вот закавыка: если другие заместители подчинены одному только министру, то тот, с Петровки,— еще и Мосгорисполкому, равно как и многие тысячи его сотрудников в форме и штатском. По крайней мере так можно понять, если верить вывеске на знаменитом здании в центре столицы.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ВО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА

«МОЯ МИЛИЦИЯ!» —

ЗАЯВЛЯЮТ В КРЕМЛЕ И В МОССОВЕТЕ, НА ОГАРЕВА, 6, И НА ПЕТРОВКЕ, 38.

Все предшествующие годы полное наименование ГУВД можно было произносить, не особенно вникая в его смысл и содержание,— и при Промыслове, и даже при перестроечном Сайкине власть Моссовета над щитом и мечом подвластного им города никто всерьез не принимал, не его ума это дело, кого пошлют на Петровку служить начальником. Был для этой надобности админотдел ЦК КПСС — там кандидата подбирали. Было МВД СССР — там его назначали. Ну а Моссовет, понятно, утверждал.

И вот надо же, в конце минувшего года как заколодило. Восьмерых соискателей союзное МВД послало в постоянную комиссию Моссовета по законности, правопорядку и защите прав граждан — всех восьмерых одного за другим прогнали. То им, видите ли, программа кандидата не по душе, то вовсе не нравится, а то и, представьте, с политическими взглядами расхождение. Комиссии желательна департизация своих стражей порядка, а кандидаты ни в какую. Двое из них на страницах еженедельника МВД «Щит и меч» высказались о посещении комиссии однозначно сердито. Начальник Главного управления БХСС МВД СССР генерал-майор В. Рунышков: «Не пойму, куда я попал». Начальник МУРа полковник милиции А. Егоров: «У меня несколько раз возникало желание уйти из этого балагана». А депутат Моссовета участковый инспектор И. Данилов так был потрясен заседаниями комиссии, что решил из ее состава выйти: «Не хочу участвовать в балагане».

Понимаю всех троих — трудновато, пожалуй, понять, с чего бы это штатский люд из Моссовета взялся судить товарищей генералов да полковников, рядить, кому из них идти в начальники, а кому нет. А управление кадров на что? А сам министр товарищ Пуго? Повремените с руганью, скажут они еще свое слово, услышим.

А пока комиссия по законности принимает такое вот решение: рекомендовать сессии Моссовета начальником ГУВД назначить генерал-майора милиции Комиссарова В. С., работающего начальником факультета Академии МВД СССР. А прежнего начальника, генерал-лейтенанта милиции Богданова П. С., естественно, от занимаемой должности освободить, благо что и пенсия подоспела. 23 января сессия именно такое решение и принимает. Что, поздравим генерала с повышением и новосельем на Петровке?

Если кто и поспешил — зря. 4 февраля министр внутренних дел СССР генерал-полковник Пуго это постановление Моссовета приостанавливает, а генералу Комиссарову, явившемуся на следующий день к проходной на Петровку, охрана указывает от ворот поворот. Первое, что приходит в голову: почему исполнительная власть (министр Пуго) взяла на себя смелость командовать властью законодательной (Моссовет)? Уже ведь неправедно, уже произвол! Ах, сколько мне еще придется восклицать эти «почему», сколько нам все удивляться размаху тяжбы за руководящее кресло на этой Петровке! Какие в ней еще будут повороты, какой накал, какие силы вступят в единоборство! Хроника событий достаточно подробно освещалась и в московских, и в центральных газетах, уже известный нам еженедельник учредил даже постоянную рубрику «Что на Петровке, 38?». Прямо как сводки из Карабаха или Осетии — кто кому нанес упреждающий удар, кто воспрянул, а кто повержен во прах, кому какие суждены напасти и беды. Вот смотрите: 3 января, как мы помним, Моссовет объявляет о своих претензиях на ГУВД, а 23-го Президент издает Указ о совершенствовании управления г. Москвой. Какая, спросите, тут связь? Самая прямая: у коллегии союзного МВД появился могучий козырь, отставка Богданова и назначение Комиссарова приостановлены не с панталыку, а до принятия Закона СССР о статусе Москвы — столицы СССР и РСФСР. Срок для разработки такого закона Президент установил жесткий, всего месяц,— подождем? Но нет, маховик междоусобицы раскручен, противная сторона отвечает тут же: 13 февраля пленарное заседание Моссовета, в свою очередь, приостанавливает решение коллегии МВД и вдобавок просит Президента строптивого генерала Богданова покарать, отчего спровадил с Петровки генерала Комиссарова? Тот, конечно, в долгу не остается — заявляет на брифинге, что хоть и слаб здоровьем, хоть и собрался на пенсион, но теперь со своего поста ни за что не уйдет.

Как и в каждой битве, в нашей тоже не одни только атаки да схватки, передышки тоже выпадают. Такое затишье видится мне с середины февраля, и пока обе супротивные стороны подтягивают резервы, укрепляют фланги и измышляют друг против друга новые коварства, нам есть резон поразмыслить над всей этой нелепицей и дичью. То, что Моссовет правомочен назначить руководителя входящего в его состав главка, бесспорно. Но и министра Пуго тоже можно понять: до сих пор остается в силе постановление Совмина СССР от 1988 года о совмещении должностей начальника ГУВД Мосгорисполкома и заместителя министра внутренних дел СССР. Поэтому не стоит отказывать Борису Карловичу в праве назначать ближайшего соратника по своему усмотрению. Но как тогда понимать постановление того же Совмина от 1989 года, согласно которому непосредственное руководство органами внутренних дел России возложено на МВД РСФСР? И стоит ли забывать, что ГУВД столицы всегда находилось на содержании союзного МВД и соответственно ему же и подчинялось?

Отсюда первый вывод: прежде чем бухать в колокола, следовало бы заглянуть в святцы. Говоря строже, хорошенько разобраться с действующими нормативными актами, привести их в соответствие с ситуацией сегодняшнего дня и здравым смыслом. Не эта ли законодательная бессмыслица была той причиной, которая не позволяла министру внутренних дел России Баранникову утвердить назначение Комиссарова своим приказом ни в январе, ни в феврале?

20 марта взрыв, шаг отчаяния — сначала девять, а вскоре и семнадцать депутатов Моссовета располагаются в здании Верховного Совета России и объявляют голодовку. Требование одно: генерал Комиссаров должен вступить в должность начальника ГУВД. «Верховный Совет не место для голодовок»,— объявляет им Руслан Хасбулатов. «Голодовку протеста не одобряю, эмоциями проблему не решить» — вот позиция самого Комиссарова. Два события еще более накаляют обстановку: близящийся Съезд народных депутатов России и назначенный на 28 марта (и тут же запрещенный) митинг на Манежной площади. За три дня до него Президиум Верховного Совета России возлагает непосредственное руководство ГУВД Мосгорисполкома на МВД РСФСР. Противостояние более чем опасное: что будет на улицах столицы, забитой сотнями тысяч людей, если милиция, накануне подчиненная России, завтра встанет рядом с митингующими, а войска, послушные центру, всем им воспрепятствуют? Я не столь наивен, чтобы полагать, будто бы милиция Москвы могла бы в одночасье присягнуть Ельцину с Поповым, но и без моих фантазий оснований для тревоги было предостаточно: в милицейских кордонах подчас не могли понять, чей приказ выполнять — генерала от Пуго или генерала от Баранникова? Оба министры, обоих поди ослушайся.

Вечером 26 марта телевидение явило нам Указ Президента, который, боюсь, и многочисленные наши прорицатели не предсказали бы. Если помните, об одном Указе я уже вспоминал: 23 января, когда Моссовет заявил о своих претензиях на ГУВД, Президент тогда же велел в течение месяца разработать Закон о статусе Москвы, а министр Пуго как раз до принятия этого закона и отложил рассмотрение тяжбы с тем же Моссоветом. В приличном обществе принято написанному слову верить, не так ли? И если месяц прошел, закона как не было, так и нет, то как минимум сохраняется пусть и нелепое, но все же статус-кво: у ГУВД прежний начальник, прежняя подчиненность. И вдруг этот Указ, от 26 марта. Он краток, всего два пункта. Первый — на базе городского и областного московских главных управлений внутренних дел создается одно: Главное управление МВД СССР по городу Москве и Московской области. Второй — ведать всем этим гигантским хозяйством будет генерал-полковник Шилов, первый заместитель министра внутренних дел СССР. Теперь жди не жди Закона о статусе Москвы, принимай хоть какие постановления — поздно. Ни Попову теперь внутренние дела столицы не подвластны, ни Ельцину.

И все же давайте поразмышляем серьезнее, строже: какие же правовые нормы подвигнули Президента на столь решительный шаг? Ответ в самом Указе: пункты 1 и 2 статьи 127^3 Конституции СССР. Те самые, где глава государства назван гарантом соблюдения прав и свобод граждан, охраны суверенитета СССР и союзных республик. Стало быть, рассуждаю я, оставление милицейских главков в ведении Советов угрожало до сих пор нашим с вами правам и свободам, независимости Союза и России? Вот ужас-то! А как понимать вот эту, самую первую строку все того же Указа: «Исходя из необходимости обеспечения общественного порядка в столице СССР городе Москве...» — разве можно понимать ее иначе, чем так, что прежнее, советское ГУВД, никакого порядка не обеспечивало вовсе? И, наконец, главное: если юристы, состоящие при Президенте, не заметили, что Указ откровенно нарушает гарантированные Конституцией права Моссовета, их надо немедленно прогнать прочь! Они что, не заглянули в статью 146, обязывающую именно местные Советы обеспечивать охрану общественного порядка и прав граждан? Запамятовали, что нельзя новый главк создавать, как сказано в том же Указе, на базе прежних, что такое умыкание служебных зданий и прочего имущества с Петровки противоречит Закону СССР «О собственности в СССР»? Что глава государства не вправе одной рукой отбирать то, что даровал другой?

Не претендую на авторство этих вопросов — они достаточно громко звучали и на третьем Съезде народных депутатов России и на заседаниях президиума Моссовета. Но если мы можем простить вопрошающим их горячность и взрывы эмоций, то дающим ответы государственным мужам в этом стоит решительно отказать. Надеюсь, все понимали, что ситуация патовая, что конфликт ширится, стороны непримиримы и несговорчивы. Что в этом случае могут дать ответное постановление, ответный приказ, если они заведомо невыполнимы? Разве не эмоциями рождено постановление российского съезда о приостановлении действия известного нам Указа Президента? Разве не упрямый гнев — соавтор приказа министра внутренних дел РСФСР Баранникова о назначении Комиссарова начальником главка, в котором уже другой хозяин? Разве верил председатель Мосгорисполкома Лужков, что его распоряжение о созыве коллегии ГУВД будет выполнено и именно на ней генерал Комиссаров вступит наконец в должность? Уверен: если бы мне довелось 8 апреля в 10 часов утра оказаться у входа на Петровку, 38, я не смог бы потом бесстрастно и подробно описать то, что увидел и услышал. Поэтому кратко, протокольно. Именно в это время сюда пришли заместитель председателя Моссовета Станкевич, председатель исполкома Лужков, заместитель министра внутренних дел России генерал-майор милиции Дунаев и генерал-майор милиции Комиссаров, должность которого я называть поостерегусь, чтобы не сглазить. Какие погоны, какие должности должны быть у тех вахтеров, которым поручено послать подальше двух городских голов и двух генералов?

Ответный шаг Моссовета был сделан в тот же день: коли милиция с Петровки окончательно отбилась от рук, решено было создавать свою, муниципальную. Тот, кто видит в этом решении нечто революционное, ошибается. Милиция, которую с большой натяжкой можно назвать муниципальной, поименована уже в Законе о советской милиции, первое ее подразделение уже создано в Таганском районе Москвы и работает отменно. Но вот что главное: эти первенцы получили немалую помощь и от союзного МВД, и от ГУВД, и, естественно, от своего районного исполкома. У тамошних служащих и машины что надо, и средства связи, и оружие, и, что немаловажно, несоизмеримая с другими зарплата. Московскую муниципальную, как можно догадаться, исполком намерен создавать как бы в противовес существующей, и потому на помощь генералов Пуго или Шилова не надеется. И еще: судя по заявлениям городских властей, они о своих будущих стражах порядка имеют представление весьма приблизительное. Читаю, например, в совместном заявлении Г. Попова и Ю. Лужкова такое: «Создание муниципальной милиции ...является необходимым условием поддержания правопорядка. В ее состав должны войти районные управления внутренних дел, уголовный розыск, ОБХСС, ГАИ, паспортные столы и некоторые другие службы... На наш взгляд... наилучшим вариантом было бы создание московской муниципальной милиции не как альтернативы существующим структурам ГУВД, а на их основе с переподчинением соответствующих служб и подразделений московской муниципальной милиции».

Позвольте, но в таком случае такая милиция вовсе не сможет претендовать на свое заграничное название! Если уж мы его позаимствовали, то надо быть последовательными — во многих странах функции муниципальной полиции ограничены службой охраны общественного порядка, и только ей! Во Франции, к примеру, такая полиция розыск преступников проводить просто не имеет права, запрещено ей! А если речь идет о переподчинении служб ГУВД городским властям, то так надо и говорить — единственный вариант решения видится мне лишь в отмене Указа Президента Комитетом конституционного надзора. Боюсь, впрочем, что комитет на это не пойдет, Президент и Моссовет останутся на своих позициях и муниципальная милиция все-таки будет создаваться именно как альтернатива уже существующему, но не подвластному исполкому ГУВД. А вот это уже просто опасно: вообразите себе на мгновение противостояние не политически враждующих демонстрантов, а вооруженных людей — не безумие? Известный нам генерал Комиссаров, кстати, именно такое воображение и имеет, по-

следнее его интервью тому свидетельство.

Как бы там ни было, новая милиция в столице создаваться будет, в постановлении Президиума Верховного Совета России «О статусе и структуре органов управления города Москвы — столицы РСФСР» она именуется проще — местной, проект положения о ней предложено подготовить до 1 июня. К тому времени, думаю, либо Моссовет, либо российское правительство отыщут для столичных стражей порядка несколько сот тысяч рублей, а нам скажут, откуда они взялись, до того не востребованные. Прикидываю, что эта затея обойдется всем нам гораздо дороже — местной милиции придется платить поболее уже существующей, иначе как перекупишь? Прошу извинить меня за этот рыночный термин, но будем реалистами: сколько бы я ни расспрашивал на этот счет милицейских сержантов, а тем более офицеров, все в один голос не скрывали своих тревог. Зарплата зарплатой, а как насчет пенсий, выслуги лет, других социальных гарантий? И насколько можно будет верить работодателю, не отмахнется ли от его обещаний новый состав Моссовета или новый городской голова?

Волнует меня и отношение к местной или пусть уж муниципальной милиции со стороны центральной власти, которое сегодня более чем сдержанное. Если Моссовет согласится взять под свое начало только патрульно-постовую и паспортную службы — один разговор, если будет по-прежнему настаивать на командовании всеми структурами ГУВД и их конечном переподчинении себе — другой. Вообще, насколько я мог убедиться в последний год, власти и в Москве, и в некоторых республиках согласятся с любым милицейским новшеством лишь при условии его нужности собственной политике, полного послушания реформаторов. Уже знакомый нам официоз МВД «Щит и меч» не раз добро и даже восторженно писал о муниципальной милиции Таганки, но он же предоставил слово на эту тему и первому заместителю министра внутренних дел Украины генерал-лейтенанту Дурдинцу. Вот что тот говорил: «...в таких областях, как Львовская, Ровенская, Тернопольская, создаются собственные формирования муниципальной милиции. Во Львове — административная милиция. Это, по сути, вооруженные **незаконные** (разрядка моя.— **Г. Р.**) параллельные органам внутренних дел структуры». Заметили, что генерал чехвостит инициативу, проявленную только в западных областях Украины, где и в городских, и в районных Советах абсолютное большинство у демократических движений? Ведь это именно их победа на выборах прошлого года заставила тогдашнего Председателя Президиума Верховного Совета Украины Валентину Шевченко немедля вывести органы внутренних дел из подчинения Советов — мало ли что! Так что Горбачев со своим Указом о московском ГУВД был отнюдь не первопроходцем. Но это я так, попутно, мы еще не закончили разговор о симпатиях аппаратных властей к появляющимся то здесь, то там формированиям по охране порядка, которые отнюдь не спешат назвать незаконными. Признаться, не думал уже, что после более чем здравых сомнений в пользе и законности «рабочих отрядов» содействия милиции услышу о живучести этой явно бестолковой задумки. И вот на тебе: узнаю, что в Раменках, под Москвой, создан РОМ — рабочий отряд милиции. Мо́лодцы, в него записавшиеся, облачены в милицейскую форму с погонами, ходят с собаками, дубинками, наручниками, рациями. Знают каратэ, дзюдо, приемы рукопашного боя — как иначе затащишь в милицию подозрительную личность? Не могу в связи с этим удержаться от вопроса к генералу Шилову, под началом которого теперь милиция и города, и области: знает ли он о том, что на его территории некие молодые люди незаконно носят милицейскую форму, незаконно имеют при себе дубинки и наручники, незаконно задерживают граждан? Надеюсь, теперь будут объяснимы те отнюдь не лестные эпитеты, которые я выше адресовал «рабочим отрядам». Во-первых, они именно незаконны, во-вторых, бесполезны: дилетанты никогда не заменят и даже не дополнят усилий профессионалов. А вот властям, повторяю, очень даже угодны — уверен, что украинский генерал, случись ему иметь под рукой такой РОМ, как в Раменках, никогда бы на него так не прогневался, как на муниципальную милицию отбившейся от рук Галичины.

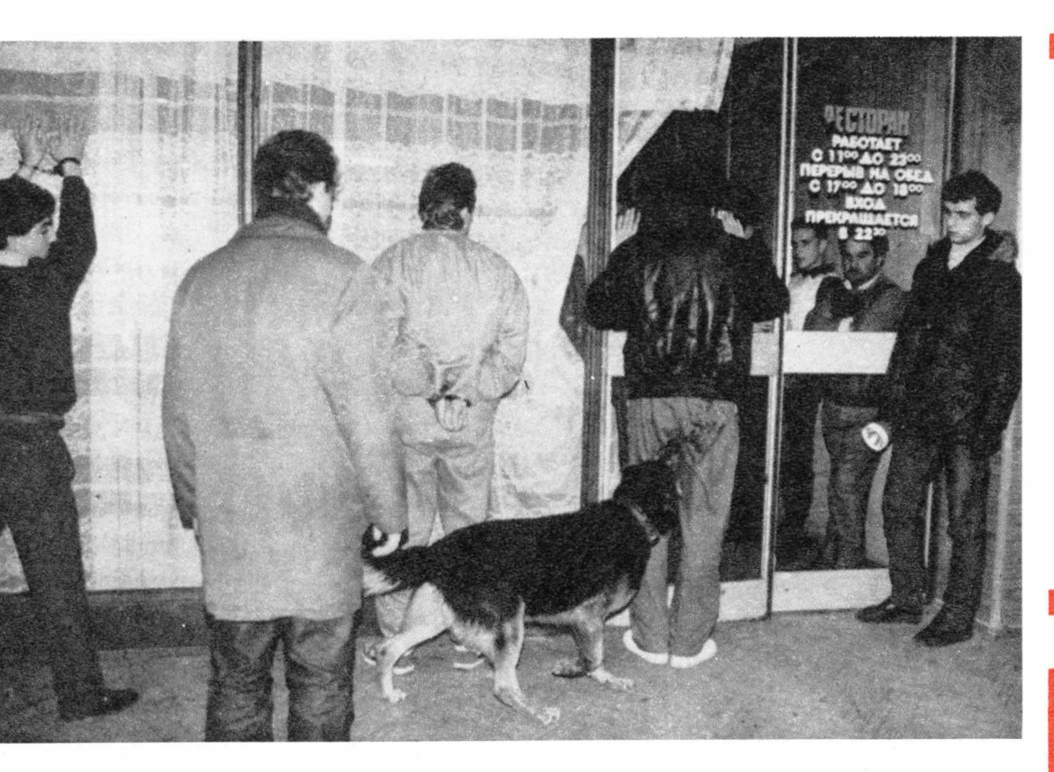
Эти мои рассуждения не столь уж, думаю, отвлеченны, они помогут составить более точный прогноз относительно будущего московской милиции, никому из нас оно не безразлично. То, что происходит сегодня, в чем-то печалит, а в чем-то и радует. В первые дни после Указа Президента многие депутаты и журналисты поспешили назвать ГУВД Мосгорисполкома «бывшим», предполагая, что новый главк попросту поглотит его вкупе с областным управлением. Они поспешили и ошиблись — в середине апреля генерала Богданова проводили наконец на пенсию, а на его место министр Пуго назначил генерал-майора милиции Мырикова, областным же главком как командовал, так и командует генерал-майор милиции Белин. Оба ГУВД, как и прежде, формально оставлены при исполкомах городского и областного Советов. Стала более отчетливой роль генерал-полковника Шилова — он, как сам заявлял, прежде всего координирует деятельность органов внутренних дел и города, и области. Не знаю, как у кого, а у меня после этих кадровых уточнений появился луч надежды — мне кажется, что центр делает пусть робкий, пусть половинчатый, но все же шаг навстречу Москве и России. И вовсе не исключено, что когда в конце концов будет разработан и принят Закон СССР о статусе Москвы, подчиненность милицейских и прочих служб и московскому мэру, и МВД России будет более определенной. После того, как Горбачев сумел договориться сразу с девятью лидерами союзных республик, эта моя надежда стала более объяснимой.

А теперь снова о грустном. Ну разве не беда, что наши с вами защитники четыре месяца труднейшего года не только не имели так необходимого им стабильного руководства, но и сами подчас делились на «наших» и «ненаших»? Разве не обидно, что в словесных дуэлянтов превратились самые уважаемые, самые достойные милицейские наши генералы — Богданов, Комиссаров, Мыриков, Шилов? Если бы их силы, угробленные на междоусобную борьбу, обрушить с той же беспощадностью на разгулявшуюся в Москве уголовщину — разве с такой удручающей криминальной хроникой мы бы сегодня знакомились? Какие мафиози, какие рэкетиры могли нанести нашей милиции столько вреда, сколько затеянные вокруг нее политические игрища? А как прикажете воспринимать решение о прекращении в общем-то мизерного финансирования Моссоветом служб ГУВД, льготного социально-бытового обеспечения и снабжения товарами сотрудников? Какими эмоциями, какой горячностью можно объяснить это откровенное издевательство над постовыми и сыщиками, пожарными и участковыми?

Это поистине безумное решение было опубликовано во многих городских газетах Москвы, свои комментарии адресовала ему ведомственная милицейская пресса, а о реакции рядовых и сержантов я лучше умолчу, она явно не для печати. Отцы города встревожились и решили поговорить с работниками столичной милиции с глазу на глаз — такая давно ожидаемая встреча состоялась в середине апреля в кинотеатре «Октябрь», рассерженных стражей порядка утешали два первых в городе лица — Попов и Лужков. Оба сказали доброе слово в адрес только что назначенного генерала Мырикова, но так же дружно отказались признавать его начальником формально подвластного им главка. После такого кнута последовал и пряник: Моссовет не только пообещал и впредь подкармливать свою бывшую милицию, но и даровал миллион шестьсот тысяч рублей для поощрения ее лучших сотрудников. Трудно было додуматься до такой встречи раньше?

Нет, воистину мы не ведаем, что творим, а сотворив, ужасаемся содеянному. Ужаснемся и сейчас. Пятый месяц держим друг друга за грудки — кто хозяин на Петровке, 38? В итоге приобретений — ноль, потерь — не счесть. Впрочем, попробуем. Оскорблен Моссовет, а стало быть, и все мы, за него голосовавшие. Это — первое. В который уже раз Президент заставил нас усомниться в его приверженности Конституции и уважении наших прав. Это — второе. Разболтан отлаженный за многие годы механизм управления многотысячным милицейским коллективом столицы, снижена, говоря казенным языком, его боевая готовность. Это — третье. Считать еще?

Если не остановимся, если центр не шагнет навстречу Москве, а Москва — к центру, счет наших общих потерь возрастет многократно.

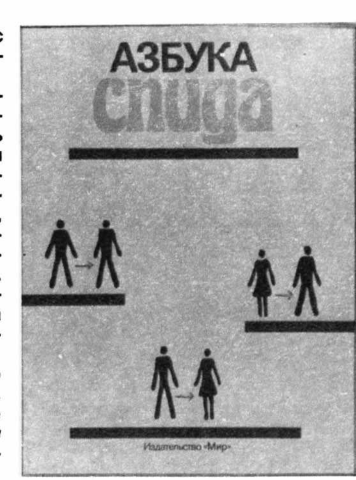

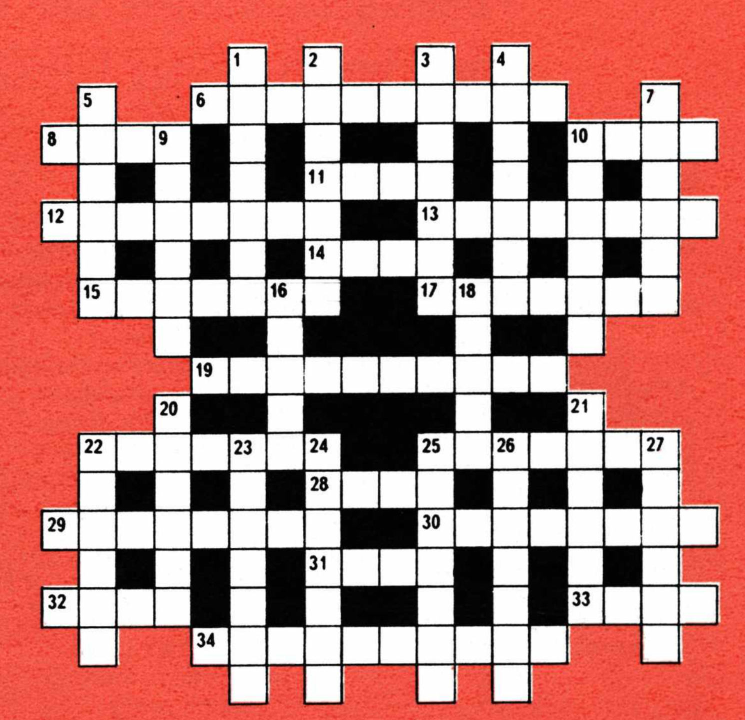

Лучшее, на что нам приходится сейчас рассчитывать,— это замедление роста эпидемии СПИДа путем просвещения.

В издательстве «Мир» вышла книга «Азбука СПИДа». Это перевод книги английских авторов. В ней в доступной и очень наглядной форме с использованием схем и цветных иллюстраций излагаются основные аспекты проблемы СПИДа: эпидемиология, иммунология, диагностика, клинические проявления болезни, вопросы борьбы с инфекцией и ухода за больными, профилактика, консультирование. Книга привлечет внимание всех интересующихся проблемой СПИДа. Она должна стать настольной книгой каждого медицинского работника.

Заказы от организаций направляйте по адресу: *129820, Москва, 1-й Рижский пер., 2, издательство «Мир»*; индивидуальные заказы — *в магазин № 5 «Техническая книга» по адресу: 191040, Ленинград, Пушкинская ул., 2.*

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Аппарат для проецирования изображения звездного неба. 8. Блеск отполированной поверхности. 10. Устройство, используемое в системах автоматического управления, контроля, сигнализации. 11. Атмосферная влага, осаждающаяся мелкими каплями. 12. Прибор для распыления жидкого топлива. 13. Вид конвейера. 14. Французский физик, лауреат Нобелевской премии. 15. Система цветовых сочетаний в произведениях изобразительного искусства. 17. Судно для лова рыбы. 19. Врач. 22. Распорядитель на рыцарских турнирах в средние века. 25. Раздел стиховедения. 28. Кондитерское изделие из орехов. 29. Советский научно-популярный журнал. 30. Древнегреческий философ-материалист. 31. Кожный покров глаза. 32. Сооружение для переезда через реку, овраг. 33. Летчик-космонавт СССР. 34. Комический или сатирический рисунок.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Декоративный вечнозеленый кустарник. 2. Перерыв между действиями спектакля, отделениями концерта. 3. Предельные очертания предмета, сооружения. 4. Зеленая водоросль. 5. Город в Витебской области. 7. Безмоторный летательный аппарат. 9. Животное семейства оленей. 10. Звезда в созвездии Ориона. 16. Главное действующее лицо в опере А. П. Бородина. 18. Спортивные соревнования на автомобилях, мотоциклах. 20. Город в Армении. 21. Народный артист СССР, Герой Социалистического Труда. 22. Смолистая масса из отходов перегонки нефти. 23. Диктор Всесоюзного радио, народный артист СССР. 24. Тетрадь для записи заданных уроков и отметок. 25. Рассказ А. П. Чехова. 26. Живопись специальными красками. 27. Спутник Урана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Пикассо. 6. Скрипка. 9. Днепропетровск. 10. Пунктуация. 14. Алазея. 15. Крот. 17. «Илиада». 18. Аэродром. 19. Федченко. 20. Дровни. 22. Софа. 23. Виадук. 27. Монограмма. 28. Адмиралтейство. 31. Паллада. 32. Балобан.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Кафе. 2. «Киев». 4. «Индиана». 5. Сирень. 7. Корица. 8. Кокарда. 10. Псевдоним. 11. Яблочкина. 12. Шаланда. 13. Марокко. 15. Кумыс. 16. Тафта. 21. Острава. 24. Долгота. 25. Снаряд. 26. Ямайка. 29. Миль. 30. Троп.

1 руб. Индекс 70663